

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

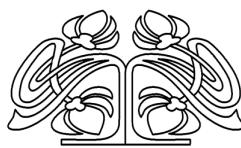
2025

Том 25

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY, INTERNATIONAL RELATIONS

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

Рабинович Я. Н. «Служилый город» Юрьева-Польского в конце XVI – первой половине XVII в.	288
Кабытов П. С., Баринова Е. П. История семьи дворян Панчулидзеевых: изломы судьбы	296
Лёвин С. В. У истоков общественно-литературного движения начала XIX в.: Дружеское литературное общество	305
Гуня Г. А. Участие Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП(б) в организации интернациональных воинских формирований в период Гражданской войны в России (конец 1919 – начало 1920 гг.)	312
Лакилюк А. А. На пути создания ЧГК СССР: проекты организации специальных органов по установлению и расследованию злодействий, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях СССР в 1941 г.	321
Дитковская С. А. Проблемы организации учебного процесса в вузах Ворошиловградщины после освобождения от немецко-фашистских захватчиков	327
Елизаров С. А. Реформирование региональной системы управления сельским хозяйством БССР: повороты «великого десятилетия» Н. С. Хрущева	336
Чирков М. С. Бюджеты семей крестьян-колхозников СССР в 1958–1964 гг. (по материалам неопубликованной статистики 1965 г.)	344

Всеобщая история

Лотменцев А. М. От Египта до Загреба. К истории римско-католических орденов на Балканах	351
Галлямичев А. Н. Чешский город Градец-Кралове: основные вехи средневековой истории	360
Чавкина О. В. Преступность в Мюнстере в XVII в.	365
Кретинин С. В. Хендрик де Ман против Карла Каутского – к истории идеологических дискуссий в германской социал-демократии в середине 1920-х гг.	371
Баранов А. В. «Иранское пробуждение» в восприятии западного наблюдателя: мифы и реальность	375
Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. Международный валютный фонд в фокусе партийного соперничества в США (конец XX – начало XXI в.)	383

Региональная история и краеведение

Королев Г. К. Советские вооруженные формирования в борьбе с повстанчеством на территории Области немцев Поволжья (март – апрель 1921 г.)	389
Попова Е. П. Инвалидные артели как часть промысловой кооперации Астраханской убернии в 1920-е гг.	397
Чолахян В. А. Эволюция форм досуга в повседневной жизни саратовских рабочих в 1920–1930-е гг.	405
Воейков Е. В. Руководящие кадры военно-промышленного комплекса Пензенской области в 1941–1945 гг.	412
Яковleva Ж. В. К вопросу о взаимоотношениях государства и евангельских христиан-баптистов (на примере Саратовского Поволжья)	421

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7).
Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год.
Подписной индекс издания 36018.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степanova Наталья Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.08.2025.

Подписано в свет 29.08.2025.

Выход в свет 29.08.2025.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 16.56 (17.75).

Тираж 100 экз. Заказ 79-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей страницы в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей страницы в e-library), место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

- должна отражать краткое содержание статьи;
- оптимальный объем 300–500 знаков;
- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылку порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlyavorov>

Материалы, отклоненные редакцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редакцией серии: iimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Rabinovich Ya. N. The “service town” of Yuriev-Polsky at the end of the XVI – the first half of the XVII century	288
Kabytov P. S., Barinova E. P. History of the Panchulidze family: The twists of fate	296
Lyovin S. V. At the origins of the social and literary movement of the early XIX century: The Friendly Literary Society	305
Gunya G. A. Participation of the Military Commission under the Federation of Foreign RCP(b) Groups in the organization of international military formations during the Civil War in Russia (late 1919 – early 1920)	312
Lakizyuk A. A. On the way of creation of the CGC of the SSSR: Projects of organization of special bodies for establishment and investigation of atrocities committed by Hitlerites in the occupied territories of the SSSR in 1941	321
Ditkovskaya S. A. The problems of organizing the educational process in the universities of Voroshilovgrad region after liberation from the Nazi invaders	327
Elizarov S. A. Reforming the regional agricultural management system of the BSSR: The turns of the N. S. Khrushchev “great decade”	336
Chirkov M. S. Budgets of families of collective farmers of the USSR in 1958–1964 (based on unpublished statistics from 1965)	344

World History

Lotmentsev A. M. From Egypt to Zagreb. The history of Roman Catholic orders in the Balkans	351
Galyamichev A. N. The Bohemian city of Hradec Kralove: The main milestones of medieval history	360
Chavkina O. V. Crime in Munster in XVII century	365
Kretinin C. V. Hendrik de Man vs. Karl Kautsky – Toward a history of ideological discussions in German Social Democracy in the 1920s	371
Baranov A. V. The “Iranian Awakening” in the perception of the Western observer: Myths and reality	375
Golub Yu. G., Shenin S. Yu. The International Monetary Fund in the focus of party rivalry in the United States (late XX – early XXI centuries)	383

Regional History and Local Studies

Korolev G. K. Soviet armed formations in the fight against the insurgency in the territory of the Volga German region (March – April 1921)	389
Popova E. P. Artels of disabled people as a part of industrial cooperation of Astrakhan Governorate in 1920s	397
Cholakyan V. A. The evolution of leisure forms in the daily life of Saratov workers in the 1920–1930s	405
Voeikov E. V. Senior personnel of the military-industrial complex of the Penza region in 1941–1945	412
Yakovleva J. V. On the question of relations between the state and evangelical Christians-Baptists (on the example of the Saratov Volga region)	421

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренна, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник
(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönninkhaus (Lüneburg, Germany)

Piotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

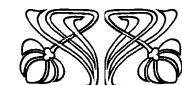
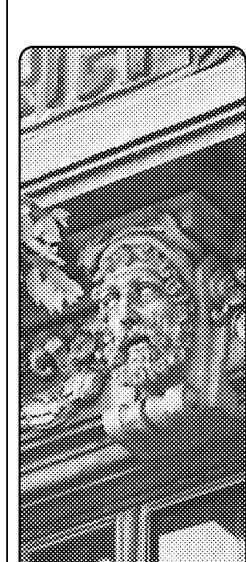
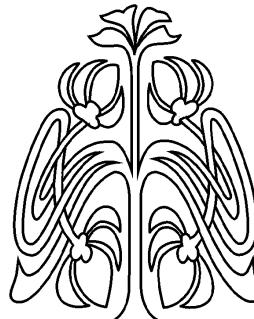
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

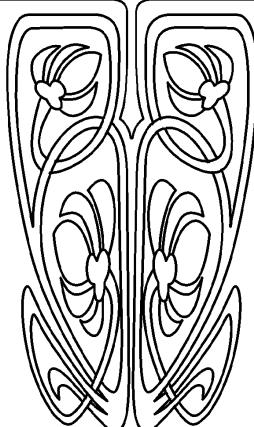
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 288–295

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 288–295
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-288-295>, EDN: ACPGNZ

Научная статья

УДК 323.317(470.314)|15/16|+929

«Служилый город» Юрьева-Польского в конце XVI – первой половине XVII в.

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые рассмотрена дворянская корпорация Юрьева-Польского (так называемый «служилый город») на протяжении почти целого века. Основным источником стала десятня 1608 г., благодаря которой удалось установить, кто из юрьевцев принимал участие в Болховской битве 30 апреля – 1 мая 1608 г. Выяснено, в каких событиях XVI–XVII вв. участвовали служилые люди, указанные в данной десятне, а также их предки и потомки, какие они получали награды за службу и как происходил рост их служебной карьеры. Обнаружено, что значительная часть юрьевских землевладельцев ведут свой род от знатных новгородцев, испомещенных в Юрьевском уезде в конце XV в. по приказу Великого князя Ивана III, а также от «литвы дворовой».

Ключевые слова: Смутное время, Дворовая тетрадь, боярские списки, десятни, А. Ю. Кабанов, Болховская битва, Смоленская война, выборное дворянство

Для цитирования: Рабинович Я. Н. «Служилый город» Юрьева-Польского в конце XVI – первой половине XVII в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 288–295. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-288-295>, EDN: ACPGNZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “service town” of Yuriev-Polsky at the end of the XVI – the first half of the XVII century

Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. For the first time, the article examines the noble corporation of Yuriev-Polsky (the so-called “service town”) for almost a century. The main source was the tithes of 1608, thanks to which it was possible to establish which of the Yurievites took part in the Battle of Bolkhovo on April 30 – May 1, 1608. It was found out which events of the XVI–XVII centuries were attended by the service people listed in this list, as well as their ancestors and descendants, what awards they received for their service and how their career growth took place. It has been found that a significant part of the Yuriev landowners are descended from noble Novgorodians who were settled in Yurievsky Uyezd at the end of the XV century by order of Grand Duke Ivan III, as well as from “domestic Lithuania”.

Keywords: The Time of Troubles, The Court notebook, boyar lists, desyatni, A. Yu. Kabanov, the Battle of Bolkhovo, the Smolensk War, the elected nobility

For citation: Rabinovich Ya. N. The “service town” of Yuriev-Polsky at the end of the XVI – the first half of the XVII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 288–295 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-288-295>, EDN: ACPGNZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последнее время после выхода в свет в 1990-е гг. ряда статей, а затем и монографии В. Н. Козлякова об уездном дворянстве XVII в. [1, 2], исследователи все чаще стали уделять внимание «служилым городам» конца XVI–XVII вв. – местным уездным дворянским корпорациям, а не только Государеву двору. В первую очередь рассматривалось «выборное дворянство» [3, 4], которое по своему положению занимало промежуточную позицию между московским и городовым дворянством, и по которому сохранилось больше источников, но также началось изучение более низших категорий уездного дворянства (дворовых и городовых детей боярских) [5, 6]. Опубликованы многочисленные труды о дворянах и детях боярских Ярославля, Костромы, Твери, Рязани, Нижнего Новгорода, Воронежа, Великого Новгорода и др.

Нетрудно заметить, что в основном изучены уездные дворянские корпорации тех городов, которые в настоящее время стали областными центрами. К тому же, чаще всего исследователи рассматривают конкретные «служилые города» на протяжении довольно короткого периода времени, к примеру – Смутного времени [7], либо на основании лишь одного источника, какой-нибудь десятни, а что происходило с этим «служилым городом» до и после указанного времени, оставалось за пределами их изысканий.

Что же касается аналогичных «служилых городов», которые по своему составу в XVII в. не сильно отличались от вышеупомянутых, но в настоящее время превратились в скромные районные центры, то здесь ситуация складывается намного сложнее. К моменту начала Смоленской войны, по подсчетам, Е. Д. Сташевского, было около 3 тыс. представителей Государева двора и около 25 тыс. дворян и детей боярских, объединенных примерно в 100 «служилых городов» разной численности [8, с. 51–52]. Наиболее крупные дворянские корпорации в это время насчитывали свыше 1 тыс. чел. (Рязань, Великий Новгород, Кострома), от 500 до 1000 чел. (Тула, Арзамас, Галич, Ярославль, Мценск, Курск, Елец, Ливны). Около 50 «служилых городов» имели в своем составе от 100 до 500 чел., еще примерно 20 дворянских корпораций насчитывали от 50 до 100 чел. Были и более мелкие (20–50 чел.), причем находящиеся в центральных уездах, в которых также издавна существовало поместное землевладение – Лух, Старица, Воротынск, Клин, Малоярославец, Серпухов, Волок, Верея и др. С другой стороны, известны довольно значительные по численности дворянские корпорации в тех районах, где вообще не было поместий (Астра-

хань – 92 чел., Терки – 48 чел., Уфа – 36 чел. и др.).

Отдельную категорию представляют «служилые города», утратившие связь с прежними землями из-за захвата их Речью Посполитой, но по-прежнему носящие свое название, даже находясь вдалеке от родных земель (в Брянске, Рыльске, Карабчеве, Алатыре и других городах). Это смоляне, дорогобужане, беляне, невляне, северяне, почепцы, черниговцы, рославцы, стадорубцы и др.).

В настоящей статье рассмотрена дворянская корпорация Юрьева-Польского. Юрьев-польские дворяне и дети боярские являлись частью владимирского дворянства. Американская исследовательница В. Кивельсон «уделила основное внимание изучению функционирования пяти владимирских корпораций (Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Шуи, Луха)» [цит. по: 2, с. 35]. Накануне Смоленской войны «служилый город» Юрьева-Польского насчитывал 124 чел. Кроме того, в Смете воинских сил 1632 г. указаны еще городовой приказчик, головы у засек – 2 чел., а также старые и отставные 17 чел. [8, с. 67].

До последнего времени исследователи почти ничего не писали о служилых людях по отечеству, дворянах и детях боярских, владельцах земель в Юрьевском уезде и не обращали внимание на то, как происходило формирование местной дворянской корпорации на территории данного уезда, испомещение служилых людей в этих местах. Нельзя не отметить, что многие потомки землевладельцев XVI в. дожили до революции, правда, значительная часть этих людей к началу XX в. уже утратила связь с прежними родовыми владениями.

Начать изучение юрьевского «служилого города» следует как минимум с Дворовой тетради Ивана Грозного, в которой можно найти имена некоторых отцов и дедов юрьевцев, указанных в более поздних документах Смутного времени. Благодаря этой Дворовой тетради выясняется, откуда появились в Юрьеве некоторые служилые люди, хорошо известные по дальнейшим событиям Смутного времени. К примеру, юрьевцы Жеребятчицы, Обуховы, Бобоедовы, Кетевы – это потомки выехавших из Литвы, видимо, во времена Василия III или Елены Глинской. Эти служилые люди в Дворовой тетради объединены под названием «литва дворовая» [9, с. 152–153].

В труде А. Л. Стениславского по истории Государева двора опубликованы несколько боярских списков. В них указаны также и юрьевцы, служившие по выбору. Так, в боярском списке 1588/89 г. приведены имена 15 юрьевцев, многие из них были участниками шведского похода

1589 г. [10, с. 232–233], а в боярском списке 1602/03 г. этот автор указал 24 юрьевца, причем только 7 прежних выборных остались в новом боярском списке, еще у четверых юрьевцев теперь служат их дети – 6 чел. (трое Феофилатьевых, два Жеребятичева и Внуков), младшие братья или племянники – 3 чел. (двою Внуковых, Акинфов), а 8 выборных юрьевцев указаны впервые (Болховский, Замыцкий, Заболоцкий, Великого, Прокудины и Мячковы) [11, с. 273–274]. Эти фамилии встречаются и в Дворовой тетради, причем, судя по отчествам, в боярском списке 1602/03 г. в основном указаны дети тех служилых людей, которые начинали службу при Иване Грозном.

В опубликованной Н. П. Лихачевым десятне новиков, поверстанных в 1596 г., приводятся имена 20 юрьевцев, впервые начавшие службу [12, с. 118–119]. Некоторые из них в Смутное время значительно поднялись по служебной лестнице. К примеру, новик 1596 г. Петр Иванович Внуков в 1607 г. уже стал выборным, а после Смуты будет переведен в состав московского дворянства. И таких примеров можно привести немало.

В 1604 г. в войске, направленном против Лжедмитрия, в передовом полку боярина В. В. Голицына было 113 юрьевцев (имена их не указаны) [13, с. 400]. А ведь это не все представители «служилого города» Юрьева-Польского, кто-то оставался в городе, находился в других местах. Так что общая численность юрьевцев была не менее 150 чел.

В боярском списке 1606–1607 гг. приводятся имена 22 выборных юрьевцев. Многие из них также указаны в боярском списке 1602/03 г., и можно заметить, как складывается их служебная карьера, как повышаются их оклады [14, с. 142].

Наибольшую информацию о служилых людях Юрьева-Польского дает десятня денежной раздачи 1608 г. служилым людям этого города. Об этой десятне было известно еще в начале XX в. В. Н. Сторожеву, но публикация ее осуществлена впервые только в 2025 г. в альманахе «Российская генеалогия» Андреем Юрьевичем Кабановым [15]. Публикатор пишет, что десятня 1608 г. – это «один из немногих сохранившихся источников» о печально известной Болховской битве, после которой отрядам Лжедмитрия II был открыт путь на Москву и в итоге был создан Тушинский лагерь [15, с. 151]. Стоит заметить, что о ходе самой битвы сохранилось немало источников, как отечественных (Новый летописец и др.), так и иностранных (Буссов, Будила, Мархоцкий и др.). Известны имена военачальников, командиров среднего звена. А вот о рядовых участниках этой битвы к настоящему времени практически ничего не было известно, и никто из исследователей этим вопросом не интересовался. Поэтому большую ценность в публикации

десятини 1608 г. представляют именно имена рядовых участников Болховской битвы – служилых людей Юрьева-Польского. Таких участников в десятне указан 61 юрьевец. А всего в результате этой публикации мы имеем имена 171 представителя служилого города из Юрьева-Польского. Некоторые из этих людей к моменту составления данной десятни уже погибли, другие были в разных «командировках» весной 1608 г. вдалеке от Болхова, третью участвовали в этом походе, но покинули место службы еще до битвы, а четвертые вообще «уклонились от этой службы» [15, с. 152].

Как обычно, первую группу служилых юрьевцев в данной десятне представляют четвертчики, которые служат по выбору или дворовому списку. Их – 19 чел. (18 – выборные, 1 – дворовый) [15, с. 154–155]. Здесь, как и в других группах служилых людей списки личного состава идут по мере убывания поместного оклада. Сложно выяснить, кто из этих четвертчиков участвовал в Болховской битве, а кто служил в это время в других местах.

В второй группе указаны юрьевцы, конкретные участники Болховской битвы, которые также служат по выбору или дворовому списку, но они получали ранее жалование с городом, хотя к моменту составления десятни некоторые из них были переведены в четвертчики (другие продолжали получать жалование с городом). Следует отметить, что в заголовке данной группы служилых людей дьяки указали только выборных, хотя речь здесь идет также о дворовых и городовых. Все эти служилые люди участвовали в Болховской битве, многие из них получили придачу к поместному и денежному окладам, причем придача к поместному окладу составляла 50 четей. Их – 61 чел. (2 выборных, 27 дворовых и 32 городовых). 7 «новых» четвертчиков из данной группы жалование не получили (они получали деньги из другой «кассы»), а остальным 54 юрьевцам было выдано в общей сложности 637 руб. [15, с. 155–163].

Что касается четвертчиков из этих двух групп (их всего 26 чел.), то трудно сказать, к какой четверти они относились (Костромской, Галицкой, Владимирской или Устюжской), в десятне это не отображено. Сведения об этом следует искать по кормленым и расходным книгам более позднего периода, но для этого надо, чтобы данное лицо сумело дожить до времени составления этих книг и имело к тому времени оклад, не превышающий 20 руб. (для Костромской чети) или 13 руб. (для Галицкой чети), потому что начальная часть этих кормленых книг, где указаны четвертчики с более высоким окладом, не сохранилась. Из 7 «новых» четвертчиков, которые «пущены в четъ» в 1608 г., известны трое (Василий и Иван Кайсаровы и Юрий Куров), которым через 5 лет был

восстановлен прежний оклад в Костромской чети (10, 12 и 15 руб.) [16, с. 35, 40, 89].

Далее в десятне представлена большая группа юрьевцев, нетчиков или бежавших со службы. Они также указаны по мере убывания поместных окладов, но им выдавалось жалование в размере пол-оклада. Среди этих людей были как дворовые (в незначительном количестве), так и городовые (в подавляющем большинстве), но выборных не было. Все они получали жалование с городом. Четвертчиков среди таких «нарушителей» не было. Их – 49 чел. (7 дворовых и 42 городовых), которые получили всего 227,5 руб. [15, с. 163–169].

Отдельную группу представляют юрьевцы, которые не планировались участвовать в этом походе к Болхову. Какая-то часть «служилого города» оставалась в Юрьеве, про них просто записано: «на службе не был», некоторые находились в Москве, были заняты на других службах. Всего в этой группе было 16 чел. (1 выборный, 2 дворовых и 13 городовых)

Также отсутствовали в походе к Болхову 10 новиков. Их поместные оклады были в пределах 100–200 чети. Всего в этих двух группах было 26 чел. (16 и 10) [15, с. 169–171].

И завершали этот десятный список служилые люди, которые умерли или погибли за время после составления прежней раздаточной десятни 7115 (1606/07) года боярином князем Иваном Михайловичем Воротынским и дьяком Добрыней Васильевым. Таких оказалось 12 чел. (1 выборный, 5 дворовых и 6 городовых), про 9 чел. окладчики сказали, что они убиты, а остальные трое умерли своей смертью, возможно, от ран, полученных в боях. [15, с. 171–172].

Таким образом всего в десятне записано 167 юрьевцев (22 выборных, 42 дворовых, 93 городовых, 10 новиков), «которые представляют 66 родов служилых людей» [15, с. 153]. В начале десятни приведены имена 6 окладчиков. Четверо из них входят в состав 1-й и 2-й групп (дворовый четвертчик Андрей Жуков; дворовый, пущенный в четью Василий Койсаров; дворовый, получающий жалование с городом Василий Стромилов и городовой Андрей Ладоженский). Как видим, среди окладчиков представлены разные категории служилых людей. Один из окладчиков – Андрей Залешанинов – нигде в списке десятни не фигурирует (ни в какой группе, ни в числе выборных, дворовых или городовых), хотя он часто выступает поручителем по службе и в деньгах. Другой окладчик – Обрам Михайлов сын Курков – это Юрий Михайлович Курков, указанный в самой десятне как дворовый с окладом 450 чети, получивший придачу 50 чети и ставший четвертчиком с окладом 13 руб. [15, с. 156]. Поручитель по 13 юрьевцам Юрий Курков (без отчества) – это и есть Юрий (Абрам) Михайлович Курков. Таким образом, в десятне записаны 168 юрьевцев, включая Андрея Залешанинова. Кроме того,

мы имеем имена еще трех юрьевцев, которые служат вместо отцов, они также указаны в десятне (ОНтонко Матрунин, Гришка Харламов, Арист Павлов). В итоге нам известны имена 171 юрьевца, некоторые из которых к моменту составления данной десятни уже погибли.

Интересно сравнить выборных, указанных в данной десятне, с выборными, отмеченными в боярском списке 1606–1607 гг. [14, с. 142]. За истекший год произошли многие изменения, хотя общее количество выборных оставалось неизменным – 22 чел. Половина из них (11 чел.) получили придачу к поместному окладу, двое выбыли (Т. И. Внуков и А. К. Замыцкий), а еще про одного сказали, что он убит (Б. И. Фефилатьев). Зато снова появились среди выборных дворян кн. Д. Д. Мезецкий и И. И. Заболоцкий, отсутствующие в предыдущем боярском списке, но указанные А. Л. Станиславским в более ранних боярских списках (1602/03 и др.), причем теперь их поместные оклады также были значительно повышены.

Можно полностью согласиться с заключительными словами А. Ю. Кабанова, сказанными во вступительной статье при публикации десятни: «Вне всяких сомнений, публикуемая десятня денежной раздачи важный источник по истории и генеалогии служилого “города” Юрьева-Польского». Далее публикатор упоминает другие опубликованные источники, касающиеся Юрьева-Польского (материалы русского архива Яна Петра Сапеги и сыскную десятню 1613 г.) и отмечает, что в совокупности с этими источниками «публикуемый документ образует комплекс актовых источников, позволяющих достаточно полно представить историю упомянутого служилого “города” в период Смуты начала XVII века» [15, с. 153].

Данная публикация десятни А. Ю. Кабановым открывает огромные возможности для изучения дальнейшей истории «служилого города» Юрьева-Польского. В свое время еще В. Н. Сторожев отмечал, что эта раздаточная десятня служилых людей Юрьева-Польского 1608 г. – единственная полная десятня данного города, в которой есть выборные, дворовые и городовые служилые люди [17, с. 115]. Остальные четыре десятни, связанные с Юрьевом-Польским, известные в то время В. Н. Сторожеву, во-первых, сохранились лишь в отрывках, они не полные, во-вторых, в них юрьевские служилые люди представлены в составе сборных списков служилых людей разных городов. Это верстальная десятня новиков мая 1604 г., десятня денежной раздачи дворянам и детям боярским разных городов после 1631 г., верстальная десятня новиков всех городов 1639 г. [17, с. 122, 127, 129] и десятня денежной раздачи 1648 г. «можаичам и Юрьева Польского дворянам и детям боярским по спискам, по особым памятям

из Разряда и по подписным челобитным, – раздачи в Москве в Галицкой четверти» [17, с. 132]. Причем ни одна из этих десятей к тому времени не была опубликована, а десятня 1608 г., указанная В. Н. Сторожевым, опубликована только в настоящее время А. Ю. Кабановым.

Известны имена 33 юрьевцев, перешедших на сторону Василия Шуйского в мае 1609 г. Об этом писали тушинские воеводы Юрьева-Польского Федор Михайлович Болотников и пан Еремей Боярский гетману Яну Петру Сапеге с просьбой срочно прислать им подкрепление [18, с. 253–254]. Все эти имена можно найти и в десятне 1608 г. Среди «изменников» записаны 3 бывших окладчика, 3 выборных, 14 дворовых и 14 городовых, а также 2 новика. Как видим, бежали в это время на сторону Василия Шуйского, если судить в процентном отношении, наиболее знатные юрьевцы, а подавляющее число молодых новиков и городовых по-прежнему поддерживало самозванца. Про выборных сказать трудно, возможно, что многие из них к тому времени уже находились в Москве, а трое выборных «изменников» просто присоединились к своим товарищам. Также наблюдаем такую картину: бежали близкие родственники, четверо Кайсаровых, четверо Кипреяновых, двое Стромиловых, родные братья Вороновы, Голодного, Корякины, Куроедовы, Прокудины.

Это бегство произошло вскоре после известных событий под Владимиром, когда город был освобожден от тушинцев отрядом нижегородцев под командованием Федора Левашова [19, с. 145–147, 238–242].

В. Н. Сторожев приводит имена 14 выборных юрьевцев в боярском списке 1611 г. Среди них – Акинфовы, Прокудины, Стромилов, Кайсаров и ряд других служилых людей, хорошо известных по многим источникам Смутного времени [20, с. 98].

В. Н. Сторожев не указал в своем списке известных десятей по Юрьеву Польскому сыскную десятню юрьевцев 1613 г., опубликованную в сборнике «Heraldica» в 1900 г. Публикаторы отметили, что данная десятня «писана с списка, каков список в 7121–1613 году прислан из Владимира с поместными оклады, за приписью дьяка Ивана Васильева». В этой десятне записаны 77 юрьевцев, из них 7 выборных, 25 дворовых, 38 городовых и 7 новиков [21, с. 26–27]. Большинство этих людей указаны в десятне 1608 г., поместные оклады их за прошедшие 5 лет выросли, некоторые служилые люди поднялись по служебной лестнице. Так, дворовый Андрей Иванович Жуков с окладом 600 чети стал выборным (700 чети). Но данная десятня неполная, вряд ли юрьевский служилый город понес такие потери, особенно среди городовых детей боярских (было в 1608 г. 93 городовых и 10 новиков, а через 5 лет указано всего 38 городовых и 7 новиков).

Некоторые юрьевцы указаны в документах Печатного приказа 1613–1615 гг. (по их челобитным), опубликованных Л. М. Сухотиным и подготовленных к печати С. Б. Веселовским. Особый интерес представляет упоминание в ноябре 1614 г. погибшего юрьевца Клементия Сеченого и его вдовы Дарьи, чей сын Григорий через 20 лет будет назначен стрелецким головой в Саратов [22; 23, с. 394].

В Кормленой книге Костромской чети приведены имена 10 юрьевцев – четвертчиков этой чети. Как уже отмечалось ранее, трое из них – это те служилые люди, которые в 1608 г. были «пущены в четь» [16, с. 1–209]. Среди четвертчиков Галицкой и Устюжской чети по кормленым и расходным книгам этих четвертей также известны юрьевцы, правда, всего 4 четвертчика [24, с. 60–188; 25, с. 308–352; 26, стб. 683–752].

Из приходно-расходных книг Разряда известны имена 6 юрьевцев, участников завершающих боев под Смоленском в 1616–1617 гг., которые служили с воеводами «Михаилом Бутурлиным, Исаком Погожим и дьяком Иваном Сафоновым до отхода, голод и нужу терпели» [27, стб 509–682].

Все эти источники позволяют выяснить боевой путь юрьевского служилого города в завершающий период Смутного времени. Юрьевцы участвовали в ополчении, освобождавшем Москву от поляков, находились в столице во время избрания Михаила Романова, участвовали в разгроме атамана Заруцкого под Воронежем (1613), в боях против воровских казаков у Васильевской слободы и Каргополя (1615), в походе против атамана Лисовского осенью 1615 г. (в войске князя Михаила Борятинского по росписи должно было быть 50 юрьевцев), в осаде Смоленска в 1616 г. (с воеводой Михаилом Бутурлиным по росписи от 16 июня 1616 г. должно было быть 36 юрьевцев), против поляков под Дорогобужем (1617) и Можайском (1618). А осенью 1618 г. юрьевцы находились в войске боярина Б. М. Лыкова («Нижегородская служба 127 году»). По книгам разрядным также можно проследить боевой путь юрьевского «служилого города» в завершающий период Смуты 1613–1618 гг., начиная с похода против атамана Заруцкого и боев под Воронежем, хотя в этих источниках имена юрьевцев не приводятся [28, стб. 94, 96].

В «Книге сеунчей» и Осадном списке 1618 г. служилых людей из Юрьева указано очень мало. Известен один из сеунчиков, отправленный в Москву после разгрома атамана Заруцкого под Воронежем – юрьевец Андрей Жуков (тот самый бывший дворовый окладчик по десятне 1608 г.) [29, 30]. Зато мы имеем довольно большой список юрьевцев из 35 чел., награжденных в Москве золотыми за участие в боях против воровских казаков в войске боярина Б. М. Лыкова в 1615 г. Всего в этом походе участвовало 44 юрьевца, но известны имена 35 чел., видимо, остальные

9 чел. были награждены раньше, возможно, что кто-то погиб [31, стб. 774–775].

При изучении «служилого города» не следует забывать и писцовые книги по Юрьеву-Польскому, начиная с 1498 г. и заканчивая второй половиной XVII в. В источниках сохранились упоминания о первых писцовых описаниях Юрьевского уезда и владельцах земель, начиная с 1498 г. Писцами были Константин Григорьевич Заболоцкий (1497/98 г.), Андрей Мятлев и подъячий Максим Трофимов (1551/52 г.), Никита Ромодановский и подъячий Семейка Александров (1563/64 г.), Федор Бегичев (1570/71 г.), Меньшой Ростопчин и подъячий Иван Акинфов (1574/75 г.), Матвей Никитич Бороздин и Басарга Федурин (1579/80 г.) [32, с. 11, 43, 64, 75, 86, 91].

Также известны дозорные книги дворцовых земель и ряда монастырских вотчин в Юрьевском уезде. Дозорщиками были Василий Старой (1576/77 г.), Елизарий Кашкаров (1577/78 г.), кн. Федор Елецкий (1588/89 г.). Все эти книги упоминаются в актовых материалах, как и некоторые владельцы земель в Юрьевском уезде [32, с. 87, 89, 113].

Сохранились писцовые книги вотчин Троице-Сергиева монастыря в Юрьевском уезде писцов кн. П. Б. Ромодановского и кн. А. И. Стадорубского (1558–1559 гг., № 254), Я. П. Вельяминова (1593–1594 гг., № 913). В скобках здесь и далее указаны годы описания и номера единиц хранения. В этих книгах также указаны многие Юрьевские помещики, чьи земли потом перешли монастырю, либо они были соседями монастырских вотчин [33, с. 21, 66].

За первую половину XVII в. сохранились подлинники или в копиях XVIII в. несколько писцовых и межевых книг всего Юрьевского уезда или отдельных станов, а также дозорных книг самого Юрьева-Польского. Дозорщиками Юрьева-Польского были И. Ф. Ергольский (1613, № 913), С. М. Уваров (1623, № 913), а писцами и межевщиками в уезде – Ф. А. Скрябин (1630, № 537, 914) и Г. А. Шехонский (1645–1647, № 72, 538, 608, 610, 916, 952) [33, с. 7, 41, 45, 66, 68].

По этим писцовым книгам, а также по «Актам служилых землевладельцев» [34–37], «Актам феодального землевладения и хозяйства» и другим актовым материалам можно выяснить, из каких мест первоначально были переселены служилые люди в Юрьев-Польский уезд, их генеалогию, состав семьи, родственные связи, дату кончины. Многие из юрьевцев Смутного времени были потомками знатных новгородцев, как например, Феофилатьевы, Кипреяновы, Исаковы, Иевлевы, Есиповы и другие, которые были переселены в Юрьевский и соседние Владимирский и Сузdalский уезды Иваном III в 1480-е гг. Известны споры между этими новгородцами (бывший тысяцкий Есип Максимов) и их соседями, монастырскими троицкими старцами,

в 1480-е гг. о границах земель (Кучецкая земля в Юрьевском уезде) [38, с. 395].

Юрьевцы, служившие по выбору, указаны в «подлинных» боярских списках 1626–1629 гг. В 1626 г. выборных юрьевцев было 9 чел., а в последующие годы – 12 чел. Один выборный юрьевец (Петр Иванович Внуков) за эти годы перешел в состав московского дворянства, но одновременно появились новые 4 выборных. Один из них – известный деятель Смутного времени Иван Афанасьевич Шевырев, который ранее был дьяком [39, с. 67, 155–156, 231–232, 314–315]. По сравнению со Смутным временем количество выборных юрьевцев резко сократилось. Многие выборные, указанные в 1607–1608 гг., погибли, а их дети перешли, как и П. И. Внуков, в состав Государева двора (Акинфовы, Феофилатьевы и др.).

В. Н. Козляков опубликовал в одном из выпусков альманаха «Российская генеалогия» имени примерно 7500 дворян и детей боярских из 35 уездов. Здесь мы найдем наиболее полный список юрьевских служилых людей по состоянию на середину 1630-х гг. В. Н. Козляков указывает, что для Юрьева-Польского основным источником для выяснения «служилого города» 1630-х гг. являются смотренные и «подлинные» списки 145 (1636/37) г. Благодаря данной публикации стали известны имена 134 юрьевцев, в том числе 15 выборных, 28 дворовых, 56 городовых, 8 новиков и 27 недорослей. Некоторые из этих юрьевцев испомещены в других уездах (Костромском и Мосальском), один из городовых умер в 145 г., о другом вести нет, вместо третьего служит его сын, кто-то – увенчен, на службе не будет. Многим недорослям в 1636 г. было от 4 до 8 лет [40, с. 273–710]. Один из выборных – Григорий Клементьевич Сеченый – указан головой у стрельцов на Саратове. Этот стрелецкий голова до настоящего времени не был известен саратовским краеведам, ничего о нем не писал А. А. Гераклитов, при упоминании воеводы кн. И. Ф. Шаховского, хотя ссылался в своем списке воевод на «Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 год». Между прочим в этой росписи говорилось: «На Саратове воевода кн. Ив. княж Федоров с. Шаховской, послан во 145-м г. в августе. Голова у стрельцов Юрьева Польского Григ. Сеченой, послан во 144-м г. в августе...» [41, с. 460].

Ранее в Смете воинских сил 1631 г. было указано 126 юрьевцев, которым «по разбору 138 году Государево денежное жалованье дано на Москве для службы». В другой Смете 1632 г. эти юрьевцы разбиты по статьям (в зависимости от величины жалования). 1-я статья – 31 чел., 2-я – 53 чел., 3-я – 40 чел., всего 124 юрьевца [8, с. 51–52; 42, с. 20].

Видимо большие потери юрьевцы понесли во время Смоленской войны, ведь в 1631 г.

когда составлялась Смета воинских сил, недоросли и большинство новиков, указанных в списке 1636/37 г., в эту Смету не включались.

Сведения о многих юрьевцах, а также о воеводах и других начальных людях Юрьева-Польского имеются в разрядных записях и многочисленных актовых материалах, опубликованных в ряде сборников документов (СГГД, ААЭ, АИ, ДАИ, АМГ, АЗР, АЮБ и многих других).

К сожалению, такой работой по истории «служилого города» Юрьева-Польского до настоящего времени занимались недостаточно. Аналогичная ситуация, за небольшим исключением, наблюдается по изучению служилых людей многих других малых городов нашей страны (достаточно сравнить с хорошо изученными дворянскими корпорациями Великого Новгорода, Пскова, Нижнего Новгорода, Рязани, Ярославля, Костромы, Твери, Владимира и некоторых других городов). Настоящая статья может послужить основой для дальнейшей работы по отдельным «служилым городам» конца XVI – первой половины XVII в.

Список литературы

1. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII в. Ярославль : Изд-во Ярославского гос. педаг. университета, 2000. 208 с.
2. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М. : Квадрига, 2019. 544 с.
3. Павлов А. П. Выборное нижегородское дворянство в первой половине XVII в. // Мининские чтения. Труды участников международной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.) / отв. ред. О. С. Аржанова. Н. Новгород : Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. С. 417–428.
4. Лисецев Д. В. Костромские выборные дворяне рубежа XVI–XVII вв. // Российская история. 2013. № 6. С. 111–128.
5. Ершов В. Е. «Служилый город» Мурома в первой половине XVII века. Муром : ИПЦ Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета, 2010. 59, (6) с.
6. Ляпин Д. А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII веках: историко-генеалогическое исследование. Елец : Елецкий государственный университет, 2009. 374 с.
7. Молочников А. М. Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612) : автореф. дис. ... канд. исторических наук. СПб., 2014. 29 с.
8. Смета военных сил Московского государства на 1632 год (Сметной список 140-го году) / сообщ. Е. Сташевский // Военно-исторический вестник. 1910. № 9–10. С. 49–85.
9. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
10. Станиславский А. Л. Боярский список 1588–1589 годов // Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2004. С. 202–248.
11. Станиславский А. Л. Боярский список 1602–1603 годов // Труды по истории государева двора... С. 258–291.
12. Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / публ. Н. П. Лихачева // Известия русского генеалогического общества. СПб. : Типография «Сириус», 1909. Вып. 3. С. 113–209.
13. Станиславский А. Л. Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году // Труды по истории государева двора... С. 366–428.
14. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608) : сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин ; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2003. № 39. С. 132–155.
15. Важный источник по истории Смутного времени: Десятня денежной раздачи по Юрьеву Польскому 1608 года / гл. ред. А. В. Матисон ; публ. А. Ю. Кабанова // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 20. М. : Старая Басманская, 2025. С. 151–175.
16. Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов : в 39 т. / публ. А. Н. Зерцалова // Российская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1894. Т. 15. С. 1–209.
17. Сторожев В. Н. Опись десятень XVI и XVII веков // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (описание МАМЮ). Книга 7. Отдел 2. М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1890. С. 64–176.
18. Отписка Юрьево-Польского воеводы Федора Болотникова и пана Еремея Боярского гетману Сапеге, о присылке к ним ратных людей на помощь, по случаю предстоящей опасности от Владимицев, и Роспись Юрьевских дворян и детей боярских, отложившихся от Самозванца. 1609, май // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию : в 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. № 216. С. 253–254.
19. Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М. : Квадрига, 2022. 508 с. ил. (Историк: прямая речь).
20. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства: Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1909. № 3 (230). С. 73–103.
21. Десятня Юрьевская 1613 г. // Шапошников Н. В. Heraldica. Исторический сборник. СПб. : Паровая скоропечатня Г. П. Пожарова, 1900. Вып. I. С. 26–27.
22. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столицы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М. : Синодальная типография ; Издательство Императорского ОИДР при Московском университете, 1915. 240 с.

23. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. акад. С. Б. Веселовский ; отв. ред. Б. В. Левшин ; РАН отд. истории. Архив РАН. М. : Наука, 1994. 479 с.
24. Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг.: Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства) / под ред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, вып. 9. С. 60–188.
25. Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки): Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства) / под ред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, вып. 9. С. 308–352.
26. Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ : в 39 т. Т. 28 : Приходно-расходные книги московских приказов: М. : Синодальная типография, 1912. Стб. 683–752.
27. Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // РИБ : в 39 т. Т. 28 : Приходно-расходные книги московских приказов. М. : Синодальная типография, 1912. Стб. 509–682.
28. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб. : В Тип. II отдения Собственной ЕИВ канцелярии, 1853. XV, II с., 1380 стб.
29. Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII веков : в 9 т. Т. 1 : Книга сеунчей и документы разрядного приказа о походе Лисовского / отв. ред. Б. Н. Флоря. М. ; Варшава : Археографический центр, 1995. С. 19–98.
30. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. Т. 8. 692, (1) с.
31. Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде // РИБ : в 39 т. Т. 28 : Приходно-расходные книги московских приказов. М. : Синодальная типография, 1912. Стб. 753–810.
32. Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века / сост. К. В. Баранов. М. : Древлехранилище, 2015. 124 с.
33. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (объединение фондов). Оп. 1. Ч. 1. 94 с.
34. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М. : Археографический центр, 1997. Т. 1. 432 с.
35. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Памятники исторической мысли, 1998. Т. 2. 608 с.
36. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
37. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2008. Т. 4. 632 с.
38. Указная грамота великого князя Ивана Васильевича о досмотре меж троицкой Кучецкой земли, в Юрьевском уезде, нарушаемых новгородцем Есипом Максимовым. 1585–88 гг. // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. № 520. С. 395.
39. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 736 с.
40. Служилые «города» Замосковного края и «от Литовской Украины»: указатель состава дворян и детей боярских по десятням и спискам 1620-х – 1630-х годов // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон ; сост. В. Н. Козляков. М. : Старая Басманская, 2021. Вып. 10. С. 273–710.
41. Порфириев С. И. Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 год // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань : Типография Императорского университета, 1912. Т. 28, вып. 4–5. С. 456–467.
42. Сметный список 139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1849. Кн. 4. Смесь. С. 18–51.

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

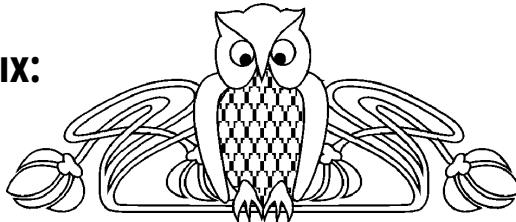
The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 296–304
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 296–304
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-296-304>, EDN: BGVBEG

Научная статья
УДК [323.311:929.52](470+571)|18/19|+929Панчулидзе

История семьи дворян Панчулидзевых: изломы судьбы

П. С. Кабытов[✉], Е. П. Баринова

Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Кабытов Пётр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

Баринова Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201

Аннотация. В статье на основе комплекса документальных материалов и научной литературы реконструирована история семьи дворянского рода Панчулидзевых во второй половине XIX – начале XX в. Воссоздана биография Сергея Алексеевича Панчулидзева, показана его роль в качестве земского деятеля Саратовской губернии, в Совете объединенного дворянства и исследователя истории Российской армии. Выявлены условия жизни семьи Панчулидзевых в период Великой российской революции и доказана безуспешность их социальных практик выживания в экстремальных условиях революционного времени.

Ключевые слова: Российская империя, Великая российская революция, Саратов, Петроград, Сергей Алексеевич Панчулидзев, Совет объединенного дворянства, семья Панчулидзевых, социокультурные практики

Для цитирования: Кабытов П. С., Баринова Е. П. История семьи дворян Панчулидзевых: изломы судьбы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 296–304. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-296-304>, EDN: BGVBEG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

History of the Panchulidze family: The twists of fate

П. С. Кабытов[✉], Е. П. Баринова

Samara National Research University, 34 Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

Petr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236
Ekaterina P. Barinova, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201

Abstract. The article reconstructs the history of the family of the noble family Panchulidze in the second half of the XIX – early XX centuries on the basis of a set of documentary materials and scientific literature. The biography of Sergei Alekseevich Panchulidze is reconstructed, his role as a zemstvo figure of Saratov province, in the Council of the United Nobility and a researcher of the history of the Russian army is shown. The living conditions of the Panchulidze family during the Great Russian Revolution are revealed and the unsuccessfulness of their social practices of survival in the extreme conditions of the revolutionary time is proved.

Keywords: Russian Empire, Great Russian Revolution, Saratov, Petrograd, Sergei Alekseevich Panchulidze, Council of the United Nobility, Panchulidze family, socio-cultural practices

For citation: Kabytov P. S., Barinova E. P. History of the Panchulidze family: The twists of fate. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 296–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-296-304>, EDN: BGVBEG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема трансформации поведения и психологии социума в условиях Великой российской революции принадлежит к числу важнейших проблем, находящихся в центре внимания исследователей и достаточно хорошо изучена. Гораздо меньшее внимание в историографии уделяется реконструкции пока недостаточно осмыслиенного

механизма адаптации представителей социальных групп, которых условно можно определить различными терминами: «бывшие», «лишенцы», «классово чуждые элементы» (дворян, чиновников, священников, купцов) к советской действительности, что является одной из актуальных проблем социальной истории первых

постреволюционных лет. Вопросы о степени востребованности знаний и навыков «бывших» изменившимся социумом, способах адаптации являются дискуссионными. Научная разработка этой проблемы осуществляется, как правило, с использованием многофакторного анализа и междисциплинарного подхода. В центре внимания исследователей находятся особенности взаимоотношений власти и общества, специфика положения отдельных категорий «лишенцев» и «буржуазных специалистов», судьбы представителей «бывших» [1–3]. Помимо реконструкции повседневной жизни населения в условиях Великой российской революции и анализа социальной политики первых лет советской власти, авторами предпринимаются попытки выявления траекторий приспособления «бывших» к новым политическим и социально-экономическим реалиям [4–6].

В новейший период развития российской историографии было опубликовано множество биографий дореволюционных политических и общественных деятелей. Историками буквально по крупицам воссоздан их жизненный путь в советском государстве, показаны как успешные практики адаптации, так и трагичность судеб многих из них. В исследовательском пространстве гораздо меньше внимания уделено членам их семьи – жене, детям, другим родственникам, о которых исследователи упоминают лишь вскользь, несколькими фразами. Во многом это обусловлено недостатками источников базы. Как известно, такие жестокие формы борьбы советской власти с «бывшими» как практика «заложничества», административные высылки, запрет проживать на определенной территории не способствовали сохранности этого-источников. Многие семейные связи были или прерваны, или совсем разрушены в годы Гражданской войны. Члены тех или иных семей оказывались в разных регионах страны или в эмиграции, а потому они не могли или не хотели сообщить о себе родным. Поэтому о судьбах родственников многие не знали, либо в лучшем случае в семейных архивах сохранялись отрывочные сведения. Репрессивная политика советской власти по отношению к «бывшим» наложила свой отпечаток как на характер их семейных отношений, так и на модели поведения.

Биография С. А. Панчулидзева, известного военного историка, управляющего архивом Государственного Совета, дворянского и земского деятеля, бессменного секретаря Совета объединенного дворянства в 1910–1917 гг., до сих пор реконструирована не полностью. Отдельные фрагменты его многосторонней деятельности мы можем воспроизвести, используя историческую информацию, которая содержится в его собственном труде, посвященном биографиям кавалергардов [7]. Имеются сведения в справочных изданиях как дореволюционных [8], так

и современных [9]. Но эта информация носит протокольный характер, а потому весьма скучна. Первую попытку реконструировать биографию С. А. Панчулидзева предпринял его друг и однополчанин великий князь, историк Николай Михайлович. Но он не мог завершить свой труд, так как был арестован, а затем расстрелян в 1919 г.

В советской историографии упоминания о творчестве историка С. А. Панчулидзева, а тем более его разносторонней деятельности были редки и ограничивались констатацией факта создания им двух его главных трудов: «Истории кавалергардов» и «Сборника биографий кавалергардов» в 4-х томах.

В 1990-е гг. на пике волны роста интереса к истории дворянства появились первые статьи, в которых акцентировалось внимание на отдельных аспектах его творчества. Так, А. И. Сапожников представил непростую историю создания и публикации С. А. Панчулидзевым рукописи книги, посвященной убийству Павла I [10]. С. А. Панчулидзев упоминается в научных трудах по истории объединенного дворянства [11, 12]. Но научной биографии Сергея Алексеевича до сих пор все еще не создано.

Отметим, что представителям дворянского рода Панчулидзевых посвящено ряд статей. В большинстве из них историки описывают жизнь и деятельность саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева и его многочисленных потомков [13, 14], в том числе его сына – пензенского губернатора Александра Алексеевича Панчулидзева [15; 16, с. 19–21]. С. С. Африканов и А. М. Олферьев анализируют родословную роспись дворянского рода Панчулидзевых. Здесь же приведены краткие биографические сведения о Сергее Алексеевиче и его семье [17, с. 26–27].

В личном фонде Сергея Алексеевича Панчулидзева в Российском государственном историческом архиве отложились делопроизводственная документация, вырезки из периодической печати и переписка, а также материалы, связанные с его научной и общественной деятельностью. Этот комплекс исторических источников содержит сведения о повседневной жизни семьи нашего героя в годы Первой мировой войны и Великой российской революции [18]. Большой интерес представляют воспоминания Н. А. Ивановой (Корольковой, Панчулидзевой), первой жены его брата Владимира, о перипетиях жизни дворянской семьи в 1914–1917 гг., о восприятии членами семьи событий Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. в Петрограде [19]. Несмотря на то, что Сергею Алексеевичу и его сыну Сергею в воспоминаниях уделено лишь несколько строчек, тем не менее образы, нарисованные автором воспоминаний, позволяют охарактеризовать поведенческие стратегии членов семьи.

23 июня 2023 г. в собрание Саратовского областного музея краеведения поступил редкий документ – рукопись «Родословная Роспись дворян Панчулидзевых». Рукопись, составленная дворянином Пензенской губернии Алексеем Николаевичем Панчулидзовым. Российский период». Она была создана им в Париже в 1938 г. Последней хранительницей рукописи стала проживающая в Сербии Кира Михайловна Панчулидзе, вдова Алексея Александровича Панчулидзе (1937–2019), правнучка саратовского губернатора А. Д. Панчулидзе, который является последним прямым потомком по мужской линии рода Панчулидзевых. В этот документ включены те отрывочные сведения о членах семьи Сергея Алексеевича, которые были известны автору рукописи [20]. В статье С. С. Африканова и А. М. Олферьева отмечается, что «в революционные годы было расстреляно восемь Панчулидзевых, среди них мать с семилетним сыном», но о судьбе семьи С. А. Панчулидзе авторы не упоминают [13, с. 68].

Тем не менее эти отрывочные сведения, по крупицам передававшиеся из поколения в поколения, позволяют реконструировать семейную историю. Сергей Алексеевич Панчулидзе родился 7 ноября 1855 г. в семье дворян Пензенской губернии, будущего мирового посредника Алексея Алексеевича Панчулидзе (1819–1880), и Натальи Павловны, урожденной Вигель (1824–1896). Условно можно выделить несколько этапов в биографии Сергея Алексеевича. Первый этап охватывает 1855–1874 гг., в который входят детские годы и служба в рядах Российской армии. Первым домашним учителем Сергея стал гувернёр англичанин. В 1872 г. С. А. Панчулидзе поступил в Николаевское кавалерийское училище, а 7 августа 1874 г. из младших вахмистров произведен корнетом в кавалергардский полк. В 1874 и 1875 гг. он являлся помощником заведующего учебной командой. Принимал участие в сражениях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в составе лейб-гвардейского Гусарского полка. После окончания войны поступил в академию Генерального штаба, в 1881 г. произведен в штабс-ротмистры. Однако после окончания курса Академии отказался перейти на службу в Генеральный штаб и вернулся в свой полк, где был делопроизводителем полкового суда и с 1882 г. заведующим учебной командой.

В апреле 1883 г. С. А. Панчулидзе женился на своей двоюродной сестре Надежде Борисовне, урожденной Полторацкой (16.03.1861–1924). Она была дочерью поручика Бориса Александровича Полторацкого (1826–1868) и его второй жены Анны Павловны Вигель (1827–1882). М. М. Осоргин вспоминал: «Панчулидзе просил меня остаться во главе архива, так как сам должен был ехать к своим родным. Меня одного он посвятил в свою семейную тайну, что он жених своей двоюродной сестры Полторацкой

и едет к ней» [21, с. 262]. В 1890-х гг. Сергей Алексеевич унаследовал от родителей имения в Саратовской и Казанской губерниях. Казанское имение он вскоре продал, а имение при с. Екатериновка, Самородиновка тож, Старо-Бурасской волости Саратовского уезда Саратовской губернии стало родовым гнездом дворянской семьи Панчулидзевых.

Во время второго этапа (1884–1896 гг.) С. А. Панчулидзе, после выхода в отставку в апреле 1884 г., поселился в своем родовом имении и с увлечением стал заниматься сельским хозяйством. В этот период им были написаны труды, посвященные улучшению земледелия [22, 23]. Он активно включился в земскую деятельность. С 1884 по 1892 гг. был уездным и губернским гласным, председателем Саратовского уездного земского санитарного совета, почетным мировым судьей, с 1887 г. – председателем Саратовской губернской ревизионной комиссии, с 1891 по 1892 г. – саратовским уездным предводителем. В 1888 г. он написал брошюру, посвященную состоянию медицины в Саратовском уезде [24].

Гласный Саратовской городской думы, купец И. Я. Славин в своих воспоминаниях воссоздал яркий портрет саратовского дворянина: «В течение восьмидесятих годов в Саратовском уездном земстве доминировал и “делал погоду” видный земец и местный дворянин Сергей Алексеевич Панчулидзе. <...> Несмотря на свой сравнительно небольшой рост, Панчулидзе всегда держал себя величаво, воинственно, покавалерийски. Блондин, чуть-чуть седеющий, – ему уже было под сорок, с курчавой бородкой, он в общем являл из себя такую фигуру, которая невольно обращала на себя внимание. Особенно тогда, когда он в торжественных случаях надевал свой белоснежный мундир с золотыми позументами и блестящую каску, увенчанную орлом. Специально военный по образованию, воспитанный в узко сословных дворянских тенденциях, которые он не скрывал, Панчулидзе весь отддался земской работе. Он был председателем комиссии, которое ведало народное здравие в уезде. Больница, амбулатории, врачи, фельдшера и проч., – всё это было в ведении Панчулидзе и от него зависело. Он и сам не был чужд медицине как любитель, самоучка и дилетант. Видимо, ему нравилось это дело, и он занимался нередко лечением и врачеванием в своей деревне. Выступал Панчулидзе и как ревизор и контролёр земской управы. Внимательно и тщательно изучая каждое дело, за которое брался, и обладая незаурядным деловым красноречием, часто бывал суровым судьёй и критиком земской управы» [25, с. 132].

Но были и другие, прямо противоположные выше приведенной характеристике оценки личности Сергея Алексеевича. Так, например, российский историк, краевед, этнограф Александр Николаевич Минх полагал, что С. А. Панчулидзе – «человек неглупый, энергичный и ловкий»,

сумевший «забрать в свои руки молодёжь и губернатора Косича... стал орудовать на уездных земских собраниях и увлёк земство в огромный непосильный расход в 60 с лишком тысяч на постройку 7–8 больниц на небольшой Саратовский уезд» [26]. Либеральный саратовский журналист Н. М. Архангельский отзывался о нём куда позитивнее: «Панчулидзе – любопытная фигура. Дворянин, кавалергард, написавший “Историю кавалергардов”, человек крайне правых убеждений, член охранной дружины императора Александра III, но лично – честный, прямой и джентльмен. Стильная фигура и, надо сказать, среди правых – довольно редкая» [26].

В 1896 г. великий князь Владимир Александрович рекомендовал С. А. Панчулидзе для составления истории Кавалергардского полка [20, с. 38]. Он был вызван в Петербург, где ему предоставили доступ к архивам Собственной его императорского величества канцелярии. С этого времени начинается третий, петроградский этап его биографии, в течении которого он достаточно быстро продвигался по служебной лестнице. В это время им были написаны его главные исторические труды: «История кавалергардов 1724–1799–1899: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского... полка» в 4-х томах и «Сборник биографий кавалергардов», также в 4-х томах. Он осуществлял сбор материалов и подготовку рукописей по самой разнообразной проблематике: А. С. Грибоедов и его связи с декабристами, княжна Тараканова, М. М. Сперанский, императоры Павел I и Александр I, еврейский вопрос [18, д. 46, 64–76, 164, 174, 196, 197].

11 января 1899 г. С. А. Панчулидзе был причислен к Министерству императорского двора, а в 1903 г. назначен управляющим Архивом Государственного Совета. Он внес огромный вклад в делопроизводство этого учреждения. Благодаря его деятельности, печатные описи архива стали образцом инвентарных описей, а алфавитная картотека архива Государственного Совета стала прообразом будущих архивных каталогов и составила основу каталога Российского государственного исторического архива [27]. Архив Государственного Совета стал выполнять функции исторического хранилища документов, были реализованы проекты по публикации документов нового времени.

В 1906 г. Сергей Алексеевич вновь был избран уездным и губернским гласным земских собраний Саратовского уезда. В тоже время научное сообщество положительно оценивало его научные изыскания. Он был членом Императорского Русского Военно-исторического общества, членом Московского Археологического института, а также членом архивных комиссий многих губерний: Саратовской, Тамбовской, Тульской, Нижегородской, Смоленской, Ставропольской, Псковской архивных комиссий.

Сергей Алексеевич придерживался крайне правых взглядов. Еще в молодости, служа в армии, он был членом «Священной дружины», возглавляемой графом И. И. Воронцовым-Дашковым, которая была создана после убийства Александра II из офицеров гвардейских полков для тайной охраны Александра III от покушений революционеров [20, с. 38].

Поэтому неудивительно, что он был избран от Саратовской губернии уполномоченным для участия в съездах губернских дворянских обществ. На IV-м съезде он был избран в состав комиссии о дворянских пансион-приютах от Саратовской губернии. Но особой активности в работе первых четырех съездов он не проявлял. Бурную деятельность он развил на V-м съезде. Его активность стала заметной в ходе работы Совета по делам местного хозяйства, членом которого он был избран от Саратовского земства. Кстати, документы заседаний этого Совета хранятся в личном фонде Панчулидзе [18, д. 5, 6, 9, 12, 14]. Он выступил на V-м съезде с информацией о его деятельности, а также представил объединенным дворянам свое видение роли уездного предводителя в предполагаемой реформе местного управления. Его точка зрения была поддержана выступающими делегатами съезда, а сам он возглавил созданную съездом комиссию по этому вопросу [28, с. 85–87, 165, 274, 288–303]. Именно на V-ом съезде он был избран членом Постоянного Совета объединённого дворянства и назначен управляющим делами Совета. Он входил во все комиссии, созданные Советом, и выполнял обязанности секретаря, а также вел обширную переписку с членами этой организации. Заметим, что в родословной росписи А. Н. Панчулидзе ошибочно утверждается, что Сергей Алексеевич стал исполнять эти обязанности начиная с момента образования организации [20, с. 39].

Жена Сергея Алексеевича в 90-е гг. ХХ в. написала несколько романов и повестей. Наиболее известным из них стал опубликованный в 1893 г. в «Вестнике Европы» роман «Не от мира сего. Из провинциальной жизни» [29]. Она была довольно популярной и в начале ХХ в. писательницей. Интересно, что саратовцы прозвали Надежду Борисовну «змейкой» за ее ехидный язык [26]. Продолжала она заниматься литературной деятельностью и в дальнейшем. В 1912 г. в Харькове ею была опубликована повесть «Наталья Павловна», а в 1914 г. – роман «Неудовлетворенные стремления» [30, 31].

Но, конечно, главным в ее жизни было воспитание детей и домашнее хозяйство. Необходимо отметить, что после назначения Сергея Алексеевича управляющим Архивом Государственного Совета на ее плечи легли все домашние заботы. Семья Панчулидзевых была многодетной. Первая дочь Анна умерла в младенческом возрасте

(1884–1885). Сыновья Сергей и Георгий, которого в семье чаще звали Юрием, были погодками. Сергей родился 28 мая 1886 г., а Георгий 20 декабря 1887 г. Младшая дочь Татьяна родилась 22 ноября 1891 г. Дети первоначально получили домашнее воспитание, а затем мальчики учились в Императорском Александровском лицее, который закончили в 1908 г.

По-видимому, средств для совместного проживания семьи в Петербурге у них недоставало, поэтому семья проживала в имении. Мать старалась привить детям высокие нравственные ориентиры. Она писала им: «Быть хорошими сыновьями мало, надо быть хорошими людьми» [32, л. 3]. Она отмечала, что многие молодые люди «живут и ничего не уважают...», а с такими лакейскими чувствами сами на лакеев похожи...». И далее она советовала сыновьям не только самим быть хорошими, но и «товарищей удержать от всяких скверных поступков» [32, л. 3–3 об.]. Забота о воспитании детей проскальзывает и в письме Надежды Борисовны мужу. Она советовалась с ним по поводу будущего дочери. Полагая, что «Таню надо дисциплинировать», она предлагала отдать ее учиться в Павловский институт благородных девиц [33, л. 4].

Разлука тяжело переносилась супругами. Об этом свидетельствуют их письма, которые они писали друг другу через день. Надежда Борисовна советовалась с мужем по поводу ведения хозяйства: «... что нам делать с люцерной и коровниками?». Или задавала такой вопрос: «Надо ли косить тимофеевку?» [33, л. 114, 121]. Описывая виды на урожай и перспективы его продажи, она, прежде всего, сетовала на то, что денег катастрофически не хватает. Она отмечала, что над имением нависла угроза продажи, поскольку долг в Дворянский банк в 1902 г. составлял 45 621 руб. И просила мужа найти средства для выплаты очередного платежа в размере 12 800 руб. [33, л. 93–94]. Необходимо отметить, что проблема дефицита денежных средств то и дело обсуждалась супружами в переписке [33, л. 109–110, 127–128 об.].

После завершения образования сыновья отбывали как вольноопределяющиеся воинскую повинность в Семеновском лейб-гвардейском полку. В 1909 г. Сергей поступил на службу в Главное управление землеустройства и земледелия. Как чиновник особых поручений VIII класса неоднократно был командирован на Урал и в Сибирь. Его жалование составляло 1200 руб. в год. 22 июля 1913 г. он был пожалован в камер-юнкера Высочайшего двора. Был награжден знаками «В память 100-летия Императорского Александровского лицея», «100-летие Государственной Канцелярии», медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых».

Вступление Российской империи в Первую мировую войну первоначально было воспринято дворянством с воодушевлением. Н. А. Иванова

вспоминала, что даже 57-летний Сергей Алексеевич собирался идти на войну (на самом деле ему к началу Первой мировой войны было 58 лет и 9 месяцев. – П. К., Е. Б.). Когда его брат Павел Алексеевич стал сомневаться в этом, полагая, что личные качества С. А. Панчулидзе не позволяют ему подчиняться воинской дисциплине, Ева Александровна Сабурова с возмущением парировала: «Вы не понимаете вашего брата, у него фанаберия, как вы думаете и называете, совсем другого рода: да, он свысока подаст два пальца какому-нибудь генералу и даже министру, если он его не будет уважать, а с радостью крепко пожмет руку человеку, низко поставленному по службе, если найдет его достойным уважения. И конечно подчинится на военной службе и мальчишке, если это надо для Родины. Он честный и справедливый без лукавства человек, хотя его за эти качества и высмеивают иногда» [19, с. 223]. Участие в боях на фронтах Первой мировой войны принимали одиннадцать представителей дворянского рода в том числе старший сын, камер-юнкер Сергей Сергеевич. Он был младшим унтер-офицером команды связи Семеновского лейб-гвардейского полка. Уже в первые дни войны, 13 октября 1914 г., отличился в бою у д. Эволя, за этот подвиг был награжден Георгиевским крестом 4 степени. 7 декабря 1914 г. был произведен в прапорщики, а в 1915 г. был награжден Георгиевским крестом 3 степени. В декабре 1916 г. был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «за храбрость» [34].

Падение монархии, которой Панчулидзе верно служил в течение всей своей жизни, негативно отразилось на его психологическом состоянии. Крах Российской империи и отречение императора Николая II буквально «потрясло утомленное сердце» Сергея Алексеевича. В апреле 1917 г. он тяжело заболел. Несмотря на это, он предпринимал все возможные усилия, чтобы улучшить пошатнувшееся положение семьи. Сергей Алексеевич предпринял попытку получить финансовую помощь от новой власти. С этой целью он 1 июля 1917 г. направил в адрес Временного правительства прошение, в котором перечислял свои заслуги, и указывал, что с 1899 г. получал пособие в размере 4000 руб., выдававшееся Собственной его величества канцелярией. Однако с 1 марта 1917 г. выдача денежных средств была прекращена, поэтому он просил комиссара Временного правительства возобновить выдачу пособия, которое было основным источником существования его семьи.

Его заявление рассматривала Канцелярия по принятию прошений. В справке, подготовленной по данному делу, указывалось, что Сергей Алексеевич, как управляющий архивом Государственного Совета, получал «за особые труды» 6000 руб. ежегодно. Отмечалось, что в настоящее время он проживает в Петрограде, страдает

перерождением сердечной мышцы и находился на лечении в санатории Красного Креста в Царском селе [35, л. 1]. Были собраны сведения и о членах семьи С. А. Панчулидзева. В частности указывалось, что одним из источников средств к существованию дворянской семьи являлось принадлежавшее Надежде Панчулидзевой имение в Саратовском уезде Саратовской губернии. Однако поместье размером 571 десятина было заложено в Дворянском банке, причем задолженность составляла на 01.03.1917 г. 62 579 руб. 85 коп. 28 марта 1917 г. Совет государственного Дворянского банка назначил продажу имений с публичных торгов, которые должны были проходить 13 мая и 10 июня 1917 г. [36, с. 28].

Отметим, что имение находилось в залоге с 1902 г. В 1909 г. банк произвел повторную опись имения, так как платежи уплачивались Панчулидзовыми крайне нерегулярно, что приводило к росту задолженности [37, д. 188]. Еще в январе 1914 г. Дворянский банк назначил имение Панчулидзевых в деревне Екатериновке Саратовской губернии к продаже с публичных торгов, но тогда семье удалось спасти имущество путем внесения недоимок в кассу государственного Дворянского Земельного банка [38, д. 189].

Не могли оказать помощь семье и сыновья. Сергей Панчулидзе в конце июля – начале августа 1916 г., находясь в отпуске, стал рассказывать знакомым, что давно хотел стать авиатором, «уже выдержал экзамен на летчика, назначен в Черноморский флот» и даже совершил полет в окрестностях Петрограда на гидроплане. Причем рассказ его отличался массой подробностей, он говорил, что неудачно спланировал, в результате при посадке разбил аппарат, а его спутник студент сломал себе ногу. Когда же ему привели доказательства того, что весь его рассказ – ложь, он впал в сильное раздражение. В результате родные поместили его на лечение в клинику для душевнобольных, где он находился с 22 декабря 1916 г. по 16 февраля 1917 г. В анамнезе, собранном врачами, указывалась его предрасположенность к психическим заболеваниям, отмечалось, что бабушки его по матери и отцу – родные сестры, причем бабушка по отцу страдала истерией, а сам он «отличается склонностью к неправильной передаче фактов и рассказыванию небылиц» [39, л. 5]. В освидетельствовании заведующего клиникой душевных и нервных болезней при Военно-медицинской академии отмечалось, что в целом Сергей здоров (память, внимание, ассоциативная деятельность в норме, заболеваний нервной системы нет), «однако его эмоциональная возбудимость повышена, он подвержен вспышкам сильного раздражения, при которых не отдавал отчета в своих действиях» [39, л. 5 об.]. Вероятнее всего, травмирующая атмосфера боевых действий негативно сказалась на его психике, «обстановка, в которую он попадал в первый раз казалась ему

знакомой, а события уже пережитыми». Причем он так убедительно рассказывал о своем опыте авиатора, что клиника даже сделала запрос о возможности его обучения и совершения полетов в офицерскую школу морской авиации, на который получила отрицательный ответ [39, л. 1]. Ему был поставлен диагноз – «истерический невроз с явлениями расстройства памяти в форме ложных воспоминаний» и рекомендован отпуск в течение 2 месяцев. В заключении отмечалось, что к военной службе он годен лишь в мирное время. После лечения Сергей уехал в имение родителей.

Второй сын Георгий (Юрий), коллежский секретарь, в 1909 г. поступил на службу чиновником Государственной канцелярии, его жалование составляло 800 руб. в год. В 1914–1916 гг. он в чине коллежского секретаря был делопроизводителем Совета объединенного дворянства. После Февральской революции он также уехал в имение в Саратовском уезде, где временно исполнял обязанности земского начальника без содержания. В письме к отцу в марте 1917 г. он писал, что ситуация в деревне сложная: «из-за выдачи дров семьям призванных из казенных лесов выходит какая-то путаница», так как земство постановило выдавать дрова только беднейшим семьям. «И теперь мне солдатки не дают проходу, – отмечал Ю. С. Панчулидзе, – а некоторые говорят, что я о них не забочусь» [40, л. 3–4]. Он просил совета и помощи в дальнейших действиях. «Ничего не можем получить, – писал он, – а нужда в дровах страшно острая. Соломы по волости почти нет». Он передавал отцу просьбу сельского комитета посодействовать в том, чтобы из Государственного управления Землеустройства и земледелия и из Крестьянского банка было выдано предписание выдать дрова семьям призванных солдат. Уже в конце 1916 г. крестьяне самовольно захватили часть земель, принадлежавших его матери. В этой связи Юрий подал прошение министру внутренних дел, которое осталось, как и многие другие жалобы землевладельцев, без ответа [41, л. 190]. Также он направил письмо в Государственную канцелярию с просьбой выплатить жалование, которое перестали ему выплачивать [40, л. 4].

8 июля 1917 г. прошение С. А. Панчулидзева в адрес Временного правительства было рассмотрено. О результате мы можем лишь догадываться, так как в архивном деле не сохранился соответствующий документ. Но, скорее всего, С. А. Панчулидзе было отказано в выплате денег. Об этом свидетельствует как надпись карандашом на его прошении: «Очень хорошо, плохо лишь живут барчуки» [35, л. 2], так и последующие события. 27 июля 1917 г. Сергей Алексеевич подписал распоряжение в ссудо-сберегательную кассу. Надежда Борисовна писала детям, что «его срочно надо подать», так как «вряд ли папа проживет долго», и передавала, что

он просил «всех вызвать из деревни», чтобы распорядиться о смерти и имуществе [42, л. 3].

29 (30) июля 1917 г. Сергей Алексеевич Панчулидзе скончался в Петрограде. Он был похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе [43]. Надежда Борисовна получила большое количество соболезнований от родных и знакомых. 6 августа 1917 г. Е. П. Пешкова писала ей: «Многоуважаемая и дорогая Надежда Борисовна! Будучи в Финляндии, я только вчера узнала из запоздалого номера “Нового времени” о постигшем вас несчастии и ужасной утрате» [44 л. 1–1 об.]. Вспоминая о высоких нравственных качествах С. А. Панчулидзе, племянница Надежды Борисовны, дочь ее сестры Сарры, Ева Александровна Сабурова, также узнавшая о смерти Сергея Алексеевича из газет, утешая ее, писала: «Думаю, что теперь ему там лучше, ведь так тяжело теперь жить, а ему было еще тяжелее, чем многим другим» [44, л. 5]. Она интересовалась, где будет жить семейство Панчулидзевых, не уедет ли в деревню, и выражала надежду увидеться с тетей, а также предлагала финансовую помощь [44, л. 6]. Финансовую помочь семье предлагал и арендодатель, сдававший квартиру семье Панчулидзевых, в частности он выражал готовность снизить цену аренды [44, л. 7].

После смерти мужа Надежда Борисовна обратилась в Государственную канцелярию Временного правительства с просьбой о назначении пенсии. Решение об этом было принято лишь в конце сентября 1917 г. [45]. Денег в семье катастрофически не хватало. В связи с небезопасной обстановкой в деревне, семья приняла решение переехать в Петроград и попытаться частично продать, частично перевезти имущество на склад в Саратове, где оно должно было храниться до лучших времен. Этим занимался друг семьи – заведующий делопроизводством Русского исторического общества А. В. Шебалов. 2 сентября 1917 г. он писал Надежде Борисовне в Петербург о сложностях, возникших при перевозке, сетовал на дорогоизн транспорта: «ждали до 12 часов, но автомобили не ходили», нехватку людей и подвод, а также завышенные цены на услуги – рабочие требуют 40 руб. в день, причем в субботу работают только до 2 часов дня, автомобиль стоит 125 руб. за каждый день, а не за всю перевозку [46, л. 2]. Нехватка денежных средств не позволила вывезти А. В. Шебалову всю обстановку дома быстро. В сентябре удалось перевезти только часть мебели на склад – «вывезено два воза (9 ящиков с книгами, сундук с иконами, зеркальный шкаф)». Закончили же перевозку только 6 октября 1917 г. [46, л. 3]. Не удалось выручить средства и за продажу картин и икон. А. В. Шебалов писал: «Картины никто не приходил осматривать... отправил их на склад». Приехавший же смотреть картину В. Л. Боровиковского «Распятие» скупщик сделал заключение, что это копия, а не оригинал, как

полагала Н. Б. Панчулидзе, и отказался покупать картину [46, л. 2].

События октября 1917 г. застали Надежду Борисовну в имении. Дальнейшая ее судьба была достаточно сложной. И она, и ее сыновья оказались без средств к существованию. Надежда Борисовна жила до 1924 г. в доме бывшего своего садовника. Есть сведения о том, что «будучи 60-летней женщиной она добывала себе пропитание шитьём платьев для крестьян по моделям старых французских модных журналов» [20, с. 37]. Место ее погребения не известно, но, скорее всего, ее могила находится на сельском кладбище.

В родословной росписи А. Н. Панчулидзе указывается, что Сергей Сергеевич был произведен в чин подпоручика, однако дата этого события не обозначается. Анализ документов показывает, что, скорее всего, он сдал офицерский экзамен в конце 1917 г. или в 1918 г. уже будучи участником Белого движения. Дата его смерти является спорной. В ряде источников указывается, что он умер в 1919 г. [47, с. 354]. В родословной росписи дворян Панчулидзевых отмечается, что он умер в 1926 г. в Ростове на Дону «доведенный преследованиями большевиков до крайней нищеты» [20, с. 58]. В любом случае, как бывший офицер и дворянин, он попал в разряд «лишенцев», а навыков, которые были бы востребованы новым обществом, у него не было.

О судьбе Юрия также можно лишь догадываться. В родословной росписи сказано, что после революции он женился, однако фамилия жены автору родословной росписи не известна. Кроме того, он указывает, что «за последние 10 лет (то есть с 1928 г. – П. К., Е. Б.) о Ю. С. в семье сведений не имеется» [20, с. 58]. Безусловно, можно сделать массу предположений относительно его дальнейшей жизни – сменил фамилию, был репрессирован, а, возможно, именно он умер в 1919 г.? В базе участников Белого движения есть следующая запись о Панчулидзеве, без указания имени: «Поручик. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии, командир самокатной роты с 12 июня 1919 адъютант в военно-эксплуатационном отделе военных сообщений» [48]. Но о ком эти сведения? О Юрии или о каком-либо его двоюродном брате?

Дочь Татьяна вышла замуж за Леонида Николаевича Тройницкого (9.04.1885–?), прапорщика запаса полевой артиллерии. В семье родилась дочь – Екатерина Леонидовна. В 1917 г. Татьяна работала сестрой милосердия в Петроградском госпитале [20, с. 59]. В годы Гражданской войны семья эмигрировала в Югославию, в 1941 г. Леонид Николаевич был офицером действительной службы югославской армии [48]. О дальнейшей судьбе семьи Татьяны и ее дочери сведений нет.

Таким образом, в семейной истории Панчулидзевых выделены три этапа. Второй и третий

этап жизни С. А. Панчулидзе нуждаются в более детальном исследовании. Речь идет о начале XX в., когда административная и научная деятельность С. А. Панчулидзе была наиболее плодотворной. В экстремальных условиях Великой российской революции способности и деловые качества представителей членов этой семьи не были востребованы новым советским обществом. Распространенной практикой адаптации бывших к советским реалиям стала мимикрия к новым жизненным условиям: в изменяющемся историческом времени и историческом пространстве принадлежность к дворянскому сословию опасно было афишировать. А потому внедрялись практики изменения фамилии или места жительства, резко ограничивался круг общения, к минимуму сводилось взаимодействие с органами власти, уничтожались документы, которые так или иначе могли стать «компроматом». Члены семьи С. А. Панчулидзе не смогли адаптироваться к жизни в новых условиях, что привело к лишениям и дальнейшей смерти.

Список литературы

- Мирошниченко М. И., Журавлева В. А. «Бывшие люди»: структура и особенности нормативно-правового статуса // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 3. С. 27–36. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-3-27-36>
- Разинков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М.: Квадрига, 2021. 712 с.
- Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е гг.). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
- Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.
- Баринова Е. П. Последние надежды «бывших»: переписка дворян в первые годы советской власти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 19–25.
- Ефремов С. И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.): социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.
- Панчулидзе С. А. // Сборник биографий кавалергардов : в 4 т. Т. 4 (1826–1908). СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. С. 300.
- Панчулидзе (Сергей Алексеевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 томах. 1906. Т. II. С. 375.
- Панчулидзе Сергей Алексеевич // Библиографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/1799-panchulidze-sergey-alekseyevich.html> (дата обращения: 20.11.2024).
- Сапожников А. И. С. А. Панчулидзе и его сочинение «11 марта 1801 года» // Источниковедческое изучение
- памятников письменной культуры : сборник научных трудов / сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. СПб. : Российская национальная библиотека, 1994. С. 47–53.
- Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М. : РОССПЭН, 2008. 349 с.
- Баринова Е. П., Кабытов П. С. Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 1 (41). С. 70–85. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.41.7>
- Африканов С. С., Олферьев А. М. Неробкие грузины Панчулидзе в России // Да, были люди в наше время!: к 100-летию Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г. : сборник статей / под ред. В. И. Алявдина, А. С. Яновского. М. : Нац. фонд «Возрождение русской усадьбы», 2013. С. 60–68.
- Олферьев А. М. Духовые связи России и Грузии (на примере рода Панчулидзе) // Россия–Грузия. Диалог культур : сборник статей по материалам III Научных чтений, посвященных 110-летию со дня рождения Давида Ильича Арсенишвили / отв. ред. О. В. Никифорова. М. : Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2015. С. 87–97.
- Белоусов С. В., Букреева Е. М. Пензенский губернатор Александр Алексеевич Панчулидзе: портрет на фоне эпохи // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXVI Международной научной конференции, 5–7 сентября 2022 г. / сост. И. В. Корнеев. Бородино : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2023. С. 368–376.
- Кузичкин С. Н. Они управляли Пензенской губерней. Пенза : Б. и., 2002. 64 с.
- Африканов С. С., Олферьев А. М. Родословное древо и роспись дворян Панчулидзеых и их потомков. М. : Б. и., 2008. 70 с.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1652. Панчулидзе Сергей Алексеевич (1855–1917), историк, управляющий архивом Государственного Совета, член Совета по делам местного хозяйства МВД, управляющий делами Совета объединенных дворянских обществ, гласный Саратовского земства. Оп. 1.
- Иванова Н. А. Дневник // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях: антология / сост. И. С. Шишкин. Пенза : [Б. и.], 2014. С. 218–252.
- Родословная Роспись дворян Панчулидзеых. Рукопись, составленная дворянином Пензенской губернии Александром Николаевичем Панчулидзеым. Российский период // Фонды Саратовского областного музея краеведения (СОМК): СМК значок номера 80199. Родословная Панчулидзеых. 100 с.
- Осогрин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М. : Российский Фонд Культуры, 2009. 999 с.

22. Панчулидзе С. А. Заметки по травосеянию. СПб. : Тип. В. Демакова, 1895–1896. Т. 1. Люцерна. 28 с.
23. Панчулидзе С. А. Заметки по травосеянию. СПб. : Тип. В. Демакова, 1895–1896. Т. 2. Эспарцет и клевер. 36 с.
24. Панчулидзе С. А. Земство и медицина в Саратовском уезде. Саратов : Тип. Губ. земства, 1888. 21 с.
25. Славин И. Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
26. Плешаков И. Н. Потаённые думы А. Н. Минха: дневник провинциального дворянина последней трети XIX века. Архивы. Библиотеки. Генеалогия. URL: <https://dzen.ru/a/Zq9ktVlsyFJeMnV3> (дата обращения: 05.01.2025).
27. Опись дел Архива Государственного Совета : в 12 т. / под ред. А. А. Макарова, С. А. Панчулидзе ; сост. А. А. Голомбиевский. СПб. : Государственная типография, 1911. Т. 7. 464 с.
28. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. : в 3 т. Т. 2, кн. 1 (1909–1910 гг.). М. : РОССПЭН, 2001. 678 с.
29. Панчулидзе Н. Б. Не от мира сего. Из провинциальной жизни // Вестник Европы. 1893. Т. 5, кн.10. С. 456–510.
30. Панчулидзе Н. Б. Наталья Павловна. Харьков : Тип. Мирный труд, 1912. 178 с.
31. Панчулидзе Н. Б. Неудовлетворенные стремления. Харьков : тип. Мирный труд, 1914. 166 с.
32. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 95.
33. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 87.
34. Панчулидзе Сергей // Памяти героев Великой войны 1914–1918. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50148818/ (дата обращения: 15.12.2024).
35. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 121.
36. Вестник Временного Правительства. 1917. 28 марта. № 18/64.
37. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 188.
38. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 189.
39. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 191.
40. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 89.
41. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 38.
42. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 157.
43. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 122.
44. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 159.
45. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 190.
46. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 160.
47. Волков С. В. Офицеры Российской гвардии: опыт мартиролога. М. : Русский путь, 2002. 562 с.
48. Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 05.01.2025).

Поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 13.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 305–311

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 305–311

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-305-311>, EDN: BZLIFJ

Научная статья
УДК 821.161.1.09(470-25)|18|+929

У истоков общественно-литературного движения начала XIX в.: Дружеское литературное общество

С. В. Лёвин

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Россия, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ¹профессор кафедры отечественной истории и историографии, ²профессор кафедры истории, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, AuthorID: 786851

Аннотация. Первая четверть XIX в. – период возникновения различных литературных салонов, оказавших большое влияние на духовную жизнь российского общества. В них оттачивали своё мастерство известные поэты, прозаики, переводчики и журналисты. В статье рассматривается Дружеское литературное общество, сложившееся в Москве в январе 1801 г. Автор приходит к выводу, что его можно считать прообразом будущих литературных салонов. Оно не переросло рамки дружеского кружка, но обсуждаемые его участниками вопросы не утратили своей актуальности и в последующие десятилетия.

Ключевые слова: дружба, литература, общественно-политические взгляды, сентиментализм, собрания, участники

Для цитирования: Лёвин С. В. У истоков общественно-литературного движения начала XIX в.: Дружеское литературное общество // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-305-311>, EDN: BZLIFJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

At the origins of the social and literary movement of the early XIX century: The Friendly Literary Society

S. V. Lyovin

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Baumanskaya St., Moscow 105005, Russia

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, AuthorID: 786851

Abstract. The first quarter of the XIX century is the period of the emergence of various literary salons which had a great influence on the spiritual life of Russian society. Famous poets, prose writers, translators and journalists honed their skills there. The paper considers the Friendly Literary Society which formed in Moscow in January 1801. The author comes to the conclusion that it can be considered a prototype of future literary salons. The Society did not outgrow the framework of a friendly circle, but the issues discussed by its participants did not lose their relevance in subsequent decades.

Keywords: friendship, literature, socio-political views, sentimentalism, gatherings, participants, disputes

For citation: Lyovin S. V. At the origins of the social and literary movement of the early XIX century: The Friendly Literary Society. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 305–311 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-305-311>, EDN: BZLIFJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В начале XIX в. заметным явлением в духовной жизни российского общества стали литературные салоны, кружки, общества, в которых обсуждались не только литературные, но и общественно-политические вопросы. Они оказали значительное влияние на духовную жизнь в стране в целом и на становление и развитие различ-

ных литературных жанров в частности. Одним из таких кружков стало Дружеское литературное общество. Оно просуществовало менее года, но оставил свой след в истории отечественной литературы и общественной мысли, вызвав интерес у дореволюционных, советских историков и литературоведов. Первыми к его истории об-

ратились В. М. Истрин и А. А. Фомин [1–3]. Они пришли к выводу, что Общество рассматривалось его участниками не иначе как приятное времяпрепровождение в дружеском кругу. Такой же точки зрения придерживался и советский исследователь В. Н. Орлов [4]. Напротив, Ю. М. Лотман считал, что Дружеское литературное общество способствовало складыванию литературных интересов его членов, формированию их идейно-нравственных установок и общественно-политических взглядов [5]. С мнением Ю. М. Лотмана согласна А. И. Баженова, видевшая в этом кружке «литературную мастерскую», в которой происходило становление будущих поэтов и прозаиков [6]. Е. Э. Спикаина акцентировала своё внимание на разборе членами Общества произведений зарубежной и отечественной литературы и пришла к выводу, что его можно считать своего рода критико-литературным объединением, поскольку участники Дружеского литературного общества подвергали критическому анализу литературные новинки, выходившие из печати в России и за рубежом [7]. Данный вывод представляется несколько односторонним: содержание «законов» Общества, речей его членов говорит о более широкой литературно-общественной палитре их интересов.

Как видим, актуальность обозначенной темы исследования очевидна. Она продолжает оставаться дискуссионной и востребованной для дальнейшего изучения.

В статье предпринята попытка определить, что же всё-таки являлось приоритетным для молодых людей, образовавших на заре XIX в. первый литературный салон. В этом и состоит новизна проведённого исследования, поскольку в таком ракурсе обозначенная проблема не изучалась.

Инициаторами учреждения Общества были А. Ф. Мерзляков и Андрей Тургенев. Его задача в уставе определена так: «Очищать вкус, развивать и определять понятие обо всём, что изящно, что превосходно – вот достойный предмет наших упражнений!» [8, с. 1]. Андрей Тургенев заявлял, что главное «предназначение» – «возжигать сердца» участников Дружеского литературного общества «священным патриотизмом в сии священные минуты» [9, л. 4 об.].

Общество имело своего президента, секретаря и казначея, выбиравшихся из числа его участников большинством голосов на разные сроки. В обязанности президента входило следить за соблюдением законов общества всеми его членами, порядка заседаний, документацией, подготавливаемой секретарём. Он вёл всю документацию. Казначей отвечал за финансы общества, контролировал покупку книг для него. Интересными и не совсем понятными представляются пункты XLIV, XLV и XLVI, в которых речь идёт, по сути, о своего рода фонде для маломощных и полномочиях казначея распоряжаться

им по своему усмотрению. Так, пункт XLIV гласит: «Деньги, которые члены или кто-нибудь посторонний будут вносить в общество для бедных, должны храниться у казначея особо от первой суммы [деньги на покупку книг, бумаги, чернил, перьев, переплётного материала. – С. Л.], и он должен представлять членам всякие три месяца приход и расход этой суммы» [8, с. 9]. В следующем пункте прямо указывается, что казначей по своему усмотрению может «подавать из этой суммы помочь бедным, наблюдая при том, чтобы всегда оставались у него в запасе деньги для других несчастных» [8, с. 9]. Если под «бедными» и «несчастными» подразумевались не члены общества, ибо назвать кого-то из них бедным весьма затруднительно, то можно предположить, что Дружеское литературное общество мыслилось его учредителями не только как литературное объединение, но и как своего рода благотворительная организация для молодых начинающих литераторов. Однако эта предполагаемая функция Общества никогда не была задействована, поскольку оно не вышло за рамки численно небольшого кружка. Н. В. Сушков отметил схожесть законов Дружеского литературного общества с уставом собрания воспитанников университетского Благородного пансиона [10, с. 37–42]. С ним согласился В. М. Истрин, указавший, что они «во многом позаимствованы из устава собрания воспитанников университетского Благородного пансиона» [1, с. 306]. Сравнение текстов двух документов позволяет принять их вывод.

Итак, членами Дружеского литературного общества стали: Андрей и Александр Тургеневы, Андрей, Михаил и Пётр Кайсаровы, А. Ф. Мерзляков, В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, С. Е. Родзянко, А. П. Офросимов. Из них Пётр Кайсаров и А. П. Офросимов участия в его деятельности практически не принимали, посетив одно или два его собрания. Ю. М. Лотман «ведущими членами» Общества называет Андрея и Александра Тургеневых, А. Ф. Мерзлякова, А. С. Кайсарова и С. Е. Родзянко [11, с. 27]. Возрастной состав участников весьма молодой; самому старшему на момент образования общества – А. Ф. Мерзлякову – исполнилось 22 года.

Собрания проходили в доме А. Ф. Воейкова на Девичьем поле (в Поддевичьем переулке) по средам во второй половине дня. Вот как описал их в своих воспоминаниях поэт и переводчик М. А. Дмитриев: «Это общество собиралось один раз в неделю по средам. Там читались сочинения и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостью и вежливостию. Там очередной оратор читал речь, по большей части о предметах нравственности. Там в каждом заседании один из членов предлагал, на разрешение других, вопрос из нравственной философии, или из литературы, который обсуждался членами

в скромных, но иногда жарких прениях. Там читали вслух произведения известных уже русских поэтов и разбирали их по правилам здравой критики: это предоставлено было уже не членам, а сотрудникам, отчасти как испытание их взгляда на литературу. Наконец, законами общества постановлено было, между прочим, *дружество* [выделено в тексте курсивом. – С. Л.] между членами и ненарушимая скромность, к которой приучались молодые люди хранением тайны: тайна же эта состояла в том, что происходило в обществе и не разглашать мнений членов о читанных там произведениях воспитанников» [12, с. 180].

Литературные взгляды, интересы участников Дружеского литературного общества складывались под влиянием немецкой литературы. Особенной популярностью пользовались произведения Ф. Шиллера, И. В. Гёте. «Песня к радости» Ф. Шиллера стала, по утверждению А. Л. Зорина, «своего рода гимном Дружеского литературного общества, паролем, по которому его участники узнавали друг друга» [13, с. 13]. Много лет спустя увлечённость участников общества немецкой литературой подтвердил Ал. И. Тургенев. «Несколько молодых людей, большей частию университетских воспитанников, – вспоминал он, – получали почти всё, что в изящной словесности выходило в Германии, переводили повести и драматические произведения Коцебу, пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Вильандта, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашний немецкий театр был переведён ими; многое принято было на театре московском» [14, с. 118]. Главным почитателем немецкой литературы, её ярым пропагандистом был Андрей Тургенев. Впрочем, участники Общества не ограничивались лишь одними немецкими прозаиками и поэтами; они обращались и к французской, и к английской и, конечно, к отечественной литературе. Большое внимание уделялось творчеству Н. М. Карамзина, представлявшего господствовавшее направление сентиментализма в русской литературе на рубеже XVIII–XIX вв. Отношение к его творчеству у участников Общества было неоднозначным: от первоначального всеобщего восхищения до критики. Если весной 1799 г. Андрей Тургенев восторгался «Песнью божеству», «К Милости» Н. М. Карамзина, то уже осенью того же года противопоставляет ему Ф. Шиллер, а в марте 1801 г. на одном из собраний Дружеского литературного общества в своей речи «О русской литературе» критикует Н. М. Карамзина за его «прекрасный слог». Н. М. Карамзин, считал он, «виноват» перед русской литературой тем, что «явился преждевременно», когда «общий ход просвещения» не ушёл ещё далеко вперёд. Андрей Тургенев упрекал главу сентиментализма за то, что он «слишком склонил нас к мягкости и разнеженности». Ещё «вреден» Н. М. Карамзин, в его представлении тем,

«что пишет в своём роде прекрасно...», тщательно вырисовывая различные второстепенные сюжеты. «Пусть бы русские, – воскликнул он, – продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы официально важнее, не столько применяясь к мелочным родам...» [9, л. 45].

Нельзя не заметить, что критика творчества Н. М. Карамзина весьма своеобразна; сам критик, как бы колеблется, – критиковать или нет? В мягкой форме или резко? В начале своей речи Андрей Тургенев, обращаясь к собравшимся, прямо заявил: «Позвольте напомнить вам любезные друзья, что я предлагаю здесь одни сомнения и догадки» [9, л. 46 об.]. Критикуя Н. М. Карамзина, он сделал важную оговорку: «Должно, однако ж сказать, что и сейчас последний [Н. М. Карамзин. – С. Л.] вместо вреда (который впрочем, существует, может быть только в моём воображении) принёс бы величайшую пользу, если бы в эту самую минуту, как он явился на сцену, не устремилась за ним толпа безрассудных подражателей» [9, л. 46 об.]. По мнению А. А. Фомина, эту речь можно рассматривать как исходный постулат «истинного реализма и народности» в отечественной литературе, причём, явно опередивший своё время [3, с. 25]. Андрей Тургенев недоумевал и возмущался, почему Н. М. Карамзин отказывался от обсуждения в своих произведениях «важных предметов», и ориентировал своих последователей на «безделки». Это, как считал Г. П. Макогоненко, «уводило литературу в сторону от больших гражданских тем» [15, с. 17]. В. Э. Вацуро полагал, что данная речь – не столько негативная оценка литературного творчества Н. М. Карамзина, сколько «претензия» к нему как идеологу господствовавшего в русской литературе сентиментализма, «к главе школы», избегающему «серёзных» мировоззренческих вопросов [16, с. 24]. Писатель, обладая несомненным литературным талантом, обходит стороной актуальные проблемы социальной жизни российского общества. В этом русле за ним следуют и его почитатели, стремящиеся подражать своему кумиру.

Из-за понимания дружбы Н. М. Карамзиным разгорелся спор между В. А. Жуковским и А. Ф. Мерзляковым. Выступая на собрании Общества 24 февраля 1801 г. В. А. Жуковский вслед за Н. М. Карамзиным отказывался признать дружбой союз, не основанный на «бескорыстном самопожертвовании» [9, л. 49]. А. Ф. Мерзляков противопоставил этому утверждению pragmatische понятие дружбы – «польза», приведя в пример Дружеское литературное общество: «Польза, друзья мои, то существо, которое соединило нас здесь. <...> Надобно раскрывать пользу, которую всякий из нас надеется получить от собрания», – говорил он [9, л. 53–53 об.].

Весной 1801 г. против Н. М. Карамзина выступил А. С. Кайсаров, составивший остроумную

пародию на его свадьбу. Реальное событие – бракосочетание Н. М. Карамзина – он изобразил в карикатурном свете, составив компиляцию из его различных произведений. М. Ф. Де-Пуле, первым опубликовавший сатирическое произведение А. С. Кайсарова, считал его не более чем благодушной шуткой: «Эта сатира-пародия отнюдь не может служить доказательством враждебного настроения к Карамзину молодого поколения тогдашних литераторов. Были насмешки, полемики, но ожесточённой вражды не было» [17, с. 570]. ««Описание», очевидно, есть ни что иное как забавная шутка–пародия», – писал А. Д. Галахов [18, с. 180]. Такой же точки зрения придерживался А. А. Морозов: «Перифразтический стиль Карамзина не отвечал быстро возраставшим требованиям общественной жизни. Процесс разложения карамзинизма и сентиментализма шёл быстро. Уже в 1801 г. из среды Дружеского литературного общества выходит «Описание бракосочетания г-на К[арамзина]», написанное Андреем Кайсаровым. В этом сочинении дружественная шутливость незаметно переходит в откровенную пародию на условно-сентиментальный стиль» [19, с. 35]. На то, что произведение не носило характера серьёзной критики, указывал и Ю. М. Лотман [20, с. 20]. Напротив, по мнению А. А. Фомина, сатира А. С. Кайсарова «остроумная, весьма дерзкая для своего времени выходка вполне определённого характера». «И как, в общем, ни деликатна эта дружеская сатирическая выходка, всё ж в ней нам, отделённым от событий целым столетием чувствуется нечто более серьёзное, чем шутка», – считал он [3, с. 34–35]. С мнением А. А. Фомина согласен и В. Э. Вацуро: ««Описание бракосочетания г. К[арамзина]», не есть антикарамзинистский памфlet в собственном смысле слова; ирония в нём направлена на личную, интимную биографию главы сентиментализма, но интимная жизнь пародистом идеологизируется – она предстаёт как утверждение мировоззренческой программы» [16, с. 36]. Логично предположить определённую эволюцию поэтических взглядов А. С. Кайсарова, произошедшую, вероятнее всего, под влиянием Андрея Тургенева, на литературное творчество Н. М. Карамзина.

Ещё одной темой, характерной для нравственных исканий членов Дружеского литературного общества, являлась тема «утраты юности», личного одиночества, усталости от жизни. А. Ф. Мерзляков ещё в 1798 г., как бы предвосхищая эту тему, писал:

«Жизнь твоя – кипящее море:
Ты один, средь волн.
Предаёшь пустыне чёлн...» [21, с. 138].

По мнению В. Э. Вацуро, эти стихи А. Ф. Мерзлякова «интересны тем, что в них уже намечены будущие центральные лирические темы и образы стихов Жуковского, причём, именно

“шиллеровских” стихов: расставание с мечтой, аллегория жизненного челна в бурном море...» [16, с. 84]. Андрей Тургенев в 1802 г. написал элегию под характерным названием «И в двадцать я уж лет довольно испытал!», пронизанную ностальгически-пессимистическими мотивами [22]. Минорные нотки звучат и в романе А. С. Кайсарова «Моя надежда» [23]. Думается, пессимизм в стихах участников «Дружеского литературного общества», развился в русле сентиментализма, что вообще было характерно для литературно-общественной жизни России начала XIX в.

Литературная направленность не всегда выдерживалась в выступлениях (речах) членов Общества. А. Ф. Войков выступил с речами на общественно-политическую и историческую тематику, М. С. Кайсаров затронул философские аспекты общественной жизни, С. Е. Родзянка – религиозные, Андрей Тургенев и А. Ф. Мерзляков подняли в своих речах тему любви к Отечеству, В. А. Жуковский говорил о нравственности и морали, А. С. Кайсаров высказал свой взгляд на вопросы воспитания и формирования в человеке чувства прекрасного. Как видим, наряду с литературными темами на обсуждение выносились разнообразные вопросы, волновавшие участников Общества. Андрей Тургенев, призывавший друзей сосредоточиться на сугубо литературных вопросах, с явным неудовольствием отмечал это: «Отчего, говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто бы собирались здесь, для того чтобы разбирать права человека? Все сие, как мы видели уже из опытов, бывает только источником неудовольствий» [9, л. 15–15 об.]. Правда, каких неудовольствий и из каких опытов он не уточнял. Следует заметить, что общественно-политические вопросы волновали и его самого, в чём он не хотел признаваться. Ещё в октябре 1800 г. он обратился в своём дневнике к российским дворянам с предостережением: «Россия, Россия, дражайшее моё отчество, слезами кровавыми оплакиваю тебя: тридцать миллионов по тебе рыдают! <...>. Но если этот бесчисленный угнетенный народ, над которым вы так дерзко, так бесстыдно, так бесчеловечно ругаетесь, если он будет действовать так, как он мыслит и чувствует, вы – ты и бесчеловечная, сладострастная жена твоя – вы будете первыми жертвами! Вы бы могли облегчить его участь, и это бы ничего вам не стоило!» [24, л. 73 об.–74].

Идейные разногласия привели к выделению в Дружеском литературном обществе двух своего рода групп. Как отметил Ю. М. Лотман, оно отнюдь «не было дружеским» [5, с. 71]. Одна группа объединяла Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова, А. Ф. Войкова и А. Ф. Мерзлякова. Они видели в литературе средство пропаганды гражданских, морально-этических норм и патриотических идей. «Разве нравственность и патриотизм не составляют также предмета наших

упражнений?» – недоумевал А. Ф. Мерзляков, обращаясь к своим товарищам [9, л. 37 об.]. Вторую группу составили Александр Тургенев, В. А. Жуковский, М. С. Кайсаров и С. Е. Родзянка, акцентировавшие своё внимание на отвлечённых поэтических темах и идеалистических взглядах на окружающую действительность. Первым раскол общества на два полярных лагеря заметил проницательный Андрей Тургенев. «С сердечным сожалением вижу я, – отмечал он на собрании 16 февраля, – что мы разделены, так сказать, на две части, и та и другая порознь в короткой связи между собой, между тем как некоторые из нас недовольно ещё между собой сближены» [9, л. 20 об.].

Думается, говорить о серьёзном идеином размежевании участников Общества не стоит; все их споры проходили в русле личных представлений об окружающем мире, литературе и её предназначении, о саморазвитии, достижении высоких интеллектуально-нравственных критериев и т. п. Нельзя не согласиться с выводом М. В. Калашникова, что «идея нравственно-гого самосовершенствования» и «представления о внутренней свободе человеческой личности» являлись важнейшими направлениями в «мировоззрении членов Дружеского литературного общества» [25, с. 7]. Безусловно, каждому из его участников в той или иной мере удалось достичь определённого потенциала нравственного саморазвития и самосовершенствования, расширить свой кругозор, повысить общий культурный уровень, в силу чего в рамках небольшого кружка им попросту стало тесно, они, фигурально выражаясь, переросли его размеры.

После отъезда в Петербург по делам службы Андрея Тургенева, явившегося связующим и скрепляющим звеном в Обществе, оно в ноябре 1801 г. распалось.

Сами участники Дружеского литературного общества довольно равнодушно восприняли это. Только Андрей Тургенев, как один из его основателей, больше всех переживал его распад. З февраля 1802 г. он с плохо скрываемым раздражением и грустью писал В. А. Жуковскому: «Все видно, отстраняются, брат, от собрания. Теперь и Кайсаров против, и все, и ты, кроме меня. Все теперь против него поднимаются. <...>. Слыши, что Мерзляков не даёт пись своих и что заводится другое собрание. Я, однако ж, очень этому рад. Хоть бы что-нибудь было, что бы меня заставило что-нибудь делать. Я теперь очень, очень огорчён словами Кайсаровых, которые начинают уже ругать собрание. Как они меня не любят, как я не люблю их и не должен быть им за многое очень благодарен, но все бы мне лучше быть одному. Теперь ничего не желаю столько, как единения. Всё разрушается» [26, л. 106].

Странным представляется заявление автора письма о взаимной нелюбви его и братьев Кайсаровых. Видимо, он рассчитывал, что его друг бу-

дет отстаивать существование общества, но безразличие А. С. Кайсарова по этому вопросу произвело на него гнетущее впечатление. Очевидно, данное письмо Андрей Тургенев написал в негативно-эмоциональном порыве. Следует признать справедливым замечание В. М. Истриной, о том, что «общество не пользовалось большим вниманием его сочленов» [1, с. 279–280]. Оно было дорого Андрею Тургеневу и А. Ф. Мерзлякову как их, образно говоря, детище, у истоков которого они и стояли, а В. А. Жуковскому – как атмосфера, в которой формировался его поэтический талант, раскрывались литературные дарования и способности. Что же касается остальных участников, то для них оно представляло ценность как напоминание об их юности, совместном весёлом и приятном времяпрепровождении, жизненных планах, мечтах, спорах, юношеском максимализме, бывшем ключом. Так или иначе, но о собраниях Общества все его участники вспоминали с теплотой и ностальгией. Андрей Тургенев первым положил начало этим воспоминаниям. Сразу же после своего отъезда из Москвы он с грустью писал В. А. Жуковскому и А. Ф. Мерзлякову: «Вспомните этот холодный ещё, сумрачный апрельский день и нас в развалившемся доме, окружённом садом и прудами. Вспомните гимн Кайсарова, стихи Мерзлякова, вспомните себя, и если хотите речь мою: шампанское, которое вдвое нас оживило; торжественный весёлый ужин, соединение радостных сердец; вспомните – и вы никогда позабыть этого не захотите...» [26 л. 106 об.]. А. Ф. Мерзляков ответил ему стихами в сентябре 1802 г.:

«Где, где часы сии прекрасны,
Когда мы в кочках под шатром
В сентябрьски вечера ненастны
С любезной трубкой и вином
Родные песенки певали» [27, с. 229–230].

В. А. Жуковский в своей элегии «Вечер» также с тоской упоминает «Дружеское литературное общество» [28, с. 76–77].

В 1815 г. А. Ф. Мерзляков в своей аналитической статье, посвящённой поэме М. М. Хераскова «Россияда», ностальгировал: «Где ты, драгоценное время! Где вы, друзья моей юности? Они рассеяны по разным местам и путям службы! Но утешимся в разлуке с ними! Они не изменили своим обетам; они помнят, помнят дружественную нашу школу, наши правила и цель: она сияет в их поступках и в их сочинениях, приобретших уже лестное благоволение публики. Я хочу быть верен этим правилам; я вспоминаю всё то, чем занимались мы тогда...» [29, с. 50–51]. Тёплые воспоминания об Обществе позволяют говорить о том, что литературно-мировоззренческая борьба, которая в нём велась, ещё не достигла того уровня, при котором теоретические споры приводят к разрыву личных отношений.

Некоторые исследователи преувеличивают влияние этого литературного кружка на формирование литературно-общественных взглядов его участников. М. И. Гилльельсон указывал, что он оказал «существенное влияние на становление личности Александра Ивановича Тургенева» [30, с. 443]. Ф. В. Дзядко выводит из него буквально весь спектр взглядов А. Ф. Мерзлякова на литературу и литературные объединения, утверждая, что он «переносит принципы, заложенные в Дружеском литературном обществе, на более поздние объединения, участником которых он был, описывая их как инструменты создания “огромного колосса государства”» [31, с. 16]. «В Дружеском литературном обществе складывался поэтический мир Жуковского...», — писал Р. Ю. Данилевский [32, с. 352]. По мнению А. И. Бажановой, Е. Э. Спикиной и Т. В. Фрайман, именно в период Дружеского литературного общества начинает оформляться едва ли не «идеал жизненной организации» В. А. Жуковского [6, с. 116; 7, с. 203–204; 33, с. 170]. Думается, в данный вопрос следует внести корректировку. Дружеское литературное общество сыграло определённую, но отнюдь не ключевую роль в развитии его мировоззренческих и литературных взглядов. В. А. Жуковский развивал и совершенствовал своё поэтическое дарование в литературном Арзамасе — «одной из интереснейших общественно-литературных организаций начала XIX столетия, объединявшей в своих рядах всю передовую фалангу русской литературы (Батюшков, Жуковский, Пушкин, Вяземский, Д. Давыдов и др.) с деяниями будущих тайных организаций декабристов (Николай Тургенев, Михаил Орлов, Никита Муравьёв)» [34, с. 21]. Что же касается А. Ф. Мерзлякова, то его взорвания на русскую и зарубежную литературу начали складываться ещё до участия в Обществе, которое он рассматривал, как, образно говоря, экспериментальную площадку, на которой опробовал свои поэтические опыты.

Короткий период существования Дружеского литературного общества дал повод В. Н. Орлову назвать его «весёма худосочным и нежизненным кружком молодых писателей, возросших в лоне карамзинизма», не оказавшим сколь-нибудь существенного воздействия на литературно-общественное движение того времени [4, с. 88]. Напротив, М. К. Азадовский заявлял, что «несмотря на своё кратковременное существование, “Общество” оставило значительный и плодотворный след в русской литературе и в русской науке (*sic!*), и в нём, как в фокусе, отобразились важнейшие черты эпохи на переломе двух веков» [35, с. 129]. Е. В. Кунц пишет о его «заметной роли» не только в русской литературе, но и в «общественной жизни страны» первой четверти XIX в. [36, с. 6].

Соглашаясь с последней частью вывода М. К. Азадовского следует всё же констатировать

следующее: Дружеское литературное общество не оказалось значительного влияния на общественно-литературное движение в России начала XIX в. Собственно, оно и не могло сделать этого по двум причинам: скоротечности своего существования и численно незначительного состава участников. Причём последний аспект даже зафиксирован в уставе: «Общество будет состоять из малого числа членов, дружеством соединённых» [8, с. 2]. Это определение наводит на мысль, что сами его участники не имели намерения сделать его более многочисленным, оставив в статусе «дружеского между собой чика», и широкой литературной, культурно-просветительской деятельности перед собой не ставили. Безусловно, общими для Дружеского литературного общества, Арзамаса, других литературных объединений начала XIX в. являлись понятия о дружбе и занятия литературой, под которой подразумевались как собственные опыты в поэзии и прозе, так и переводы произведений зарубежных авторов. Отступления некоторых его членов от литературных вопросов в сторону общественно-политических можно с определённой долей условности считать попытками расширить горизонт задач, поставленных перед обществом, выяснить его запросы, социальный заказ.

Список литературы

1. Истрин В. М. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. XXVIII. Август. С. 273–307.
2. Истрин В. М. Из документов братьев Тургеневых. Дружеское литературное общество 1801 г. (Дополнение) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1913. Ч. XLIV. Март. Отд. 1. С. 1–26.
3. Фомин А. А. А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров: Новые данные о них по документам архива П. Н. Тургенева // Русский библиофил. 1912. № 1. С. 7–39.
4. Орлов В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. 2-е изд. М. : Госиздат «Художественная литература», 1953. 544 с.
5. Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Учёные записки Тартуского университета. 1958. Вып. 63. 200 с.
6. Баженова А. И. А. С. Кайсаров – забытый герой раннепушкинской эпохи. Саратов : Сателлит, 2004. 394 с.
7. Спикина Е. Э. А. С. Кайсаров и Дружеское литературное общество // Альманах современной науки и образования. 2012. № 9 (64). С. 200–205.
8. Законы Дружеского литературного общества // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М. : Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1891. С. 1–15.

9. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Отдел рукописей (ИРЛИ РАН ОР). Ф. 309 (Тургеневы). №. 618.
10. Сушков Н. В. Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. Изд. испр. и доп. М. : В университетской типографии, 1858. 122 с.
11. Лотман Ю. М. Новые материалы о начальном периоде знакомства с Шиллером в русской литературе // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. 2001. С. 9–51.
12. Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М. : Типография Грачёва и К°, 1869. 299 с.
13. Зорин А. Л. У истоков русского германофильства (Андрей Тургенев и Дружеское литературное общество) // Новые безделки : сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро / сост. Е. О. Ларионова, А. Л. Осповат, И. С. Чистова. М. : Новое литературное обозрение, 1995–1996. С. 7–35.
14. Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / отв. ред. М. П. Алексеев. М. ; Л. : Наука, 1964. 624 с.
15. Макогоненко Г. П. Был ли карамзинский период в истории русской литературы? // Русская литература. 1960. № 4. С. 3–32.
16. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа» / отв. ред. С. А. Фомичёв. СПб. : Наука, 1994. 240 с.
17. Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 118. Июль. С. 550–621.
18. Николай Михайлович Карамзин. Шутливое описание его бракосочетания 1801 г., с примечаниями А. Д. Галахова // Русская старина. 1876. Т. XVII. Сентябрь. С. 176–181.
19. Морозов А. А. Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л. : Советский писатель, 1960. С. 5–90.
20. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. : Молодая гвардия, 1998. 382 с.
21. Мерзляков А. Ф. Утешение в печали // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. XVIII. № 35. С. 138–140.
22. Тургенев Ан. И в двадцать я уж лет довольно испытал... // Поэты 1790–1810-х годов / вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана ; подгот. текста и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение. 1971. С. 239.
23. Кайсаров А. С. Моя надежда. Романс А. С. Кайсарова // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1818. Ч. IV. Кн. 2. С. 223–224.
24. ИРЛИ РАН ОР. Ф. 309. № 271.
25. Калашников М. В. «Арзамасцы» и Б. Франклун // Освободительное движение в России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 5–16.
26. ИРЛИ РАН ОР. Ф. 309. № 50.
27. Мерзляков А. Ф. Стихотворения. 2-е изд. / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л. : Советский писатель, 1958. С. 229–230.
28. Жуковский В. А. Вечер. Элегия // Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 гг. / под ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 76–78.
29. Мерзляков А. Ф. Россияда. Поэма эпическая г[осподи]на Хераскова. Письмо // Амфирон. 1815. Январь. С. 32–98.
30. Гилльсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / отв. ред. М. П. Алексеев. М.; Л. : Наука, 1964. С. 441–504.
31. Дзядко Ф. В. Культурная программа А. Ф. Мерзлякова в контексте литературного движения 1800–1810-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
32. Данилевский Р. Ю. Вилланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы [сб. статей] / отв. ред. М. П. Алексеев. Л. : Наука, 1970. С. 298–379.
33. Фрайман Т. В. О некоторых творческих моделях в поэзии Жуковского: «долбинские стихотворения», «арзамасская галиматья», «павловские послания» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IV. Новая серия. 2001. С. 169–184.
34. Боровкова-Майкова М. С. Вводная статья к протоколам Арзамаса // Арзамас и арзамасские протоколы / под ред., ввод. ст. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой ; предисл. Д. Д. Благого. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 21–37.
35. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М. : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 482 с.
36. Кунц Е. В. Дружеское литературное общество (проблема поиска русской национальной идентичности в начале XIX в.) // Вопросы истории. 2023. № 3, ч. 1. С. 4–13. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstori202303Statyi18>

Поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 23.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 23.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 312–320
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 312–320
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-312-320>, EDN: DQOJNX

Научная статья
УДК [355.311-027.543:355.426:329.15](470+571)|1919/1920|

Участие Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП(б) в организации интернациональных воинских формирований в период Гражданской войны в России (конец 1919 – начало 1920 гг.)

Г. А. Гуня

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Гуня Герман Алексеевич, аспирант Института всеобщей истории Российской академии наук, Gunya.G@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9195-9422>, AuthorID: 1292999

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы централизованной организации интернациональных воинских формирований в период Гражданской войны на стороне Советской России. На основе архивных и опубликованных ранее документов изучены основные этапы деятельности Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП(б). Особое внимание уделено работе ее члена А. Гофмана в Сибири, где сложившаяся ситуация потребовала особого подхода. Выделены и охарактеризованы основные проблемы организации интернациональных формирований: дефицит квалифицированных политических и командных кадров, кризис транспорта и связи, бюрократические препятствия, проблемы взаимодействия властей на всех уровнях и тяжелое гуманитарное положение бывших военнопленных.

Ключевые слова: интернациональные формирования, Гражданская война, Военная комиссия, Федерация иностранных групп, интернационалисты, военнопленные, Красная армия, Военизированная охрана, Сибирь

Для цитирования: Гуня Г. А. Участие Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП(б) в организации интернациональных воинских формирований в период Гражданской войны в России (конец 1919 – начало 1920 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 312–320. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-312-320>, EDN: DQOJNX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Participation of the Military Commission under the Federation of Foreign RCP(b) Groups in the organization of international military formations during the Civil War in Russia (late 1919 – early 1920)

G. A. Gunya

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia

German A. Gunya, Gunya.G@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9195-9422>, AuthorID: 1292999

Abstract. The article examines the issues of centralized organization of international military formations during the Civil War on the side of Soviet Russia. Based on archival and previously published documents, the main stages of activity of the Military Commission under the Federation of Foreign Groups of the RCP(b) are studied. Special attention is paid to the work of its member A. Hoffmann in Siberia, where the existing situation required a special approach. The main problems in organizing international formations are identified and characterized: the shortage of qualified political and command personnel, the crisis of transport and communications, bureaucratic obstacles, problems of interaction between authorities at all levels, and the difficult humanitarian situation of former prisoners of war.

Keywords: international formations, Civil War, Military Commission, Federation of Foreign Groups, internationalists, prisoners of war, Red Army, Militarized Guard, Siberia

For citation: Gunya G. A. Participation of the Military Commission under the Federation of Foreign RCP(b) Groups in the organization of international military formations during the Civil War in Russia (late 1919 – early 1920). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 312–320 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-312-320>, EDN: DQOJNX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В Гражданской войне на стороне Советской России участвовали интернациональные формирования, состоявшие из бывших военнопленных центральных держав, приезжих рабочих и других иностранцев, в большинстве – добровольцев. По различным данным, число иностранных комбатантов на стороне Советской России достигло от 150 до 300 тыс. чел. за весь период Гражданской войны; их единовременное число в разные отрезки времени пока еще достоверно не выяснено. В документальных источниках рассматриваемого периода иностранные бойцы обозначаются преимущественно лаконичным термином «интернационалисты», несмотря на многозначность этого слова. В данной статье термин «интернационалисты» также используется исключительно для обозначения иностранных комбатантов, сражавшихся на стороне советской власти.

Несмотря на относительно небольшую численность интернационалистов, они представляли собой важный компонент не только в военном, но и в политическом аспекте. Участие иностранцев в защите советской власти наглядно демонстрировало солидарность мирового пролетариата с революционной Россией и могло послужить инструментом для распространения революционного движения за пределами страны.

Особый интерес представляет деятельность Военной комиссии при Федерации иностранных групп (ФИГ) при ЦК РКП(б). В 1918–1920 гг. ФИГ выступала в качестве основной политической организации иностранных граждан из Европы в Советской России и объединяла группы сочувствующих РКП(б), организованные по языковой (не национальной) принадлежности членов. Военная комиссия работала при ФИГ в конце 1919 – начале 1920 гг. и являлась центральным военно-политическим учреждением, т. е. была наделена специальными полномочиями в сфере организации интернациональных воинских формирований.

Обращение к историческому опыту организации интернациональных воинских формирований особенно актуально в связи современной практикой привлечения иностранных граждан к военной службе.

Исследование основано на материалах из фондов Российского государственного военно-архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР). Кроме того, использованы документы, опубликованные в сборниках, посвященных интернационалистам [1–4], а также другие публикации [5; 6, с. 314–318].

Историография интернациональных формирований РККА советского периода представлена значительным количеством исследовательских

работ. В диссертации В. Г. Краснова [6] была предпринята попытка проследить принципы и методы комплектования интернациональных частей, представлены конкретные сформированные подразделения и выявлены различные организационные учреждения, участвовавшие в их создании. Непосредственно центральным учреждениям по организации интернациональных частей посвящено несколько статей других исследователей [7–10]. В целом, многие работы советского периода содержат упрощенные идеологизированные интерпретации и цензурные ограничения, а также фактологические ошибки, что ограничивает их научную ценность и диктует необходимость внимательно проверять и исправлять изложенные сведения. Большинство современных исследований освещает участие иностранцев в Гражданской войне на стороне Советской России лишь в рамках более общих [11] или смежных проблематик, таких как пребывание военнопленных Центральных держав в России [12]. Современные работы практически не рассматривают проблемы централизованной организации интернациональных частей.

Создание Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП (б) и начало ее деятельности

Первые попытки упорядочить стихийно формирующиеся воинские части из иностранцев и подчинить их централизованному контролю предпринимались с 1918 г. Летом этого года была создана Комиссия по созданию интернациональных групп РККА при ВЦИК. С конца года поднимались вопросы объединения разрозненных интернациональных частей в крупные воинские соединения. Однако этому препятствовали низкая политическая мотивация интернационалистов и сопряженный с этой же проблемой недостаток иностранных политических и командных кадров. Решение существовавших проблем и последующее объединение интернационалистов в крупные соединения предложил бывший военнопленный австро-венгерской армии С. Частек, ставший во главе упомянутой Комиссии при ВЦИК. К апрелю 1919 г. ему удалось создать для этой цели временное центральное учреждение – Управление по формированию интернациональной Красной армии. Результатом его работы стало создание 1-й интернациональной бригады численностью более 4 тыс. бойцов, которое стало крупнейшим интернациональным соединением РККА в Гражданской войне [13].

В начале сентября 1919 г. было создано новое Управление по формированию интернациональной Красной армии (далее – Управление), которое планировало организацию крупных интернациональных частей вплоть до корпуса. Руководство его деятельностью в начале осуществля-

лял Революционный комитет Венгрии (Ревком Венгрии) [6, с. 107], созданный в России Венгерской группой ФИГ для организации борьбы за восстановление уже павшей к тому моменту советской власти в Венгрии. Однако многие иностранные коммунисты выступили за создание Военного органа с представительством разных групп ФИГ [9, с. 444].

В конечном итоге все функции по организации интернациональных частей в РСФСР были переданы в руки созданной Военной комиссии при ФИГ (далее – Комиссия). Без ее ведома и разрешения приказом РВСР № 1720/360 от 30 сентября 1919 г. предписывалось не осуществлять никаких формирований из иностранцев [14, л. 249; 15, л. 103]. Комиссия была организована из пяти представителей крупнейших групп ФИГ: венгерской, югославской, немецкой, румынской и чехословацкой [6, с. 109] и обладала штатами до 51 сотрудника [6, с. 112–113]. Стоит добавить, что ФИГ еще осенью 1918 г. пыталась консолидировать в своих руках руководство организацией интернациональных частей. С созданием Военной комиссии ФИГ наконец добилась своих давних планов и критиковала работу предшествовавших ей центральных военно-политических учреждений и их руководства. Отмечалось, что они преследовали в первую очередь свои личные интересы и действовали вне партийного влияния, а в некоторых случаях ему вовсе противодействовали [13].

В докладе в Политическое управление при РВСР звучало: «Военная комиссия была создана... для формирования из числа бывших германских и австро-венгерских военнопленных интернациональной Красной Армии, которая являясь... составной частью русской Красной Армии, все же составляла бы ядро той интернациональной Красной Армии, которой суждено сыграть большую роль при развитии революции на Западе, главным образом в Германии и Австро-Венгрии» [16, л. 41]. В задачу Комиссии входило «дать РСФСР истинных и сознательных борцов за освобождение мирового пролетариата от ига мирового капитала» [3, с. 89].

Ревкомом Венгрии наряду с соответствующими полномочиями было передано Комиссии руководство над Управлением, расположенным в г. Серпухове. Практически сразу с начала своей работы в начале октября 1919 г. Комиссия выяснила невозможность формирования там интернационального корпуса [3, с. 87]. Указывалась неэффективность работы Управления по привлечению иностранных добровольцев. Действительно, к середине октября, за полтора месяца своей работы, ему удалось собрать лишь около 660 чел. [6, с. 107]. Важными причинами этого были транспортные и продовольственные трудности. В связи с изложенным Комиссия решила упразднить Управление и перенести формирование

интернациональных частей в восточные регионы страны. Там имелось достаточное количество продовольствия и потенциальных добровольцев в лице бывших военнопленных [17, л. 112], которых в центральной России к осени 1919 г. уже практически не осталось.

Для дальнейшей работы Комиссии в краткие сроки ей был разработан «Проект формирования интернациональных частей в пределах РСФСР» [6, с. 314–316]. В нем закреплялись принятые ранее нормы в отношении интернациональных частей, предусматривались положения по созданию политico-командного кадрового резерва, а также организация агитационно-вербовой инфраструктуры [6, с. 315]. Предполагалось формирование частей в районах Пермь – Екатеринбург – Челябинск и Уфа – Самара – Оренбург. Они должны были пополнить 1-ю интернациональную бригаду и способствовать формированию новых крупных интернациональных соединений [18, л. 131 об.]. В указанные районы должны были командироваться три члена Комиссии, которым поручалось руководство «агитацией и формированием на местах» интернациональных соединений [6, с. 316]. Проект был утвержден и одобрен 22 октября 1919 г. на заседании ФИГ [1, с. 252] и отправлен для утверждения в РВСР и Всероглавштаб [6, с. 110]. Однако в процессе утверждения перед Комиссией предстал ряд проблем, требующих изменения проекта и всей политики Военной комиссии.

Политика в отношении интернациональных частей на протяжении всей Гражданской войны была во многом обусловлена дефицитом командно-политических кадров. Показателен доклад заведующего политотделом при Управлении в Серпухове Александра (Шандора) Пелека в ЦК РКП(б) от 10 октября. В нем отмечалась низкая эффективность еще существовавшего тогда Управления в Серпухове: оно лишь напрасно расходовало материальные и особенно людские ресурсы в условиях нехватки коммунистических кадров в стране. Выражались сомнения в необходимости недавно образованной Военной комиссии. В условиях нехватки кадров движению иностранных коммунистов в России предлагалось отказаться от создания «интернациональной Красной Армии», сосредоточив все усилия на коммунистической агитации среди «масс, которые... валяются тысячами в разных лагерях» на востоке страны, в частности на Урале. Альтернативно из интернационалистов предлагалось формирование лишь отрядов внутренней охраны [19, л. 14–15].

Через месяц, 9 ноября 1919 г., Пелек в обширном докладе говорил о подтверждении своих опасений, критикуя всю организацию революционного движения иностранцев в России и предлагая его масштабную реорганизацию: «Интернациональное революционное движение в России кончилось позором: [1-я] интер[национальная]

бригада которую мы сумели создать... и куча мы вложили все наши силы – распущена и обезоружена. Оказалось, что мы бессильны, что мы плохо знакомы с делами революции... В центре во всех наших учреждениях и партиях... царит полная растерянность» [19, л. 19–21].

1-я интернациональная бригада с начала сентября [20, л. 5–6] испытывала проблемы в материальном и политико-моральном отношении и оказалась сильно истощена в беспрерывных боях. В середине октября Комиссия постановила «спасти бригаду от позорного распада», однако принимаемые Комиссией действия оказались тщетными, и в ее докладе констатировалось: «Вовремя интернациональной бригаде помочь оказано не было» [3, с. 87].

Боевое подкрепление должен был оказать личный состав ликвидируемого Управления, а также собранные им интернационалисты. Однако к ноябрю руководство Управления даже не приступило к ликвидации и занималось неправомерной деятельностью в корыстных целях. Виновных арестовали, а само учреждение было ликвидировано лишь к 12 ноября 1919 г. [3, с. 87; 21, л. 219–219 об.].

Улучшить состояние в 1-й интернациональной бригаде должны были также командно-политические кадры [3, с. 87; 6, с. 317–318]. Однако запросы Комиссии конца октября в ФИГ с просьбой мобилизовать иностранных коммунистов и сочувствующих, а также запросы в Политическое управление РВСР о присылке 12–15 квалифицированных политических и командных работников, владевших иностранными языками, не принесли никаких результатов.

12 ноября 1919 г. на совместном заседании ФИГ и Военной комиссии [9, с. 445] был представлен проект ряда срочных мероприятий, в первую очередь по контролю за политическим состоянием частей на основе негативного опыта, связанного с «недисциплинированностью и беспорядками» в частях, которые доводили «до разоружения интернационального войска» [1, с. 286–288]. Было решено ограничить размер формируемых частей уровнем батальона или полка: «Опыт показал... что создание больших частей... непрактично, потому что мы не располагаем достаточным количеством образованных командиров и политработников для наблюдения и правильного ведения таких больших военных единиц» [1, с. 286]. По всей видимости, Комиссия осознавала, что организация и прохождение политических и командных курсов не могло в скором времени покрыть кадровый дефицит, в то время как требовались опытные, идеологически убежденные работники [3, с. 88]. Также проект предусматривал создание специального приказа с целью прекращения практики «анархического формирования» частей, когда в них включались «нежелательные элементы», доводившие «до полного раз渲ла в частях» [1, с. 286].

Примечательно, что с отказом от создания крупных воинских соединений звучали предложения о упразднении Комиссии, поскольку ее существование теряло вместе с этим основную цель [9, с. 446].

Основываясь на положениях проектов, после всестороннего рассмотрения в Полевом и Главном штабах, нормативно-правовая база работы Комиссии была наконец утверждена приказом РВСР № 2129 от 7 декабря 1919 г. [4, С. 398]. Работа должна была осуществляться согласно приложенному «Плану формирования интернациональных частей на территории РСФСР». Он представлял собой измененный октябрьский план, включавший некоторые уточнения. Также было добавлено следующее требование: «Формирование интернациональных войсковых частей должно производиться... распоряжением командующего Запасной армией в полном его подчинении... Сформированные части должны быть обращены на сформирование 1-й интернациональной бригады» [1, с. 210–211]. Таким образом, напрямую о развертывании формирования новых крупных соединений (как в прежнем плане) речи не идет, но все же предполагалось вновь организовать бригаду.

22 января 1920 г. в результате заседания крупнейшей Венгерской группы ФИГ политика Военной комиссии претерпела окончательные изменения. Было принято решение об организации интернационалистов лишь в маленькие войсковые единицы, а «главной задачей Военной комиссии» теперь закреплялось «разыскивание уже существующих интерчастей и их снабжение литературой и политическими работами» [22, л. 12]. В то же время примечательно, что в агитации в лагерях для военнопленных участвовала созданная в конце 1919 г. в составе Комиссии «передвижная культурно-просветительная секция» [4, С. 426].

Следуя утвержденному в декабре плану, необходимо было принять меры по отправлению в Казань в распоряжение главнокомандующего Запасной армии всех добровольцев и ненужные на местах интернациональные части. Для выполнения этой и других задач два члена Комиссии были командированы на восток, в «районы формирования». Член Комиссии от венгерской группы ФИГ И. Ивани выехал в район Самара – Саратов – Уфа, а член от немецкой группы А. Гофман – на самый восток в район Перми – Екатеринбурга – Челябинска [23, л. 83–83 об.].

Гофман отметил в ходе своего пребывания в Екатеринбурге: «1. Крайне слабую организацию местных учреждений. 2. Недостаток в снаряжении и прочем материале. 3. Крайне плохое состояние транспорта и связи. 4. Эпидемию тифа, которая бушует повсюду и ежедневно приводит к сотням жертв» [23, л. 16]. Также он столкнулся с настороженным отношением к своей персоне

со стороны местных учреждений и должностных лиц. Это объяснялось негативным опытом взаимодействия с авантюристами, использовавшими вывеску «интернационалистов» в личных интересах [24, л. 17] и с которыми ему довелось столкнуться лично [23, л. 33].

Согласно плану, Гофман приступил к регистрации разрозненных интернациональных частей, однако эта работа продвигалась очень медленно. Приходили неполные, зачастую не соответствующие действительности данные. Гофман быстро понял, что этот процесс на огромных пространствах Урала займет несколько месяцев. Главным образом на Урале не оказалось той «массы», на которую рассчитывали иностранные коммунисты, «добровольцев почти не было» [23, л. 30–31]. Для продолжения работы в Екатеринбурге он назначил доверенного человека, а сам 20 января 1920 г. выехал в Омск, решив отойти от первоначального плана Комиссии и действовать на основе сложившихся обстоятельств на месте, рассчитывая более эффективно использовать свое время.

Организация интернациональных частей в Сибири при участии члена Военной комиссии А. Гофмана и других иностранных коммунистов

В Сибири создавалось положение, к которому оказались не готовы деятели ФИГ и Военной комиссии при составлении плана работы [23, л. 18]. РККА продвинулась неожиданно быстро на восток, где в лагерях еще находились «сотни тысяч» военнопленных Центральных держав [23, л. 16]. Поступали известия о том, что большинство пленных солдат, а главное, так необходимых в качестве командных кадров офицеров, довольно положительно настроены, и их легко можно привлечь в ряды революционных сил [23, л. 18, 31].

По прибытии в Омск 27 января 1920 г. Гофман обнаружил критическую ситуацию с бывшими военнопленными [23, л. 16]. По приказу Сибирского революционного комитета (СРК) концентрационные лагеря были упразднены, и многие военнопленные оказались «буквально выброшены на улицу». Им объявили, «что они теперь свободные граждане РСФСР» [23, л. 20]. В результате бывшие военнопленные оказались в состоянии растерянности и не знали, что им предпринять. Получив формальные документы на маршрут прямо до Будапешта или Берлина, но не имея реальной возможности вернуться домой из-за отсутствия транспорта, они массово направились пешком на запад, устраивая «буквально переселение народов» [23, л. 16] вдоль Транссибирской магистрали. Тысячи бывших военнопленных гибли от голода, мороза и болезней. По официальным данным, только на участке Красноярск – Новониколаевск (совр. Новосибирск) замерзло более 3 тыс. человек [23, л. 20].

Эпидемии тифа и других болезней разносились по всему маршруту военнопленных и представляли угрозу для местного населения [23, л. 22].

Многие военнопленные, освобожденные от колчаковцев, а также иностранные бойцы партизанских отрядов выражали желание служить и вступали в РККА. 13 января 1920 г. Л. Д. Троцкий [4, С. 413–414] и В. И. Ленин [6, с. 93], видимо не знакомые с политикой Комиссии касаемой крупных интернациональных частей, поддержали предложение председателя СРК Н. И. Смирнова в формировании немецко-венгерской дивизии. В Сибири практически одновременно было начато формирование сразу трех интернациональных дивизий: с января при 5-й отдельной армии в Красноярске и Омске («Дивизия им. III Интернационала», достигшая в марте 2209 чел. [6, с. 219]), а также восточнее, в Иркутске, с февраля 1920 г. при штабе Восточно-Сибирской советской армии (1-я интернациональная коммунистическая дивизия, численность которой достигла в феврале 1920 г. 922 чел. [6, с. 218]). Здесь Гофман также отмечал проблемы: многие добровольцы по неизвестным причинам вообще не принимались в Красную армию, а уже служащие интернационалисты отпускались или самовольно покидали свои части «вследствие халатности некоторых русских товарищей», поскольку «с ними обращались не как с красноармейцами, а как с военнопленными» [23, л. 20].

3 января 1920 г. СРК принял решение войти в контакт «с партийными комитетами мадьяр и германцев по вопросу об использовании военнопленных... для комплектования отрядов внутренней охраны и других целей» [25, с. 138–139]. При штабе Сибирского сектора (далее – Сибсектор) войск ВОХР (военизированной охраны) было начато формирование 1-й сибирской сводной интернациональной дивизии со штабом в Омске на основе предложения и «словесного приказа» заместителя председателя СРК М. И. Фрумкина. Сибирским окружным военным комиссариатом был издан соответствующий приказ 23 января 1920 г. Предполагалось «при каждой бригаде войск ВОХР формировать отдельные интернациональные батальоны и по доведению их до штатного количества сводить в отдельные бригады» [26, л. 81].

Начальником дивизии назначался начальник войск Сибсектора ВОХР Н. И. Фомин. Положения приказа были также озвучены 28 января в приказе войскам ВОХР Сибсектора [26, л. 83]. Уже следующим днем Фомин информировал Ф. Э. Дзержинского о начале практической работы по созданию интернациональной дивизии [26, л. 3].

Помимо М. И. Фрумкина [26, л. 59–59 об.], создание интернациональных частей ВОХР поддерживал и председатель Омской губернской ЧК С. Г. Уралов, который грядущей весной

ожидал казачье восстание. Существовали небезосновательные подозрения в наличии сильной подпольной белогвардейской организации [24, л. 20–21].

Первые действия по организации интернациональных частей ВОХР были начаты Комиссией по организации интернационалистов при СРК и при местной Федерации иностранных секций РКП(б) [24, л. 19], организованной из пяти лиц и уполномоченной 15 января 1920 г. [24, л. 30] Советом обороны [24, л. 19]. Военным руководителем комиссии был А. Кендра, председателем и одновременно начальником Интернационального политического отдела Сибсектора войск ВОХР – приехавший из Москвы А. Пелек. Еще в упомянутом выше докладе от 10 октября 1919 г. он предлагал сосредоточить всю деятельность на востоке страны и организовать специальную комиссию для формирования частей охраны. Последние предполагалось отдавать под руководство местных властей. При этом организацию частей следовало осуществить таким образом, чтобы при первой необходимости данные отряды можно было объединить в единое формирование и направить на запад [19, л. 14–15] для поддержки революции в Европе.

27 января 1920 г. было проведено совместное заседание иностранных коммунистов, А. Гофмана и членов Комиссии при СРК [2, с. 271–273]. На встрече были озвучены вышеописанные проблемы, связанные с бывшими военнопленными, среди которых находилось «огромное количество настоящих специалистов, в которых Советская Россия так нуждается» [24, л. 22].

Итогом стало постановление о необходимости сосредоточения бывших военнопленных в лагерях, которые отныне преобразовывались в «общежития для бывших военнопленных» [2, с. 272]. Бывшие военнопленные организовывались в двух основных формах: из наиболее политически надежных формировались интернациональные «кадровые батальоны» для несения службы по заданиям войск ВОХР, а из остальных создавались рабочие подразделения для выполнения хозяйственных работ, связанных в том числе с железной дорогой [2, с. 272; 26, л. 59].

Для централизованного управления при Сибсекторе войск ВОХР было учреждено Управление члена Военной комиссии Федерации иностранных групп РКП(б) по формированию интернациональных частей Красной Армии со штатом в 13 человек во главе с Гофманом [27, л. 1]. С целью решения задач по организации кадровых батальонов в сибирские города были командированы специальные уполномоченные. Делегатам был проведен специальный инструктаж, также их снабдили целым рядом разработанных нормативных документов [28, л. 2]: схемами отчетности, инструкциями для комендантов интернациональных частей, инструкциями по организации кадровых батальонов, а также инструк-

цией для «релейной службы» – специальной системы курьеров, целью которой было обеспечение надежной связи между центром (Омском) и разбросанными по Сибири уполномоченными [24, л. 23–28]. Для создания необходимых политических кадров была создана школа в Омске, которая уже к концу марта планировала выпустить подготовленные кадры для проведения организационных работ в городах Сибири [2, с. 289].

Отход Гофмана от утвержденного плана формирования частей вызвал недопонимание у сотрудников Комиссии в центре. В феврале 1920 г. она посредством телеграмм напоминала Гофману, что он является лишь одним из пяти членов, составляющих Военную комиссию, и, следовательно, ограничен в своих полномочиях. Напоминалось, что добровольцы должны направляться по утвержденному плану в Казань под руководство командующего Запасной армии. Там и должно было производится формирование частей [29, л. 1–3]. Также формирование целой дивизии противоречило политике Комиссии, связанной с отказом от создания крупных интернациональных частей. Однако организуемая дивизия представляла собой не армейскую дивизию, а разбросанные по Сибири небольшие части военизированной охраны.

Причины изменения плана работы Гофман объяснял уже ранее в своем докладе в Военную комиссию от 2 февраля 1920 г. [24, л. 20]. Невозможность отправки добровольцев в Казань объяснялась в первую очередь критической ситуацией с военнопленными, заразными болезнями и отсутствием обмундирования [24, л. 30]. Упоминались и серьезные транспортные проблемы: недоставало топлива и подвижного состава, а немногочисленные поезда, идущие в западном направлении, использовались только для перевозки продовольствия. Кроме того, к началу февраля 1920 г. временно отсутствовало сообщение по Транссибирской магистрали [24, л. 20]. В то же время избранный Гофманом план работы должен был спасти тысячи военнопленных от гибели и одновременно принести пользу Советской власти в военном и хозяйственном отношении [24, л. 32–33].

Возможно, что Военная комиссия не ознакомилась с указанным докладом (подтверждение его получения не было [24, л. 32]). Она рассыпала телеграммы в различные местные учреждения с требованием о беспрекословном исполнении приказов РВСР и положений утвержденного плана, чем дискредитировалась работа Гофмана [24, л. 16, 32–33]. Вносился дополнительный хаос и препятствия в его организационную деятельность, которая и так испытывала сложности [24, л. 31–31 об.]. Как уже указывалось, местные учреждения были довольно забюрократизированными, часто саботировали работу и проявляли

недоверие, т. е. в Сибири были те же проблемы, увиденные Гофманом еще в Екатеринбурге. 17 февраля 1920 г. Гофман направил Военной комиссии обширный эмоциональный доклад, резко критикуя ее действия и подчеркивая непонимание Комиссией реальной обстановки на местах [24, л. 32–33]. Также он обратился к заместителю председателя РВСР Э. Склянскому, запрашивая конкретных распоряжений относительно продолжения начатой работы [24, л. 30–31 об.] и к ФИГ с просьбой повлиять на Военную комиссию [24, л. 16, 32–33]. Ответные реакции на эти запросы выявить не удалось.

Для прояснения ситуации и разрешения формирования интернациональной дивизии заместитель председателя СРК М. И. Фрумкин сделал запрос в РВСР, а РВСР в свою очередь на заседании 8 марта 1920 г. постановил узнать мнение председателя СРК и Реввоенсовета 5-й армии Н. И. Смирнова. Оно было запрошено 17 марта 1920 г. [5, с. 51–52; 30, л. 155]. Вероятно, как следствие, этим же числом начальником войск Западносибирского сектора ВОХР были отосланы телеграммы командирам бригад с требованием прекращения формирования интернациональных батальонов при бригадах ВОХР [26, л. 61]. Интернационалистов надлежало вливать в эти бригады в качестве пополнений [26, л. 83, 92].

Одновременно приказом Смирнова 18–19 марта 1920 г. прекращалось формирование новых бригад в интернациональной дивизии 3-го Интернационала при 5-й армии, где удалось сосредоточить за полтора месяца работы лишь 2209 человек в 1-й бригаде и в дополнительных небольших частях [6, с. 219]. Интересно, что 16 апреля 1920 г. 1-я бригада была передана Восточносибирскому сектору ВОХР [6, с. 126] – видимо, опыт использования интернационалистов в частях внутренней охраны был оценен положительно.

Вместе со свертыванием формирования интернациональных частей в Сибири завершилась и история военно-политических учреждений по их организации в стране. В марте – апреле 1920 г. Федерация иностранных групп была ликвидирована в связи с реорганизацией в РКП(б), а ее иностранные группы были переформатированы в «центральные бюро» соответствующих иностранных секций агитации и пропаганды. В связи с упразднением Федерации ликвидировалась и Военная комиссия [2, с. 298–299]. Ее сугубо военные функции (учет, регистрация и перемещение интернационалистов) передавались созданному IX отделению Организационного управления Всероглавштаба под руководством прежнего председателя Военной комиссии Ю. Башковича. К концу года численность интернационалистов в России сильно сократилось ввиду отъезда большинства на свою родину [6, с. 119–120].

Управление А. Гофмана и его командированные уполномоченные работали как минимум до конца марта 1920 г., отправляя свои доклады в Омск [31]. В недатированной «схеме организации интернациональной дивизии в Сибири» [32, л. 1] указана ее численность в 7149 чел. Однако эти сведения требуют дополнительных документальных подтверждений и не дают информации о количестве добровольцев, присоединившихся к формированию ВОХР. Не ранее 21 марта Гофман докладывал о 9600 зарегистрированных интернационалистов в Сибири [2, с. 289].

Остальным делегатам Военной комиссии, работавшим по утвержденному плану, за два месяца 1920 г. (февраль – март) удалось зарегистрировать тыловые соединения численностью лишь около 2 тыс. чел. [1, с. 229–231; 4, С. 490]. Дополнительно к этому числу за весь период деятельности Комиссии к концу марта 1920 г. направлено 638 добровольцев и отдельных интернационалистов [1, с. 229; 4, С. 426, 490].

Показательно значительное превосходство численности учтенных А. Гофманом интернационалистов в Сибири над количеством зарегистрированных Комиссией в остальной части России (около 2 тыс. чел., что тем не менее не охватывает всей полноты существовавших тыловых интернациональных частей). Оно свидетельствует о верном решении отойти от утвержденного плана и действовать на основе сложившихся обстоятельств. В первую очередь, успех обусловлен решением перенести деятельность на восточные территории, где еще находилось большое количество военнопленных, что позволяло эффективно применять ограниченные кадровые ресурсы иностранных коммунистов.

Заключение

Деятельность Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП(б) в период с сентября 1919 г. по март 1920 г. представляет собой важный этап в истории интернациональных воинских формирований в годы Гражданской войны в России. Анализ работы этого учреждения позволяет выявить ряд ключевых проблем и особенностей интернациональных воинских формирований. Одной из центральных и системных проблем, сопровождавших интернациональные формирования с начала Гражданской войны, была острая нехватка квалифицированных командно-политических кадров. Этот дефицит напрямую влиял на политическую мотивацию и боеспособность интернациональных частей. Попытки устранить проблему через апелляцию к различным инстанциям и через создание специальных учебных курсов не могли обеспечить ее быстрого решения. В связи с этим было принято рациональное решение отойти от амбициозных планов создания крупных интернациональных формирований, ограничив их размер

уровнем батальона или полка. Это соответствовало установке, принятой еще в 1918 г., за рамки которой пытались выйти на протяжении всей Гражданской войны.

Опасения в надежности интернациональных формирований обусловили принцип централизации работы по их организации. Однако реализация этого принципа в Сибири оказалась затруднена вследствие транспортного кризиса, материально-технических и других проблем. Разворачивалась гуманитарная катастрофа с бывшими военнопленными. Инициатива А. Гофмана, изменившего утверждённый в центре план работы и организовавшего трудоустройство бывших военнопленных на хозяйственные работы и в формирования военизированной охраны, показывает важность адаптивности к условиям на месте.

Существенной проблемой было взаимодействие различных представителей власти на всех уровнях – центральными и местными, гражданскими и военными структурами, а также иностранными коммунистами. Уполномоченные Комиссии в регионах регулярно сталкивались с бюрократическими препонами, недоверием и саботажем. Это усугублялось недоверием, связанным с негативным опытом контакта с многочисленными авантюристами, характерными для периода Гражданской войны.

Организация интернациональных воинских формирований осуществлялась в крайне сложных условиях военного времени и формирующегося военного и государственного управления молодого советского государства. Относительно небольшая общая численность интернационалистов не привлекала должного внимания высшего руководства государства к решению организационных вопросов интернациональных формирований. В результате ряда проблем, потенциал интернациональных воинских формирований был реализован не в полной мере. Это осознавали и сами иностранные участники Гражданской войны. Спустя десятилетие после окончания описанных событий ими были высказаны критические оценки и в отношении работы Военной комиссии [33, л. 23–24].

Список литературы

1. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922): документы и материалы : сб. I / под ред. Г. В. Шумейко. М. : Советская Россия, 1957. 574 с.
2. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР : сборник документов : в 2 т. / под ред. П. А. Жилина, Г. Вааша. М. : Политиздат, 1968. Т. 1. 512 с.
3. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР : сборник документов : в 2 т. / под ред. П. А. Жилина, Г. Вааша. М. : Политиздат, 1968. Т. 2. 516 с.
4. Lager, Front oder Heimat: Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetland 1917 bis 1920: in 2 Bdn. / hrsg. von Inge Pardon, Waleri W. Schurawljow. München : K. G. Saur Verlag, 1994. Bd. 1–2. 792 S.
5. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 : сборник документов / сост. В. М. Михалева, П. Н. Бобылев, А. А. Зданович ; под ред. В. О. Дайнес. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 439 с.
6. Краснов В. Г. Создание интернациональных формирований Красной Армии в годы гражданской войны и военной интервенции в СССР (1918–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 336 с.
7. Жаров Л. И. Центральные органы формирования интернациональных частей Красной Армии // Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов / под общ. ред. А. Я. Манусевича. М. : Наука, 1967. С. 573–598.
8. Копылов В. Р. Центральные органы по формированию интернациональных частей Красной армии. М. : [Б. и.], 1967. 17 с. (Научная сессия «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». Материалы ученых СССР: для участников сессии).
9. Копылов В. Р. Центральные органы формирования интернациональных частей Красной Армии // Октябрьская революция и пролетарский интернационализм : сб. ст. / гл. ред. акад. П. Н. Федосеев. М. : Наука, 1970. С. 433–448.
10. Ананьев В. И. Роль иностранных групп РКП(б) в организации интернациональных формирований Красной Армии // Ученые записки. Обществ. науки. 1973. Вып. 36. С. 22–60.
11. Полторак С. Н. Иностранцы в Красной армии в 1918–1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой активности : дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 1992. 452 с.
12. Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien : Böhlau, 2003. 754 S.
13. Гуня Г. А. Управление по формированию интернациональной Красной армии: образование и деятельность в конце 1918 г. – первой половине 1919 г. // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 2 (43). URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2025-2-43/gunya-upravlenie-po-formirovaniyu-internatsionalnoy-krasnoy-armii-1918-1919/> (дата обращения: 05.05.2025).
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Секретариат заместителя председателя РВСР. Оп. 2. Д. 69.
15. РГВА. Ф. 11. Всероссийский Главный штаб, Всероглавштаб (8 мая 1918 г. – 10 февраля 1921 г.). Оп. 15. Д. 17.
16. РГВА. Ф. 19. Военная комиссия при федерации иностранных групп РКП(б) при управлении по формированию интернациональной Красной Армии. Оп. 1. Д. 30.
17. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 412.
18. РГВА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 18.

19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991). Оп. 65. Д. 166.
20. РГАСПИ. Ф. 549. Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) (1918–1920); Центральное бюро агитации и пропаганды при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б) (1920–1924). Оп. 2. Д. 236.
21. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 132.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 405.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 404.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 411.
25. Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и восто-
ке Республики / под общ. ред. А. Я. Манусевича. М. : Наука, 1971. 286 с.
26. РГВА. Ф. 17529. Штаб войск ВОХР Западно-Сибирского сектора (19 декабря 1919 г. – 1 октября 1920 г.); Штаб войск ВНУС при Помглавкоме по Сибири (1 октября 1920 г. – 19 января 1921 г.). Оп. 1. Д. 95.
27. Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР). ГИК 18873/65.
28. ГЦМСИР. ГИК 18171/86.
29. ГЦМСИР. ГИК 36095/6.
30. РГВА. Ф. 33987. Секретариат Председателя РВС СССР. Оп. 1. Д. 318.
31. ГЦМСИР. ГИК 18171/Из россыпи.
32. ГЦМСИР. ГИК 18171/117.
33. РГВА. Ф. 28361. Центральный музей Рабоче-крестьянской Красной Армии. Оп. 2. Д. 69.

Поступила в редакцию 16.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 16.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 321–326

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 321–326

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-321-326>, EDN: DZSTTT

Научная статья

УДК [341.324|1941]:342.536.75](47+57)

На пути создания ЧГК СССР: проекты организации специальных органов по установлению и расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях СССР в 1941 г.

А. А. Лакизюк

Липецкий областной краеведческий музей, Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 25

Лакизюк Андрей Александрович, заведующий сектором новейшей истории, andr512@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-5186>, AuthorID: 1151002

Аннотация. В работе анализируются предоставленные в 1941 г. советскому руководству проекты учреждения организаций по установлению и расследованию военных преступлений, совершенных гитлеровскими сообщниками на оккупированных территориях Советского Союза. На основе архивных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, сборников опубликованных документов, а также ряда исследований, посвященных становлению системы органов по подсчету ущерба, определены нормативно-правовые основы деятельности «комиссии Капицы» и «комитета Хавинсона», предполагаемые формы и методы работ. По итогам прошедшего исследования установлены причины, по которым ни один из представленных проектов не был реализован на практике.

Ключевые слова: «Без срока давности», военные преступления, злодеяния, «комиссия Капицы», «комитет Хавинсона»

Для цитирования: Лакизюк А. А. На пути создания ЧГК СССР: проекты организации специальных органов по установлению и расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях СССР в 1941 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 321–326. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-321-326>, EDN: DZSTTT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the way of creation of the CGC of the SSSR: Projects of organization of special bodies for establishment and investigation of atrocities committed by hitlerites in the occupied territories of the SSSR in 1941

A. A. Lakizyuk

Lipetsk Regional Museum of Local History, 25 Lenina St., Lipetsk 398020, Russia

Andrey A. Lakizyuk, andr512@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-5186>, AuthorID: 1151002

Abstract. The paper analyzes the projects submitted to the Soviet leadership in 1941 for the establishment of organizations for reporting and investigation of war crimes committed by Hitler's accomplices in the occupied territories of the Soviet Union. Based on archival materials, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, collections of published documents, as well as a number of studies devoted to the formation of a system of bodies for calculating damage, the legal framework for the activities of the "Kapitsa Commission" and the "Khavinson Committee", the proposed forms and methods of work are determined. Based on the research results the reasons why none of the presented projects were implemented in practice.

Keywords: "No statute of limitations", war crimes, atrocities, the "Kapitsa Commission", the "Khavinson Committee"

For citation: Lakizyuk A. A. On the way of creation of the CGC of the SSSR: Projects of organization of special bodies for establishment and investigation of atrocities committed by hitlerites in the occupied territories of the SSSR in 1941. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 321–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-321-326>, EDN: DZSTTT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2025 г. наше государство отмечает одну из важнейших дат – 80 лет Победы в Великой Отечественной войне. Наряду с этим знаковым событием выделяется еще одно – 80 лет со дня начала Нюрнбергского военного Трибунала, осудившего политический режим нацистской Германии в преступлениях против человечества.

Советский Союз, как наиболее пострадавшая страна от действий нацистов и их пособников, внес самый весомый вклад, предоставив внушительную доказательную базу о злодеяниях гитлеровцев.

Проблема освещения военных преступлений военнослужащих вермахта и специальных карательных организаций нацистской Германии как никогда актуальна в современном российском обществе, о чем свидетельствует реализация проекта «Без срока давности», позволившая систематизировать имеющиеся данные и выявить новые факты и обстоятельства совершенных злодействий. Существенное обогащение источниковой базы способствовало формированию новых взглядов и концепций.

В то же время все еще значительная часть исторического знания о тех событиях нуждается в более пристальном и детальном рассмотрении. Одним из наиболее проблемных вопросов является изучение деятельности различных партийных, государственных, научных и общественных учреждений и организаций, занимавшихся установлением и расследованием военных преступлений до образования (2 ноября 1942 г.) Чрезвычайной государственной комиссии СССР (далее – ЧГК СССР). В частности, до сих пор, по мнению автора, слабо и неполно представлены сведения о попытках создания такого специального органа еще в 1941 г. Определение нормативно-правовых основ, форм и методов предложенных проектов, а также рассмотрение причин их несостоятельности является целью исследования.

В статье использовались работы И. В. Алферовой и В. Ф. Блохина [1], М. Ю. Сорокиной [2], освещающие различные аспекты становления системы советских органов по фиксации и расследованию военных преступлений, Т. В. Киселевой и П. В. Улизко, изучающих вопросы использования зафиксированных случаев злодействий в советской пропаганде [3].

Источниковой базой являются сборники опубликованных документов [4–6], материалы Государственного архива социально-политической истории (фонд 17, опись 125 – документы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [7, 8], Российского государственного архива новейшей истории (фонд 3, опись 50, дело 540 – «Постановления Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и др. материалы по вопросам образования Чрезвычайной Государственной Комиссии...») [9]. Часть из них впервые вводится в научный оборот.

При изучении вопросов, связанных с темой военных преступлений, совершенных гитлеровскими военнослужащими и их сообщниками, можно установить тенденцию к их рассмотрению практически всегда через призму деятельности ЧГК СССР, поскольку с появлением данного органа были окончательно упорядочены и систематизированы работы по учету, сбору и хранению материалов как ранее выявленных фактов, так и новых эпизодов. В подавляющем большинстве именно документы ЧГК СССР составили правовую основу, на которой строилось обвинение советской стороны в ходе Нюрнбергского Трибунала.

При этом случаи злодействий в отношении жизни и здоровья советских граждан, а также государственной и личной собственности становились известны едва ли не с первых дней Великой Отечественной войны. На ее начальном этапе работы по фиксации и сбору подобной информации курировали центральные учреждения органов пропаганды – Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Главное управление политической пропаганды Красной армии (далее – ГУПП КА) (с июля 1941 г. Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – ГлавПУ РККА), Советское Информационное бюро (далее – Совинформбюро).

Поступавшие материалы обозначенные выше структуры использовали, в первую очередь, для усиления пропагандистской работы – для формирования образа противника и освещения нарушений германскими военнослужащими норм и обычаев ведения войны (жестокое обращение с военнопленными, атаки на медицинские учреждения) на международной арене с целью обратить внимание иностранной общественности на несправедливый характер войны со стороны гитлеровского руководства [10, с. 442]. Однако организационно-правовые основы данной деятельности были регламентированы слабо – отсутствовали конкретные инструкции и предписания о том, в какой форме необходимо было фиксировать информацию, какие сведения указывать в обязательном порядке. Соответственно, эффективность применения полученных сведений и их оперативное внедрение в политическую работу были на невысоком уровне. Об этом, например, свидетельствует директива ГУПП КА № 081 от 15 июля 1941 г. «Об итогах партийно-политической работы за три недели войны», в которой указывалось, что факты зверств военных организаций нацистской Германии над военнопленными, мирным населением, семьями красноармейцев, наглядно демонстрировавшие преступную сущность политики гитлеровцев на оккупированных территориях, не использовались в должной мере [4, с. 42–43].

Положительная динамика изменений в работе по фиксации военных преступлений наблюдалась после выхода директивы ГлавПУ РККА

№ 186 от 1 августа 1941 г. «О присылке в ГлавГУ РККА фотодокументов». Согласно тексту документа начальникам политических управлений фронтов приказывалось на регулярной основе собирать и присыпать фотоматериалы с подписями, а также составлять официальные протоколы (законченные местными властями и пострадавшими) по известным случаям зверств гитлеровцев в отношении советских граждан и бойцов Красной армии [4, с. 55].

После издания документа на страницах центральных советских газет стали публиковаться первые фотографии с мест преступлений и первые акты, в которых содержались более-менее подробные обстоятельства совершенных злодеяний [10, с. 443–444]. Однако их количество все еще было мало и не отражало реальной картины масштаба преступлений.

Во многом выход директивы № 186 был обусловлен тем, что еще в начале июля 1941 г. на имя члена ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, являвшегося также начальником Совинформбюро, были поданы докладная записка военного фотокорреспондента газеты «Правда» В. Темина и письмо Ответственного руководителя ТАСС Я. С. Хавинсона, в которых указывалось на проблему практически полного отсутствия условий для работы фотокорреспондентов и невозможность оперативной доставки материалов в редакции [5, с. 107–109]. Справедливости ради стоит отметить, что виной тому было не столько нежелание или игнорирование ответственных лиц, сколько сложившаяся катастрофическая обстановка на фронтах.

Таким образом, итоги первых месяцев войны показали, что работа по сбору и фиксации фактов преступлений требовала внесения существенных корректировок. Одним из выходов должны были послужить проекты образования специальных органов, непосредственно осуществлявших данную деятельность.

На момент начала Великой Отечественной войны известно о двух крупных предложениях, представленных членам ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталину, материалы о которых отложились в архивах.

Первый проект был подготовлен директором института физических проблем Академии наук СССР П. Л. Капицей. 22 августа 1941 г. член ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославский в записке А. С. Щербакову указал, что академик Капица предложил создать международную комиссию по расследованию фашистских злодействий. В состав комиссии представлялись кандидатуры «нейтральных людей» – американского микробиолога и писателя П. де Крюи, настоятеля Кентерберийского собора священнослужителя Х. Джонсона, бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса [7, л. 47]. Сам же П. Л. Капица представил свой проект организации интернациональной следственной комиссии в письме

Сталину 8 сентября 1941 г. Оно практически полностью совпадает с текстом записи Ярославского, но в нем фигурируют новые фамилии потенциальных членов (помимо указанных ранее) – английского писателя Д. Б. Пристли, английского журналиста В. Бартлера, английского политика леди Н. У. Астор [9, л. 1].

По большому счету перечислением состава членов будущего органа идея проекта и исчерпывается. Все подобранные персонажи не случайны и не зря названы Е. М. Ярославским «нейтральными людьми», что скорее неверно, поскольку большинство из них были либо социалистами и коммунистами по своим политическим убеждениям, либо с большой симпатией относились к советскому государствству. Отдельно стоит подчеркнуть тот факт, что в используемых источниках нет указаний на то, кто должен был войти в состав с советской стороны.

В письме приводится статус организации – международная (интернациональная) комиссия по расследованию преступлений. Однако документы не содержат информации о том, на основе каких принципов, форм и методов выстраивалась бы работа. Не ясны правовые основы проведения комплекса следственных мероприятий. Среди предполагаемых членов нет ни одного юриста, обладавшего необходимым опытом в подобной работе. Едва ли был возможен вариант, при котором группе авторитетных иностранных граждан, пусть даже положительно настроенных к сталинскому руководству, предоставлялась бы некая свобода действий в данном вопросе.

Период предоставления проекта по времени совпал с обсуждением создания условий для работы иностранных журналистов, освещавших события на фронтах, изложенных в письме заместителя народного комиссара иностранных дел С. А. Лозовского И. В. Сталину и В. М. Молотову. В качестве рекомендаций Лозовский предлагал организовать поездку делегации, но только в прифронтовую зону (в район Вязьмы или Можайска) для интервьюирования со штабным работником западного направления [6, с. 137–138]. Это дополнительно свидетельствует о том, что допуск иностранцев на передовые позиции или места активных боевых действий, где они могли бы совместно с авангардом наступавших частей становиться и первыми свидетелями гитлеровских злодействий, был практически невозможен.

На документе, подготовленном академиком Капицей, присутствует пометка Сталина о направлении его В. М. Молотову, который, в свою очередь, также оставил надпись о состоявшейся между ним и Петром Леонидовичем беседе 15 сентября 1941 г. Детали того разговора исследователю не известны, но исходя из того, что предложенная инициатива Капицы о создании комиссии так и не получила реализации, можно предположить, что эта идея была если не отвергнута, то отложена на неопределенный срок.

В это же время в поле зрения членов ЦК ВКП(б) попало несколько документов, из содержания которых становится ясно, почему «комиссия Капицы» в реалиях 1941 г. являлась уточненным проектом. Однако ознакомление с ними напрямую связано с рассмотрением следующего проекта, автором которого стал Я. С. Хавинсон.

Практически параллельно с П. Л. Капицей свое предложение о создании органа, осуществлявшего деятельность по установлению военных преступлений, 26 августа 1941 г. на имя А. С. Щербакова направил и руководитель ТАСС. Яков Хавинсон, как непосредственно вовлеченный в систему работы организаций пропаганды функционер, прекрасно был знаком с объемом и содержанием поступавшей информации, а также с возникавшими трудностями и недостатками. Об этом, в частности, свидетельствует первый абзац его записки: «Опыт двухмесячной работы ряда наших органов пропаганды и контрпропаганды приводят к убеждению, что данные о германских зверствах в занятых территориях Советского Союза используются нами далеко не в достаточной степени. Несколько заявлений т. Лозовского на пресс-конференции, несколько сообщений в газетах, весьма скучный фотоматериал и спорадические сообщения по радио – вот и все, что сделано до настоящего времени в этом вопросе...» [8, л. 24].

Далее автор документа говорит о том, что доходчивость и эффективность сведений о преступлениях, которые распространяются на заграничную аудиторию, напрямую зависят от авторитетности и объективности источника информации. Таким, по замыслу Хавинсона, как раз мог стать общественный комитет, специально учрежденный для этой цели [8, л. 24].

Целесообразность его возникновения обосновывалась и тем фактом, что в годы Первой мировой войны подобные организации были образованы в разных странах [8, л. 25]. В Российской империи ею стала Чрезвычайная следственная комиссия, которая с 1915 по 1917 гг. осуществляла деятельность по установлению и расследованию случаев нарушения норм международного права в области ведения войны. Впоследствии члены ЧГК СССР обращались к ее материалам и учитывали опыт ее работы [1, с. 10–11].

В отличие от проекта «комиссии Капицы», Яков Семенович предложил наделить создаваемый орган статусом комитета. При этом руководитель ТАСС подчеркивал, что он должен был иметь неофициальный (т. е. не входящий в систему государственных учреждений) и общественный характер.

В состав «комитета Хавинсона» должны были войти известные всему миру советские общественные деятели, ученые, юристы, врачи, писатели. Его председателем предлагалось назначить выдающегося хирурга академика Н. Н. Бурденко,

а среди членов фигурировали фамилии академиков Богомолова, Капицы, Баха, профессора Кончаловского, адвокатов Коммодова, Брауде, Казначеева, писателей Сергеева-Ценского и Новикова-Прибоя, директора дома ученых Андреевой, народной артистки СССР Тарасовой [8, л. 25].

Как видно из представленного списка, подобранные персоналии обладали большей компетентностью и вполне могли выполнить поставленные перед ними задачи, по сравнению с составом проекта П. Л. Капицы.

Сами задачи были сформулированы следующим образом:

1. Сбор документированных материалов о немецких зверствах, организация в отдельных случаях следственного производства с опросом потерпевших.

2. Публикация отдельных материалов, а также выпуск сборников материалов, фотодокументов и т. д.

3. Выступления внутри Советского Союза и за рубежом с разоблачением немецких зверств [8, л. 24–25].

Таким образом, проект комитета, предложенный Я. С. Хавинсоном, представлял собой вполне организованную структуру, с понятным и известным советскому населению и мировой общественности составом, более четко обозначенным функционалом и принципами деятельности.

В то же время полноценным органом по установлению и расследованию военных преступлений, наделенным особыми полномочиями, его назвать нельзя. Несмотря на заявленный общественный и внесистемный характер, по сути, «комитет Хавинсона» должен был выполнять функции на уровне одного из отделов или институтов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), сосредоточившись исключительно на проблемах сбора, сохранения и применения в пропаганде полученных сведений о злодеяниях.

Однако подобная «неполноценность» «комитета Хавинсона» может только казаться таковой современным исследователям, обладающим обширным послезнанием в области деятельности ЧГК СССР и ее значении в международной правоприменительной практике. В действительности же проект органа полностью отвечал сложившейся военной обстановке и реалиям 1941 г., когда ситуация требовала не организации системы правосудия и преследования гитлеровских преступников, а мобилизации внутреннего потенциала советского населения на борьбу с вторгшимся врагом [3, с. 185].

Почему же ни один из представленных проектов (с учетом их достоинств и недостатков) в 1941 г. так и не был реализован на практике?

По мнению автора, основной причиной является отсутствие решения вопроса о выстраивании

механизма составления документальных сведений о фактах военных преступлений. Как видно из представленных целей и задач, «комиссия Капицы» и «комитет Хавинсона» не обладали полномочиями по выработке, контролю и регулированию единой системы документооборота. Проект руководителя ТАСС предполагал только сбор уже имевшихся материалов, подготовленной той или иной структурой (а в предложении П. Л. Капицы вообще ничего об этом не сказано). Неясно, могли ли члены «комитета Хавинсона» сами участвовать в составлении документов и фиксации злодеяний, за исключением «отдельных случаев».

Между тем, среди поступавшей в органы пропаганды информации были спорные эпизоды, которые могли иметь неоднозначную трактовку. В письме секретаря Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (далее – ИККИ) Д. З. Мануильского от 30 августа 1941 г. на имя заместителя начальника Совинформбюро Лозовского указывалось, что в присылаемых в ИККИ материалах о зверствах германских фашистов содержались такие места, которые могли быть использованы вражеской пропагандой [8, л. 27]. К письму прилагались сведения о двух таких случаях. В первом были приведены показания военнослужащего 286-го стрелкового полка А. Е. Казанца (документ составлен 7 августа), ставшего свидетелем расправы гитлеровских частей над мирным населением одного из населенных пунктов, расположенного между Псковом и Порховом с 7 на 8 июля 1941 г. Как уверял красноармеец, многие бойцы из его подразделения также лично наблюдали эту трагедию, ноказать помочь советским гражданам они не могли, поскольку были плохо вооружены [8, л. 28]. Вероятно, данную информацию можно было истолковать как пример трусости и неспособности Красной армии защитить своих граждан.

Второй эпизод связан с показаниями военнослужащего 3-го батальона 329-го стрелкового полка Д. М. Ивашева, обнаружившего 21 июля 1941 г. в 12 км от станции Сельцы (вероятно, Сольцы) артиллерийское орудие с прикованным к нему неизвестным красноармейцем, на теле которого имелись резаные раны [8, л. 29]. В тексте документа не указано, кто именно подверг пыткам и изувечил бойца, что могло породить различные домыслы и спекуляции.

Из приведенных сведений видно, что при сборе доказательств гитлеровских зверств учитывались и подобные спорные эпизоды (можно предположить, что их было значительно больше, чем два). Очевидна и невозможность использования в пропагандистских целях неоднозначных сюжетов. Поэтому существовало предписание от 15 сентября 1941 г. о более тщательном отборе присылаемых в органы пропаганды и агитации

материалов [8, л. 30]. Однако это не означало запрета на фиксацию проблемных случаев.

Безусловно, решающее значение играла и обстановка на фронтах. Красная армия продолжала отступать вглубь страны. Через месяц после начала обсуждения проектов германские войска перешли в наступление в рамках операции «Тайфун». Советский Союз снова потерял значительную часть территории, остановив врага у Москвы. В сложившихся условиях проводить работу по установлению и фиксации преступлений было крайне затруднительно.

Учитывая перечисленные факторы, 29 октября Управление пропаганды и агитации посчитало нецелесообразным в имевшейся обстановке создавать орган по разоблачению фашистских зверств [8, л. 26]. Важно отметить, что советские чиновники принимали во внимание возможные риски от поспешно принятых решений. К тому же, оба представленных проекта требовали внесения корректив и уточнения отдельных положений. Именно это, а не отсутствие должного уровня образования и культуры и понимания возможности использовать организации подобного рода в пропагандистской работе, ориентированной на западные страны, как указано в работе исследователя М. Ю. Сорокиной [2, с. 59], и повлияло на то, что в 1941 г. специальный орган по установлению и расследованию гитлеровских злодяйний не был учрежден.

Однако это не означало полного отказа от данной идеи. Впоследствии 2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована ЧГК СССР, при разработке которой был учтен ряд предложений, изложенных в проектах «комиссии Капицы» и «комитета Хавинсона».

Список литературы

1. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Основание и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодяйний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 4. С. 9–19. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-04-09-19>
2. Сорокина М. Ю. Где свои, а где чужие? К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Природа. 2005. № 11. С. 57–64.
3. Киселева Т. В., Улизко П. В. Основные формы советской пропаганды по формированию образа врага у личного состава Красной армии в 1941 г. // Воронеж в начальный период Великой Отечественной войны : материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 18 июня 2021 г.) / под ред. С. И. Филоненко. Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГПУ, 2021. С. 180–194.
4. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне,

- 1941–1945 гг. : Документы и материалы / сост. Н. И. Бородин, Н. В. Усенко. М. : ТЕРРА, 1996. 672 с.
5. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. гос. упр., Фед. арх. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Гос. архив РФ. М. : РОССПЭН, 2007. 806 с.
6. Советско-американские отношения. 1939–1945 / отв. сост. Б. И. Жиляев, В. И. Савченко. М. : МФД, 2004. 791 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС 1898, 1903–1991). Оп. 121. Д. 111.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 51.
9. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС 1952–1991 гг.). Оп. 50. Д. 540.
10. Лакизюк А. А. Участие военнослужащих РККА в работе по фиксации военных преступлений, совершенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР в начальный период великой отечественной войны // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды : сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (Москва, 22–25 октября 2024 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева. М. : Институт российской истории РАН, 2024. С. 439–448.

Поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 327–335
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 327–335
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-327-335>, EDN: ECPKLX

Научная статья
УДК 378.091.2(477.61)|1943/1945|

Проблемы организации учебного процесса в вузах Ворошиловградщины после освобождения от немецко-фашистских захватчиков

С. А. Дитковская

Луганский государственный педагогический университет, Россия, 291011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2

Дитковская Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, директор Института истории, международных отношений и социально-политических наук, <https://orcid.org/0009-0001-5172-3335>, s.ditkovskaya@yandex.ru, AuthorID: 1250171

Аннотация. В статье выявляются и анализируются проблемы организации учебного процесса в вузах Ворошиловградщины в 1943–1945 гг. Отмечается, что высшие учебные заведения области были реэвакуированы и приступили к налаживанию учебной работы, которая осложнялась медленным восстановлением материально-технической базы, задействованностью студентов на производстве и мобилизацией на различные работы, а также трансформацией учебных планов. Показано, что мероприятия по возобновлению учебной деятельности ложились на плечи профессорско-преподавательского состава, для которого была характерна неукомплектованность и низкий уровень качественного состава. Это приводило к увеличению нагрузки, невыполнению учебных планов, снижению качества знаний студентов. Утверждается, что с 1944 г. начинается постепенное увеличение контингента студентов, который характеризовался преобладанием младших курсов, доминированием женщин и неоднородным составом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ворошиловградщина, вузы, реэвакуация, восстановление, учебный процесс, профессорско-преподавательский состав, контингент студентов

Для цитирования: Дитковская С. А. Проблемы организации учебного процесса в вузах Ворошиловградщины после освобождения от немецко-фашистских захватчиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 327–335. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-327-335>, EDN: ECPKLX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problems of organizing the educational process in the universities of Voroshilovgrad region after liberation from the Nazi invaders

S. A. Ditkovskaya

Lugansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Lugansk 291011, Russia

Svetlana A. Ditkovskaya, s.ditkovskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5172-3335>, AuthorID: 1250171

Abstract. The article identifies and analyzes the problems of organizing the educational process in the higher educational institutions of Voroshilovgrad region in 1943–1945. It is noted that, the higher educational institutions of the region were evacuated and began to establish the educational work, which was complicated by the low pace of restoration of the material and technical base, the involvement of students in production and mobilization for various jobs, and the transformation of curricula. It is shown that the measures to resume the educational activities fell on the shoulders of the teaching staff, which was characterized by understaffing and a low level of quality staff. This led to an increase in workload, non-fulfillment of curricula, and a decrease in the quality of students' knowledge. It is argued that since 1944 a gradual increase in the student body began, which was characterized by the predominance of junior courses, the dominance of women and a heterogeneous composition.

Keywords: The Great Patriotic War, Voroshilovgrad region, the higher educational institutions, re-evacuation, restoration, educational process, teaching staff, student body

For citation: Ditkovskaya S. A. The problems of organizing the educational process in the universities of Voroshilovgrad region after liberation from the Nazi invaders. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 327–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-327-335>, EDN: ECPKLX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

10 декабря 2024 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека В. В. Путин сказал: «Когда наш народ сражался за свою независимость, будущее страны, нам противник говорил, что Советский Союз выигрывает на полях сражений благодаря учителям, благодаря нашим тогда советским учителям». Действительно, педагог играет ключевую роль в становлении личности обучающегося и формировании у него духовно-нравственных ориентиров, что приобретает особую актуальность сегодня, когда военные действия ведутся в двух плоскостях – на полях сражений и в информационном пространстве. Педагог не только учит, но еще и воспитывает своим примером. Особый героизм, силу духа и любовь к Родине проявили они, возобновляя работу вузов на территориях, находившихся под оккупацией немецко-фашистских захватчиков: самостоятельно восстанавливали материально-техническую базу, вели борьбу за увеличение контингента, выполнение учебных планов, повышение качества подготовки. Это актуализирует необходимость исследования исторического опыта по возобновлению учебного процесса в вузах Ворошиловградчины в 1943–1945 гг.

Кроме актуальности, доводом в пользу данного исследования служит недостаточная степень разработанности темы. Вопросы, связанные с деятельностью вузов УССР в годы Великой Отечественной войны, рассматриваются в рамках таких исследований, как «Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны», «Высшая школа СССР за 50 лет», «Вища школа Української РСР за 50 років» [1–3]. В этих работах деятельность вузов Ворошиловградской области освещается фрагментарно, в основном на примерах Ворошиловградского сельскохозяйственного и педагогического институтов. Украинские исследования 2010-х гг. А. А. Климова, В. П. Доброда, И. Н. Кравчук [4–6] посвящены развитию отдельных учебных заведений либо системы образования на Донбассе в годы ВОВ в целом, однако содержат крайне оценки советского прошлого.

Исходя из практической и теоретической актуальности проблемы, целью статьи определено выявление проблем организации учебного процесса в вузах Ворошиловградчины после освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Основу источниковой базы исследования составили материалы фондов Архивной службы ЛНР и Луганского государственного педагогического университета.

Ворошиловград находился в немецкой оккупации 7 месяцев, и за это время гитлеровцы нанесли ему огромный ущерб, уничтожили 8 тыс. мирных жителей, насильно угнали на каторгу в Германию более 10 тыс. человек. К моменту окончательного освобожде-

ния в Ворошиловградской области проживало 718 тыс. человек, что составляло лишь 35% от до-военной численности населения [7, с. 47, 94]. Успешное проведение восстановительных работ, дальнейшее развитие промышленности, транспорта и сельского хозяйства требовали большого количества квалифицированных кадров. Перед руководством вузов встали следующие первоочередные задачи: запустить учебно-воспитательный процесс, укомплектовать преподавательские кадры и контингент студентов.

Огромный круг задач стоял перед коллективами учебных заведений, реэвакуированными в 1943–1944 гг., в деле налаживания учебной деятельности. Ситуация осложнялась нехваткой квалифицированных кадров, сокращением выпуска студентов в 1941–1942 гг., а также снижением качества подготовки студентов. Для решения этих проблем Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР (далее – ВКВШ при СНК СССР) был издан приказ № 1 от 2 января 1943 г. «Об отмене свободного посещения учебных занятий студентами высших учебных заведений». Согласно документу, устанавливалось обязательное посещение студентами всех учебных занятий, предусмотренных учебными планами и расписаниями. Директоров вузов обязывали установить точный учет посещения студентами занятий и строжайшую дисциплину, принимая против нарушителей все меры, вплоть до отчисления. При этом руководителям предоставлялось право освобождать обучающихся от посещения тех занятий, которые по времени совпадали с часами их работы на предприятиях и в учреждениях. Для них организовывались консультации, лабораторные занятия и дополнительные лекции в вечерние часы и по выходным дням. Кроме того, работающие студенты обязывались выполнять все домашние задания, лабораторные работы и сдавать экзамены и зачеты в сроки, установленные учебным планом [8, л. 17].

Усилиению организованности и дисциплинированности способствовали принятые 20 марта 1943 г. ВКВШ при СНК СССР «Правила внутреннего распорядка высших учебных заведений». Так, студент, не сдавший в срок домашнее задание, допускался к его выполнению по разрешению заведующего кафедрой или декана; студенты должны были вставать при появлении в аудитории преподавателя или отвечая на его вопросы; запрещалось нахождение в помещении в верхней одежде.

20 августа 1943 г. вышел приказ ВКВШ при СНК СССР № 225 «О мерах усиления самостоятельной работы в 1943–1944 учебном году». Документ обязывал преподавателей равномерно распределять домашние задания в семестре, исходя из того, что внеаудиторная нагрузка составляла 20–25 часов в неделю, а частота проведения общественно-политических мероприятий ограничивалась одним разом в неделю. Также

педагогам вменялось обязательно проверять как теоретические знания студентов по пройденным разделам, так и выполненные ими домашние задания. С целью развития у обучающихся научного творчества, рекомендовалось также регулярно проводить коллоквиумы и прочие мероприятия. В случае невыполнения студентами по неуважительным причинам учебных обязательств и нарушения учебно-трудовой дисциплины, руководителям вузов предоставлялось право временно снимать их с дополнительного питания, которое выдавалось сверх норм продовольственных карточек [9, с. 3–4].

В ходе ВОВ учебные планы вузов продолжали трансформироваться. Так, 13 апреля 1944 г. СНК СССР принимает постановление № 413 «О военной подготовке студентов высших учебных заведений», которое утвердило «Положение о военной и военно-морской подготовке студентов вузов в условиях войны». В документе подчеркивалось, что военная подготовка имеет целью воспитать студенческую молодежь в духе любви к Родине, также подготовить дисциплинированный, физически крепкий и выносливый, овладевший военным делом состав запаса Красной армии и Военно-морского флота. В связи с этим в вузах открывались военные кафедры, а в учебные планы вводились курсы военной подготовки. Объем часов зависел от продолжительности обучения: пять лет – 450 часов, четыре года – 360 часов, два года (в учительских институтах) – 150 часов [10]. В учебные планы педагогических вузов, в которых осуществлялась подготовка преподавателей иностранных языков, была введена дисциплина «Военный перевод». Профиль военной подготовки студентов связывался напрямую с их будущей специальностью. Так, в Ворошиловградском педагогическом институте готовили преподавателей физической культуры и физического воспитания для средних (неполных средних школ), Ворошиловградском сельскохозяйственном институте – медицинских сестер запаса, Рубежанском химико-технологическом – офицеров запаса химических войск. Такое нововведение было продиктовано требованиями военного времени и способствовало повышению уровня допризывной подготовки молодежи.

Перестройка учебного процесса коснулась и общественных наук. Согласно приказу Всесоюзного комитета высшей школы от 20 февраля 1943 г. № 35 во всех высших учебных заведениях страны курс «Основы марксизма-ленинизма» был дополнен темой «Великая Отечественная война Советского Союза». Всем вузам была разослана программа, которая предусматривала 14 лекционных и 6 семинарских часов [8, л. 27]. Таким образом, принятые нормативные правовые акты были направлены на формирование дисциплины, усиление самостоятельной работы,

повышение уровня допризывной подготовки молодежи и формирование патриотизма.

К 1944 г. проблема качества подготовки специалистов решена не была, и Центральный Комитет ВКП(б) постановлением от 18 февраля 1944 г. запретил местным партийным и советским органам проводить мобилизацию на различные работы студентов, аспирантов и преподавателей вузов и техникумов без разрешения Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б); освобождать и перемещать директоров и профессорско-преподавательский состав без разрешения ВКВШ при СНК СССР; отбирать у вузов и техникумов учебные и другие помещения; установил, что обследования учебных заведений могут проводиться местными партийными и советскими органами только с разрешения первых секретарей обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик [11, л. 12].

Однако на местах данное постановление часто не выполнялось. Так, Ворошиловградский обком ВКП(б) и Ворошиловградский облисполком в течение нескольких месяцев 1944/1945 учебного года неоднократно проводили мобилизацию студентов и преподавателей области на сельскохозяйственные работы в колхозы и совхозы путём приостановки занятий на 10–14 дней. Это дезорганизовывало учебный процесс, вызывало невыполнение учебных планов и программ, не говоря уже о нарушениях дисциплины обучающихся, т. к. всегда находились студенты, которые по разным причинам (уважительным и неуважительным) уклонялись от направления на работу. Если к таким лицам применялись строгие меры (исключение из вуза), то получался большой отсев, а если меры не применялись – студенты приучались к невыполнению распоряжений администрации. Причём местное население к такого рода работам совершенно не привлекалось, т. к., по мнению властей, было неорганизованным, и легче было обязать директора института снять с учёбы несколько сотен студентов [12, л. 33].

Не выполнялось данное постановление и на республиканском уровне. Несмотря на сложные материальные условия, в которых оказался пединститут после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, а также затянувшийся процесс восстановления учебного корпуса, кабинетов и лабораторий, в мае 1945 г. Наркомат просвещения УССР направил комиссию для проверки работы вуза. Инспекторы констатировали неудовлетворительное санитарное состояние института и выявили ряд недостатков в учебной работе:

– отсутствие надлежащего внимания к организации самостоятельной работы студентов и условий для ее осуществления (кабинеты не оборудованы, не отапливаются);

– эпизодический характер взаимопосещения и обсуждения лекций, обмена опытом;

– полное отсутствие документации о проделанной работе или настолько схематичный характер у имеющейся, что она не может быть использована для дальнейшей работы;

– недостаточная грамотность и низкая культура речи студентов;

– отсутствие мероприятий по повышению качества преподавания, недостаточный уровень чтения лекций и проведения практических занятий у части педагогов [13, л. 6].

В апреле – мае 1944 г. ВКВШ при СНК СССР была проведена проверка качества проведения социалистических соревнований в вузах. Она показала, что соцсоревнования механически переносятся из области производства и вредно отражаются на качестве подготовки специалистов. В ряде вузов установилась практика оценки работы преподавателей по числу отличных, хороших и неудовлетворительных отметок студентов, что приводило к снижению требовательности и необъективному оцениванию знаний. Директора и общественные организации многих вузов требовали от студентов выполнения формальных письменных обязательств, в которых заранее определялись повышенные оценки по предметам, подлежащим сдаче на экзаменах. В результате был издан приказ ВКВШ при СНК СССР № 247 от 15 июня 1944 г. «О социалистическом соревновании в вузах по учебной работе», который прекращал практику соцсоревнования в вузах по вопросам учебной работы [14, л. 165].

Вопросами укрепления дисциплины и повышением качества учебы на местах занимались также партийная и комсомольская организации. Так, 19 апреля 1945 г. на заседании бюро Ворошиловградского горкома КП(б)У отмечалось, что по итогам зимней экзаменационной сессии средняя успеваемость студентов Ворошиловградского педагогического института составила лишь 43,6%, а комсомольцев – 61,2%. В постановляющей части секретарям партийной и комсомольской организаций поручалось «требовать от студентов систематического посещения занятий, систематического хорошего выполнения всех практических заданий ... показывать отличников учёбы, создавать в наглядной агитации общественное мнение против нарушителей дисциплины и отстающих в учёбе» [15, л. 43–44].

Предпринятые действия со стороны органов государственной власти способствовали возобновлению во всех действующих вузах Ворошиловградской области стандартного учебного процесса с октября 1944 г.

Мероприятия по реэвакуации, восстановлению разрушенных корпусов и общежитий, привлечению абитуриентов, возобновлению учебного процесса в условиях острой нехватки учебников и оборудования ложились на плечи профессорско-преподавательского состава, количества которого значительно сократилось за годы войны.

Нехватка кадров порождала трудности в процессе обучения, т. к. качество подготовки молодых специалистов значительно зависело от научного и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава. Для решения этой проблемы было принято постановление СНК СССР № 1145 от 19 октября 1943 г., согласно которому преподавателям повышалась заработка плата и профессорско-преподавательский состав переводился на специальное продовольственное обеспечение [16]. Предпринимались также попытки доукомплектования коллективов преподавателями: демобилизация с фронта (с 1943 г.), перевод из центральных вузов в периферийные, возвращение мобилизованных на промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Проведенные мероприятия способствовали стабилизации численности вузовских коллективов и зарождению тенденции к ее увеличению, однако полностью проблему не решили. Так, потребность вузов республиканского подчинения в профессорско-преподавательских кадрах по УССР составляла не менее 1000 чел. Не хватало, в частности, 120 заведующих кафедрами. Много преподавателей не имели учёных степеней и званий. Так, в 1944/1945 учебном году в вузах республиканского подчинения из 4264 преподавателей учёную степень и учёное звание имели всего около 1000 человек (23,5%). На сентябрь 1945 г. 341 кафедра возглавлялась лицами без учёной степени [3, с. 370–371].

К октябрю 1944 г. в пяти вузах Ворошиловградчины научно-преподавательской работой занимались 142 сотрудника, среди них 5 профессоров и 35 доцентов (28,2%), что было немного выше среднего значения по республике. Не закрытыми оставались 71 штатная единица (укомплектованность 62,7%). Особо остро чувствовалась нехватка профессоров и доцентов. Резкое сокращение преподавательского корпуса объясняется мобилизацией в армию или на производство, а также невозвращением после эвакуации. Рассмотрим более подробно ситуацию с кадровым обеспечением каждого вуза области.

В справке о работе Ворошиловградских педагогического и учительского институтов за 1943/1944 учебный год констатируется, что численность профессорско-преподавательских кадров составляла 37 человек (укомплектованность 48%). Кадровый голод вынудил привлечь к работе 13 сотрудников, которые оставались на оккупированной немцами территории (с июля 1943 г. по февраль 1944 г.) и работали на идеологическом фронте (переводчиками в комендатурах, госпиталях, учителями в школах). За 1 семестр 1943/1944 учебного года ни одна кафедра не выполнила планы работы, из 10 кафедр отчеты предоставила только одна. В результате слабой постановки контроля и учета учебной частью ряд преподавателей перерасходовали или не выполнили план при

расходовании положенных часов на дисциплину. Например, преподаватель Павленко по дисциплине «Украинская литература» перечитал 30 часов, а по «Методике украинской литературы» план выполнил лишь на 75%. Учебный процесс часто нарушался изменениями расписания, которое планировалось без учета наличия кадров. В результате по вине учебной части на 20 мая 1944 г. преподаватели пропустили 50 часов [17, л. 15–16].

К началу 1944/1945 учебного года в Ворошиловградских педагогическом и учительском институтах увеличивается кадровый состав до 72 преподавателей: 11 доцентов, 26 старших преподавателей и 35 ассистентов (укомплектованность 58,5%). Незакрытыми оставались 51 штатная единица, особо остро не хватало профессоров и доцентов – 5 и 44 единиц соответственно; учебно-вспомогательный персонал был укомплектован лишь на 32% [18, л. 54]. Нехватка преподавателей приводила к тому, что ряд из них работали более 8 часов в день; некоторые кафедры были практически не укомплектованы и дисциплины вычитывались тогда, когда появлялись необходимые специалисты, что приводило к значительной перегрузке студентов; некоторые дисциплины совсем не читались («Современный украинский язык», «Методика преподавания украинского языка», «Украинский язык» на неспециальных факультетах и т. д.) [19, л. 1–1 об.]. С целью компенсации нехватки преподавателей расширялась практика самостоятельной работы студентов по изучению учебных курсов.

После реэвакуации преподавательский состав Старобельского учительского института необходимо было создавать заново. В 1944 г. вуз укрепился кадрами руководящего состава и преподавателями. Так, в институт были переведены Ф. К. Гужва – доктор филологических наук, директор института с 1944 г.; Б. А. Шарпили – кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебной работе, с 1951 г. – директор; А. П. Галкина – преподаватель основ марксизма-ленинизма; О. М. Маштабей – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой украинского языка; Т. Я. Войтенко – преподаватель математики и другие. Преподавательский состав провел набор на 1 курс, начал восстановление библиотеки (в 1944 г. она насчитывалась лишь 1000 книг), организовал учебные кабинеты: марксизма-ленинизма, физики, литературы, языка, военно-физкультурной подготовки [20, л. 161]. К октябрю 1944 г. профессорско-преподавательский состав насчитывал 16 человек (укомплектованность 80%): 1 доцент, заведующий кафедрой, 8 старших преподавателей, 7 ассистентов и преподавателей. Оставались незакрытыми 4 ставки старшего преподавателя. Учебно-вспомогательный персонал был укомплектован на 50% [18, л. 31 об.].

В Ворошиловградском сельскохозяйственном институте на 10 октября 1944 г. студентов обучали 28 преподавателей: 5 профессоров, 10 доцентов, 5 старших преподавателей и 8 ассистентов. Незакрытыми оставались 9 штатных единиц (профессора и доценты – по 2, ассистенты и преподаватели – 5 единиц) (укомплектованность – 76%). Учебно-вспомогательный персонал был укомплектован на 61% [18, л. 33, 33 об.]. В связи с тем, что в Ивановке Балаковского района Саратовской области, где вуз с 1942 г. находился в повторной эвакуации, отсутствовали преподаватели по ряду профильных дисциплин, в рабочий учебный план были внесены изменения, что привело к увеличению семестровой нагрузки на студентов [14, л. 3].

Численность профессорско-преподавательского состава к октябрю 1944 г. в Рубежанском химико-технологическом институте составила 26 человек (укомплектованность 79%): 13 доцентов, 8 старших преподавателей, 5 ассистентов и преподавателей. Ощущалась острая нехватка профессоров и доцентов (7 человек). Учебно-вспомогательный персонал был укомплектован на 73% [18, л. 57 об.].

В таких условиях большое значение для подготовки и повышения квалификации вузовских преподавателей имела аспирантура. В довоенное время на Ворошиловградщине подготовка кадров высшей квалификации осуществлялась в одном из 6 вузов – Ворошиловградском сельскохозяйственном институте. Однако в 1944 г. деятельность аспирантуры не была возобновлена по причине отсутствия научных кадров необходимой квалификации, разрушенности учебно-материальной базы и отсутствия надлежащего внимания к проблеме со стороны органов власти.

Остройшей была проблема выполнения планов набора и сохранения основного состава студентов, поскольку большое количество молодёжи студенческого возраста находилось в рядах Красной армии или было вывезено фашистами на каторжные работы в Германию.

С целью улучшения жизнеобеспечения студентов СНК СССР постановлением № 499 от 8 мая 1943 г. освободил от платы за обучение студентов вузов Украинской ССР как пострадавшей от немецкой оккупации. Плата за обучение, введенная с 1 сентября 1940 г., для студентов очного отделения составляла 300 руб., заочного отделения – 150 руб. в год.

Большое значение для сохранения и увеличения контингента имело решение СНК СССР от 15 сентября 1943 г. № 996 «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию», которое освобождало от призыва студентов всех курсов 83 вузов страны, а также обучающихся предпоследнего и последнего курсов остальных высших

учебных заведений. Документ также давал право на получение стипендии всем успевающим студентам. 26 сентября 1943 г. газета «Ворошиловградская правда» сообщала, что «на государственную стипендию зачисляются не только отличники средней школы, но и выпускники 1941–1943 гг., имеющие аттестаты с “хорошо” и “отлично”. Стипендией пользуются также и лица, поступившие в институт после возвращения из Красной армии и Военно-морского флота вследствие ранения или болезни» [21, с. 3]. С каждым курсом размер стипендии увеличивался от 140 руб. до 210 руб., а студенты, имеющие отличные оценки по всем предметам, получали надбавку 25% [22].

С целью привлечения населения в вузы были расширены льготные категории. До войны без вступительных экзаменов принимались в вузы только отличники, с 1943 г. эта льгота стала распространяться и на окончивших среднюю школу в 1941–1943 гг. на «хорошо» и «отлично». При наличии свободных мест без испытаний принимались и те, кто имел в аттестатах отметки «посредственно» [21, с. 3].

Кроме того, лучшие студенты вузов представлялись к именным стипендиям, носившим имена государственных деятелей (И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, С. М. Кирова). В результате число стипендиатов по стране увеличилось с 20% до 80%, а в Ворошиловградской области – до 82% (1 510 чел.) [23, л. 1, 4, 21, 29, 31].

Постановление СНК СССР № 438 от 23 апреля 1943 г. «Об отпусках для поступающих в вузы и техникумы» обязало всех руководителей предприятий и учреждений предоставлять отпуск допущенным к приемным экзаменам за 10 дней до начала экзаменов, а принятых в вузы и техникумы освобождать от работы в сельском хозяйстве, на предприятиях и в учреждениях за 10 дней до начала занятий [24].

В борьбе за успешное проведение набора в вузы применялись такие средства пропаганды, как пресса и радио. Специальные студенческие бригады разъясняли на предприятиях и в колхозах условия поступления в вузы [3, с. 369–370]. Так, в Ворошиловградском педагогическом институте был организован агитколлектив в составе агитаторов-студентов и студенческая лекторская группа [15, л. 43].

Принятие указанных нормативных актов, а также усилия вузов на местах имели позитивный результат, и с 1944 г. началось увеличение численности студентов. Так, если в 1943/1944 учебном году в вузах Ворошиловградской области к занятиям приступили 1098 чел., то в 1944/1945 их количество увеличилось на 60% и составило 1847 чел. (31,3% от уровня 1940/1941 уч. г.).

На конец первого семестра 1943/1944 г. в Ворошиловградском педагогическом институте

функционировало 5 факультетов: языка и литературы (русское и украинское отделения), исторический, физико-математический (отделения физики и математики), географический, природоведческий, на которых обучалось 312 студентов очной формы. Срок обучения составлял 4 года. Возобновилось функционирование заочного отделения, которое охватывало 563 студента [23, л. 1, 2]. В начале следующего 1944/1945 учебного года контингент увеличился на 82% и составил 567 студентов, из которых 75% (426 чел.) получали стипендию [18, л. 55].

При педагогическом институте продолжал функционировать учительский институт с двухлетним сроком обучения и единой для обоих учреждений образования структурой. На историческом, естественно-географическом, физико-математическом и факультете языка и литературы готовили учителей 5–7 классов. На конец первого семестра 1943/1944 учебного года здесь получали образование 256 студентов. В начале следующего 1944/1945 учебного года контингент увеличился на 84% и составил 472 человека, из которых 73% (345 чел.) получали стипендию [18, л. 32].

Совместный контингент студентов педагогического и учительского институтов очной формы обучения имел тенденцию к росту, причём 59% студентов обучались в педагогическом институте. Так, если в декабре 1943 г. он составлял 568 человек, то к январю 1944 г. увеличился до 1039 человек. Его особенностью являлось доминирование женщин – 1024 человек (99%). В 1944/1945 учебном году выпуск составил 283 специалиста, 65% (184 чел.) из которых были распределены в западные области УССР [3, с. 376].

После реэвакуации контингент Старобельского учительского института составлял 185 человек очной формы, которые обучались два года на факультете языка и литературы, а также физико-математическом факультете [23, л. 29]. Через год, к 1 октября 1944 г., число обучающихся увеличилось на 52% и составило 281 человек (98% из них – женщины). Все студенты были освобождены от платы за обучение и 77% (215 чел.) получали стипендию [18, л. 31]. Первый самостоятельный выпуск института состоялся в августе 1944 г. (42 выпускника, из них 8 – по физико-математическому факультету, 34 – по факультету языка и литературы) [20, л. 161].

В апреле 1944 г. Ворошиловградский сельскохозяйственный институт после реэвакуации из села Ивановки Саратовской области осуществлял обучение 216 студентов 1–3 курсов на двух факультетах – полеводческом и плодовоощном [14, л. 2 об.; 23, л. 31]. Срок обучения составлял 4 года. В начале следующего 1944/1945 учебного года контингент увеличился на 51% и насчитывал 326 человек, в том числе 307 женщин (94%).

Необходимо отметить, что все студенты получали стипендию и были освобождены от оплаты обучения [18, л. 33].

К концу 1944/1945 учебного года качество подготовки студентов улучшается. Так, несмотря на недостаток оборудования кабинетов и лабораторий, проводились практические занятия, лекции обеспечивались наглядными пособиями, на всех курсах проводились коллоквиумы по основным темам дисциплин. В помощь студентам предоставлялись аудитории для самостоятельных занятий, была организована читальня, работающая в вечернее время. За всеми первокурсниками закреплялись преподаватели для оказания помощи. Для демобилизованных студентов-участников ВОВ составлялись индивидуальные графики сдачи зачётов и экзаменов, а также оказывалась помощь в изучении дисциплин [25, л. 122].

В 1943 г., находясь в Ивановке, вуз выпустил 28 агрономов, а в 1944 г. в связи с отсутствием обучающихся на 4 курсе (по причине эвакуации вуза) выпуск отсутствовал [25, л. 120]. После реэвакуации в институте было сформировано 6 академических групп основного и дополнительного набора, а также группы 2 и 3 курсов на плодовоощном факультете из студентов, приостановивших обучение [14, л. 2 об.]. Первый послевоенный выпуск состоялся в 1945 г. – дипломы о высшем образовании получили 40 студентов, которые вынуждены были приостановить обучение на время войны [26, с. 4].

На момент возвращения Рубежанского химико-технологического института из Кемерово контингент студентов составлял 129 человек, которые обучались на очной форме, заочная форма обучения отсутствовала [23, л. 21]. Студенты обучались 5 лет на двух факультетах – механическом и химико-техническом. На 10 октября 1944 г. их количество увеличилось до 201 человека (на 56%). Все студенты были освобождены от оплаты обучения и 99% (198 чел.) из них получали стипендию. 89% от общего числа обучающихся составляли женщины. В 1944/1945 учебном году выпуск составил 15 человек [18, л. 57].

Таким образом, набор студентов удалось увеличить, но оставалась проблема текучести контингента студентов и их низкий уровень подготовки. В учебных заведениях наблюдался сильный отсев. Так, в Ворошиловградских педагогическом и учительском институтах на протяжении 1943/1944 учебного года было отчислено 70 человек, что составило 12% от общего количества на ноябрь 1943 г. А в 1944/1945 учебном году этот показатель увеличился до 206 человек, что составило 20% от общего количества на октябрь 1944 г. [17, л. 15; 28, л. 30]. Нужно уточнить, что эта проблема была характерна для всех вузов УССР. За указанный период из университетов и педагогических институтов было

отчислено 5146 человек – 20% от общего количества обучающихся [28, с. 84].

Таким образом, к началу 1944/1945 учебного года все студенты вузов Ворошиловградской области были освобождены от платы за обучение, 82% из них получали стипендию, 97% составляли женщины.

Несмотря на прилагаемые усилия, не все желающие учиться могли стать студентами по причине отсутствия среднего образования. Значительное количество молодых людей, окончивших среднюю школу, нуждалось в дополнительной подготовке для успешной сдачи экзаменов в вузы. С целью помочь молодёжи государством в 1943/1944 учебном году были организованы подготовительные курсы при вузах для поступающих с отрывом и без отрыва от производства. Продолжительность курсов зависела от профиля вуза: в технических обучение велось 10 месяцев, в медицинских и сельскохозяйственных – 6, а в педагогических и университетах – от 3 до 5 месяцев. Во всех вузах области были организованы подготовительные курсы. Так, в Ворошиловградском педагогическом институте к началу 1945 г. подготовительное обучение проходили 250 человек [27, л. 30]. В Старобельском учительском институте приняли на обучение 90 человек, из которых 33% составляли слушатели, окончившие лишь 8 классов. На такие меры руководство вузашло осознано, понимая, что они будут испытывать трудности в усвоении образовательной программы вуза, но необходимо было выполнять план приёма. Нехватка преподавателей вынуждала привлекать к проведению занятий по химии, биологии, физике, географии учителей средних школ с высшим образованием [27, л. 75]. В Ворошиловградском сельскохозяйственном институте на довузовское обучение были зачислены 40 человек слушателей, окончивших 9 и 10 классов, которым выплачивали государственную стипендию [25, л. 122].

Развёртывание сети подготовительных курсов в дальнейшем способствовало расширению и укреплению контингента вузов области, однако в 1944/1945 учебном году планы приёма по большинству вузов не были выполнены.

Неоднозначно сказывалась на условиях учебной деятельности и неоднородность студенческих коллективов. Тут были люди разного возраста, с разным жизненным опытом и положением. Рядом с юношами, которые только окончили среднюю школу, обучались вчерашние рабочие и колхозники, офицеры и солдаты, инвалиды Великой Отечественной войны. Кроме того, для вузов Ворошиловградщины того периода характерен незначительный удельный вес старшекурсников (3–4 курсы) – 18% всех студентов. Это вызывало определённые трудности в учебно-воспитательном процессе, так как среди студентов младших курсов необходимо было проводить значительную работу по укреплению трудовой

дисциплины и повышению общего уровня их знаний [3, с. 370].

Значительные трудности испытывали студенты в овладении знаниями: обучение приходилось совмещать с работой, к тому же негативное влияние оказывали переезды и трудности реэвакуации. Учебные программы претерпевали изменения, так как их приспособливали к характеру студенческого коллектива. В связи с острой нехваткой учебников получила распространение коллективная подготовка студентов к занятиям и итоговому оцениванию. Выполнять задания приходилось нередко ночью, поскольку днём студенты были задействованы на строительных работах. В этих условиях преподавателям приходилось прилагать титанические усилия, чтобы донести учебный материал слушателям. Так, средняя нагрузка в день на одного преподавателя составляла от 12 до 16 часов [29, с. 51].

Неудовлетворительное материально-техническое обеспечение и нехватка профессорско-преподавательского состава негативно сказывались на качестве учебного процесса. В 1943/1944 учебном году во всех вузах области учебные планы не были выполнены, а в Ворошиловградском педагогическом институте невыполнение за первый семестр составило 36%. Во втором семестре преподавательский состав значительно пополнился реэвакуированными преподавателями, и ситуация немного стабилизировалась.

Тяжелые условия обучения негативно сказывались и на качестве знаний студентов, особенно младших курсов. Так, после летней сессии 1944/1945 учебного года в Старобельском учительском институте успеваемость студентов 1 курса составила лишь 64% [27, л. 66]. Не лучше с складывалась ситуация в Ворошиловградском педагогическом институте. По результатам зимней экзаменационной сессии успеваемость студентов 1 курса по физико-математическому факультету составила 88%, а по естественному факультету лишь 79% [17, л. 15]. В 1943/1944 учебном году летняя экзаменационная сессия в Ворошиловградских педагогических и учительских институтах показала следующую успеваемость: 21% студентов не сдали до трех и более дисциплин. Значительное количество первокурсников имели проблемы с изучением иностранного языка (превалировал немецкий язык) на младших курсах, что объяснялось слабым уровнем подготовки в средних школах. Поэтому преподавателям приходилось много работать по выравниванию знаний студентов и доведению их уровня до программы вуза. Крайне низкий уровень знаний продемонстрировали обучающиеся этих вузов при сдаче в августе 1944 г. государственных экзаменов. Так, 39% процентов не прошли итоговую аттестацию [19, л. 1, 1 об.]. Наивысший показатель успеваемости студентов

1 курса по области демонстрировал Ворошиловградский сельскохозяйственный институт – 91,5% по результатам зимней экзаменационной сессии 1943/1944 учебного года [14, л. 3].

Руководство институтов объясняло сложившуюся ситуацию отсутствием надлежащих бытовых (общежитие, столовая) и учебных условий, наглядных пособий, оборудованных учебных кабинетов, слабой помощью студентам со стороны кафедр в изучении материала, недостаточным качеством преподавания.

Подытоживая вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что Великая Отечественная война стала настоящим испытанием для высшей школы Ворошиловградчины. После освобождения Ворошиловградской области от немецкофашистских захватчиков остро встал вопрос обеспечения предприятий и учреждений квалифицированными кадрами, поэтому уже в 1943–1944 гг. высшие учебные заведения области были реэвакуированы и приступили к налаживанию учебного процесса. Государством принимаются документы, направленные на повышение качества подготовки специалистов, укрепление дисциплины, упорядочение взаимодействия преподавателей и обучающихся, прекращение практики соцсоревнований в рамках учебной работы. Это содействовало возобновлению во всех вузах области с октября 1944 г. учебного процесса в стандартном формате, который осложнялся низкими темпами восстановления материально-технической базы, задействованностью студентов на производстве, мобилизацией студентов и преподавателей местными органами власти на различные работы, трансформацией учебных планов.

Мероприятия по реэвакуации и возобновлению учебно-воспитательного процесса ложились на плечи профессорско-преподавательского состава, для которого была характерна неукомплектованность и низкий уровень качественного состава. Это приводило к увеличению нагрузки на одного преподавателя, невыполнению учебных планов, снижению качества знаний студентов (особенно первокурсников). Для выполнения планов набора и сохранению состава студентов органами власти были предприняты мероприятия, направленные на освобождение от платы за обучение, увеличения размера стипендии, расширения льготных категорий поступающих. В результате с 1944 г. начинается постепенное увеличение контингента студентов, который характеризовался преобладанием младших курсов (82%), доминированием женщин (97%) и неоднородным составом.

Список литературы

1. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны / под ред. Ф. Б. Комала. М. : Высш. школа, 1980. 232 с.

2. Высшая школа СССР за 50 лет. [1917–1967] / под ред. проф. В. П. Елютина. М. : Высш. школа, 1967. 272 с.
3. Вища школа Української РСР за 50 років: у 2 ч. (1917–1967 рр.). Київ : Вид-во Київ. ун-ту, 1967. Ч. 1. 395 с.
4. Клімов А. О. Історичні краєзнавчі розвідки: монографічний нарис. Луганськ : ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2008. 304 с.
5. Добров П. В. Система освіти в Донбасі у роки Великої Вітчизняної війни : монографія. Донецьк : Норд-Прес, 2006. 274 с.
6. Кравчук І. М. Розвиток вищої освіти в Донбасі у ХХ столітті : автореф. дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2008. 22 с.
7. История городов и сел Украинской ССР : в 26 т. Киев : Ин-т истории АН УССР ; Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974–1983. Т. 4: Ворошиловградская область, 1976. 726 с.
8. Архивная служба Луганской Народной Республики (АС ЛНР). Ф. Р–842 (Ворошиловградский сельскохозяйственный институт). Оп. 1. Д. 42.
9. О мерах усиления самостоятельной работы в 1943–1944 учебном году // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1943. № 9. С. 3–4.
10. Постановление СНК СССР от 13.04.1944 № 413 «О военной подготовке студентов высших учебных заведений» // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26759#hv95cXUuC0U8cdwr> (дата обращения: 21.12.2024).
11. АС ЛНР. Ф. Р–2250 Рубежанский химико-технологический институт. Оп. 1. Д. 2.
12. АС ЛНР. Ф. Р–2250. Оп. 1. Д. 8.
13. АС ЛНР. Ф. Р–416 (Ворошиловградский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко). Оп. 2. Д. 2.
14. АС ЛНР. Ф. Р–842. Оп. 1. Д. 40.
15. АС ЛНР. Ф. П–5 (Луганский городской комитет Коммунистической партии Украины). Оп. 3. Д. 74.
16. Постановление СНК СССР от 19.10.1943 № 1145 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4463.htm (дата обращения: 10.12.2024).
17. АС ЛНР. Ф. П–179 (Ворошиловградский областной комитет КП(б)У). Оп. 3. Д. 247.
18. АС ЛНР. Ф. Р–2519 (Луганское областное управление статистики). Оп. 10. Д. 21.
19. АС ЛНР. Ф. П–179. Оп. 3. Д. 246.
20. Архив Луганского государственного педагогического университета. Ф. 1 (Старобельский учительский институт 1941–1957 гг.). Оп. 1. Д. 815.
21. Борщевская Н. Накануне учебного года в пединституте // Ворошиловградская правда. 1943. 26 сентября. № 156. С. 4.
22. О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/404656> (дата обращения: 07.06.2024).
23. АС ЛНР. Ф. Р–2519. Оп. 10. Д. 13.
24. Об отпусках для поступающих в вузы и техникумы // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/254531> (дата обращения: 07.06.2024).
25. АС ЛНР. Ф. Р–842. Оп. 1. Д. 45.
26. Яковлев П. Кузня сільськогосподарських кадрів // Прапор перемоги. 1971. 26 жовтня. № 209. С. 3.
27. АС ЛНР. Ф. П–179. Оп. 3. Д. 385.
28. Замлинська О. В. Культурне життя в Україні у 1943–1945 роках : дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1995. 219 с.
29. Веселов Г. П. Подготовка кадров интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Из истории советской интеллигенции : [сборник статей] / гл. ред. М. П. Ким. М. : Мысль, 1966. 223 с.

Поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 20.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 336–343
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 336–343
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-336-343>, EDN: HQITKG

Научная статья
УДК [338.43:338.244.4](476)|1953/1964|

Реформирование региональной системы управления сельским хозяйством БССР: повороты «великого десятилетия» Н. С. Хрущева

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь, 246029, г. Гомель, пр. Октября, д. 48

Елизаров Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета, sergeyelizarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7015-3702>, AuthorID: 970816

Аннотация. Рассмотрены основные направления (децентрализация и централизация) и конкретные формы реорганизаций органов управления сельским хозяйством как элемента новой государственно аграрной политики в 1953–1964 гг., их практическая реализация в Белорусской ССР. Отмечается, что наиболее существенные изменения происходили на уровне районов как ближайших к непосредственным субъектам хозяйствования.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, органы управления, Белорусская ССР, централизация, децентрализация

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственной программы научных исследований Республики Беларусь «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (подпрограмма «История»; тема 12.1.3.11).

Для цитирования: Елизаров С. А. Реформирование региональной системы управления сельским хозяйством БССР: повороты «великого десятилетия» Н. С. Хрущева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 336–343. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-336-343>, EDN: HQITKG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reforming the regional agricultural management system of the BSSR: The turns of the N. S. Khrushchev “great decade”

S. A. Elizarov

Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastrycnika Avenue, Homieĺ 246029, Belarus

Sergey A. Elizarov, sergeyelizarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7015-3702>, AuthorID: 970816

Abstract. The main directions (decentralization and centralization) and specific forms of reorganization of agricultural management bodies as an element of the new state agrarian policy in 1953–1964, their practical implementation in the Byelorussian SSR are considered. It is noted that the most significant changes occurred at the district level as the closest to the direct business entities.

Keywords: agriculture, agrarian policy, governing bodies, Byelorussian SSR, centralization, decentralization

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the state scientific research programme “Society and humanitarian security of the Belarusian state” for 2021–2025 (subprogramme “History”; topic 12.1.3.11).

For citation: Elizarov S. A. Reforming the regional agricultural management system of the BSSR: The turns of the N. S. Khrushchev “great decade”. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 336–343 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-336-343>, EDN: HQITKG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Период советской истории, когда во главе монопольно правящей коммунистической партии находился Н. С. Хрущев (1953–1964 гг.), вызывал неизменный интерес историков. Насыщенный многочисленными новациями во всех сферах жизни советского человека, он вновь оживил забюрократизированный в прежние годы искрен-

ний подъем энтузиазма населения (и прежде всего молодого поколения) и веру в возможность быстрого перехода к коммунистическому идеалу на практике. Одним из примечательных проявлений неуемного хрущевского реформаторства стали многочисленные перестройки аппарата управления, в том числе и в аграрной сфере.

В советской историографии периода «развитого социализма» в соответствии с требованиями

партийности при рассмотрении аграрной политики 1953–1964 гг. главное внимание авторы обращали на доказательство ее преемственности и правильности курса, проводившегося партийно-советским руководством после 1964 г. В соответствии с партийными установками кризисные явления в сельском хозяйстве СССР объяснялись главным образом субъективным фактором – «субъективизмом и волонтаризмом» Н. С. Хрущева. Позитивные же явления деперсонифицировалось – из текстов работ практически исчезает фамилия Н. С. Хрущева, которая заменяется на безличное «руководство КПСС» [1–3].

В современной историографии основная роль в исследовании советской аграрной политики 1953–1964 гг. принадлежит российским авторам. Для них в целом характерно признание наличия в действиях власти и лично Н. С. Хрущева реформаторского потенциала новаций в аграрной отрасли, однако в итоговой оценке аграрных преобразований этого периода существуют разные мнения – от признания их неудачными (при наличии успехов на отдельных направлениях) до утверждения, что они открыли перед сельским хозяйством новые возможности и определили на последующие десятилетия новый вектор всей аграрной политики в СССР. Общим является утверждение о непоследовательности и незавершенности реформ, их «маятникового» движения к частичной либерализации и обратно к ужесточению политики централизации.

В центре внимания российских и англоязычных исследователей находятся преимущественно проблемы авторства реформирования аграрного сектора (Г. М. Маленков или Н. С. Хрущев), вопросы развития материально-технической базы сельского хозяйства, проведения различного рода хозяйственных кампаний (целинная, кукурузная, мясо-молочная), ограничения личного подсобного хозяйства, изменения налогового обложения деревни, расширения материального стимулирования труда в сельском хозяйстве, создание агрогородков, демографические последствия аграрной политики. Организационно-управленческие реорганизации ограничиваются главным образом изучением вопросов укрупнения колхозов, преобразования колхозов в совхозы, реорганизации МТС, в некоторых случаях – создания производственных управлений в 1962 г. как своеобразного «пика» хрущевских реформ управления экономикой и рубежа сворачивания сентябрьских (1953 г.) реформ [4–10].

В современной белорусской историографии ситуация аналогична российской (за исключением малого интереса белорусских исследователей в целом к указанной проблеме и, соответственно, незначительного числа публикаций, посвященных аграрной политике «великого десятилетия» Н. С. Хрущева на территории БССР) [11–13]. И здесь проблема реорганизаций системы управ-

ления сельским хозяйством практически не рассматривается.

В представленной статье автор предпринял попытку выделить основные повороты в разработке и корректировке государственной политики по реорганизации местных органов управления сельским хозяйством в 1953–1964 гг., а также показать практику ее реализации в Белорусской ССР. Использованы как опубликованные документы, так и материалы, выявленные автором в фондах Национального архива Республики Беларусь.

Представленный материал будет полезен для проведения сравнительных исследований по отдельным республикам и регионам ССР, выявления общего и специфичного в трансформациях на локальных уровнях советской управленческой системы.

Основная часть

Поворот первый: МТС

Пришедшее к власти в 1953 г. после смерти И. В. Сталина новое «старое» руководство во главе с Н. С. Хрущевым традиционно в качестве средства для осуществления очередного «решающего рывка» в развитии советского общества решило еще раз провести реорганизацию системы управления социально-экономическими процессами. Уже сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС утвердил программу развития сельского хозяйства, предполагавшую среди прочего и перестройку системы управления сельским хозяйством [14, с. 336–341]. Аналогичное и по духу, и по содержанию постановление принял в октябре 1953 г. и Пленум ЦК КП Белоруссии [15, с. 505–510].

Конкретные шаги по перестройке системы управления сельским хозяйством в решениях этих пленумов не определялись – дело ограничилось постановкой общей задачи – «значительно сократить» управленческий персонал Министерства сельского хозяйства и заготовок ССР/БССР и штаты их местных органов.

К этому времени система управления сельскохозяйственным производством в Белорусской ССР включала Министерство сельского хозяйства и заготовок БССР, которому подчинялись областные и районные управления сельского хозяйства и заготовок. На нижнем этаже вертикали управления находились колхозы и совхозы.

Первоначально постановлением Совета Министров ССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по улучшению работы машинно-тракторных станций» весь агрономический, зоотехнический и ветеринарный персонал из районных управлений сельского хозяйства и заготовок переводился в МТС и специализированные станции. Указания и распоряжения главного агронома МТС по вопросам агротехники и качества

сельскохозяйственных работ становились обязательными для исполнения и могли быть отменены только областными, краевыми управлениями и республиканскими министерствами сельского хозяйства и заготовок [16, с. 96–120].

Дальнейшие практические меры по реорганизации системы управления в центре и на местах определялись постановлением Совета Министров СССР от 7 декабря 1953 г. «О структуре Министерства сельского хозяйства СССР». Соответственное решение 21 января 1954 г. принял и Совет Министров БССР. Районные управление сельского хозяйства и заготовок в БССР упразднялись, за районными властями оставались лишь функции планирования и учета сельскохозяйственного производства, а также землеустройства в районах. Для этого в штате каждого райисполкома устанавливались должности старшего экономиста по планированию сельского хозяйства, экономиста по учету и старшего землеустроителя, в отдельных случаях – старшего инженера-гидротехника (мелиоратора) [17, л. 111].

Фактически все остальные функции по руководству сельскохозяйственным производством в районных границах возлагались на МТС. Председатель правительства БССР К. Т. Мазуров, объясняя необходимость такой управленческой реорганизации, утверждал в феврале 1954 г. на совещании председателей райисполкомов БССР, что «районные управления сельского хозяйства... себя изжили», а оснащение сельского хозяйства новой техникой даст возможность, с одной стороны, превратить МТС в «прокатный пункт», а с другой – «в основные государственные организации по руководству производственной деятельностью в колхозах, т. е. по руководству сельского хозяйства» [18, л. 287].

Открыто выступить с критикой решения высшего партийного руководства на этом совещании его участники не решились, однако некоторые председатели райисполкомов указали на возможные его негативные последствия. Во-первых, направление на работу в МТС, колхозы и совхозы специалистов сельского хозяйства в условиях их острого дефицита существенным образом ослабляло качественно сами районные структуры. Во-вторых, ликвидация районных управлений приводила к децентрализации руководства сельским хозяйством в районах при сохранении ответственности райисполкомов за состояние дел в этой отрасли.

На все эти сомнения и предложения К. Т. Мазуров отвечал в привычном стиле дисципнированного исполнителя решений высшего союзного партийно-советского руководства: «Не будем дальше возвращаться к созданию управлений сельского хозяйства в районах... Методы работы созданы партией». На этом дискуссия, фактически и не начавшись, была завершена [18, л. 179–181, 229, 287–289].

В результате проведенной управленческой реорганизации до 1958 г. функции руководства сельским хозяйством в районах выполняли МТС. На январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС прямо указывалось: «МТС несут всю полноту ответственности за выполнение колхозами планов по увеличению производства и заготовок зерна, мяса, молока, шерсти и других продуктов растениеводства и животноводства» [14, с. 488].

Одновременно решениями марта (1955 г.) Пленума ЦК КПСС были внесены важные корректировки в систему планирования сельскохозяйственного производства: колхозы (естественно, с участием МТС), исходя из заданий по сдаче государству продукции полеводства и животноводства и обеспечения потребностей колхозов и колхозников в этой продукции, по своему усмотрению определяют размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и количество скота по видам. Само планирование должно было начинаться снизу, непосредственно в колхозах, затем переходить на более высокие уровни – район, область, республика, СССР [14, с. 494–496].

Таким образом, в 1953–1958 гг. система управления сельскохозяйственным производством на районном (самом близком к субъектам хозяйствования – колхозам и совхозам) уровне оказалась существенным образом децентрализована: функции управления распределялись между МТС, в практической работе которых они играли лишь малозначимую роль, и райисполкомами, где их выполняли работники, лишенные прежних полномочий районных управлений сельского хозяйства. В совокупности с новыми правилами планирования сельскохозяйственного производства такая управленческая реорганизация реально расширяла сферу самостоятельности руководителей колхозов, их возможности рационализации производственного процесса исходя из местных условий, наличия кадрового и материально-технического потенциала.

Поворот второй: районные инспекции по сельскому хозяйству

Вопрос о структуре местных органов управления сельским хозяйством вновь возник в 1958 г.: постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машино-тракторных станций» МТС реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС), лишенные по отношению к колхозам каких-либо управленческих и контролирующих функций [19]. В результате этой очередной реорганизации, с одной стороны, все насущные текущие вопросы теперь колхозы обязаны были решать непосредственно с областными сельскохозяйственными управлениями. С другой стороны, при сохранении планово-директивной

системы хозяйствования областные управление должны были уже напрямую контролировать каждый колхоз по выполнению плановых заданий.

В высшем партийно-советском руководстве усиливается интерес к идее возвращения промежуточного между колхозами и областным руководством специального районного органа сельскохозяйственного управления. Такой шаг был предпринят этим же постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР – в составе райисполкомов создавались районные инспекции по сельскому хозяйству. Эти инспекции должны были заниматься пропагандой и внедрением передового опыта и достижений науки в сельскохозяйственное производство, организацией семеноводства и племенного дела, ветеринарной службой, оказанием помощи колхозам в налаживании бухгалтерского учета и разработке годовых и квартальных отчетов колхозов и т. д. [19].

В свою очередь постановлением Совета Министров Белорусской ССР от 21 мая 1958 г. утверждались типовые штаты районной инспекции и определялись основные задачи инспекции, в значительной мере скорректированные и расширенные в сравнении с союзным постановлением. Так, в белорусском варианте Положения о районной инспекции по сельскому хозяйству среди задач выступали контроль за выполнением плана заготовок сельскохозяйственных продуктов колхозами и совхозами района, а также регулярное проведение ревизий финансово-хозяйственной деятельности правлений колхозов. В результате в Белорусской ССР районные инспекции получали некоторые вполне реальные возможности влияния на работу сельскохозяйственных субъектов [20].

О высоком статусе районной инспекции по сельскому хозяйству говорит то, что возглавлять их поручалось заместителю председателя райисполкома, имевшему высшее сельскохозяйственное образование и опыт практической работы.

В целом представляется, что создание районных инспекций по сельскому хозяйству являлось прежде всего проявлением прежней бюрократической традиции, приверженности старым управленческим практикам. В меньшей степени это был сознательный шаг, направленный на предупреждение прогнозируемых в ближайшем будущем негативных последствий от снижения степени управляемости сельскохозяйственным производством на районном уровне.

Поворот третий: опытно-показательные хозяйства

В 1961 г. происходит очередная управленческая перестройка с новым уклоном в сторону децентрализации. В начале 1961 г. ряд значимых сфер ответственности передается от Ми-

нистерств сельского хозяйства СССР и БССР новым управленческим структурам. Во-первых, в феврале 1961 г. образуется Всесоюзное объединение Совета Министров СССР по продаже сельскохозяйственной техники, запасных частей, минеральных удобрений и других материально-технических средств, организации ремонта и использования машин в колхозах и совхозах – «Сельхозтехника» (в БССР с марта 1961 г. – «Белсельхозтехника»). Во-вторых, создается Госкомитет Совета Министров СССР по заготовкам (в БССР с апреля 1961 г. – Министерство заготовок БССР). В-третьих, в высшем партийно-советском руководстве СССР укрепилось представление о том, что «давно уже отпали и функции оперативного контроля за проведением текущих сельскохозяйственных работ... нет необходимости давать из союзного министерства указания всем районам страны о проведении сева, уборки урожая и других сельскохозяйственных работ» [21].

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1961 г. «О реорганизации Министерства сельского хозяйства СССР» [21] задачи министерства определялись в духе прорывных идей научно-технического прогресса и расширения хозяйственной самостоятельности субъектов хозяйствования. Сфера ответственности Министерства ограничивалась главным образом развитием сельскохозяйственной науки и образования, широким внедрением в производство достижений науки и передового опыта. Это было выражением новой парадигмы в мышлении высшего партийно-советского руководства – понимание необходимости кардинального пересмотра роли науки в развитии производства и учета основных тенденций экономического развития передовых стран Запада.

При сохранении прежней вертикали руководства сельским хозяйством (Министерство сельского хозяйства СССР – Министерства сельского хозяйства союзных республик – областные управление сельского хозяйства) значительные перемены произошли на районном уровне. Районные инспекции ликвидировались, вместо них в каждом районе создавались опытно-показательные хозяйства (ОПХ), которые должны были функционировать на базе передовых совхозов и колхозов. Специалисты и ученые, работавшие в этих хозяйствах, обязывались «не только накапливать собственный опыт, но и обобщать опыт других колхозов и совхозов и активно внедрять его в хозяйства своей зоны с тем, чтобы обеспечить ведение хозяйства на более высоком уровне науки и практики». Научно-методическое руководство работой опытных хозяйств осуществляло областное управление сельского хозяйства, его планирование – райисполкомы.

В БССР перестройка системы управления сельским хозяйством проводилась согласно постановлению Совета Министров БССР от 30 мар-

та 1961 г. «Вопросы Министерства сельского хозяйства БССР», дублировавшему решение союзного правительства [22].

К сентябрю 1961 г. на базе учебно-опытных и экспериментальных хозяйств сельскохозяйственных научно-исследовательских и учебных заведений, на базе совхозов и колхозов в районах БССР было создано 131 опытно-показательное хозяйство, которые занимали 11,4% к общей посевной площади. Дело было совершенно новым, вызывало много вопросов и породило много проблем. Министерство и областные управлении сельского хозяйства лишь формально связывали свою работу по планированию с работой НИИ и ОПХ. Многие ОПХ создавались на базе экономически слабых, отстающих совхозов и колхозов. Естественно, что руководители колхозов и совхозов не хотели отдавать в ОПХ свои квалифицированные и столь дефицитные кадры специалистов, в результате туда направлялись главным образом работники, не имевшие необходимого опыта работы и не обладавшие организаторскими способностями [18, л. 24–32].

Одновременно эта очередная реорганизация низового управления сельским хозяйством усилила противоречие между задачами, которые при сохранении планово-директивной экономики возлагались на райисполкомы по руководству сельским хозяйством, и их административными и организационными возможностями. С одной стороны, требовалось превратить райисполком «из аппарата административного управления сельским хозяйством, каким он был многие годы, в организаторский центр по внедрению в производство достижений науки и передового опыта», с другой – он должен был обеспечить выполнение планов госзакупок, расширение посевных площадей и т. п. Эта двойственность вполне естественно вызывала различного рода конфликты между районным и колхозным руководством, порождала различные модели поведения управлеченческих работников райисполкомов – от фактического отстранения от проблем сельскохозяйственного производства до прямого вмешательства в непосредственную деятельность колхозов.

Поворот четвертый: производственные управление

Несмотря на значительные успехи в развитии советского сельского хозяйства во второй половине 1950-х гг. (рост производства зерна за 1953–1960 гг. на 61%, продукции животноводства – в 1,5 раза), темпы роста производства сельскохозяйственной продукции не удовлетворяли Н. С. Хрущева и его окружение. Многие задания семилетки не выполнялись, все менее реальной выглядела перспектива реализации амбициозной задачи «догнать США по объемам

производства мяса и молока». Решение возникших проблем связывались руководством страны во главе с Н. С. Хрущевым, с одной стороны, с увеличением капиталовложений в сельское хозяйство, а с другой – с необходимостью значительного роста эффективности их использования, что предполагало в первую очередь повышение качества подготовки и инициативности руководителей сельскохозяйственного производства, а также проведение очередных управленческих перестроек [14, с. 14–21].

Логика мышления была не нова – «постсталинское» партийно-советское руководство по-прежнему и мыслило, и действовало по сложившимся еще в 1930-е гг. трафаретам, абсолютизируя роль субъективного фактора в решении экономических проблем. Совершенно откровенно об этом говорилось в постановлении февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС: «У нас нет объективных причин для того, чтобы рядом с экономически крепкими хозяйствами находились отстающие колхозы и совхозы. Все дело в уровне руководства, в подборе, обучении и воспитании кадров» [14, с. 412].

Известная «совнархозовская» реформа 1957 г. затронула только сферы промышленности и строительства. Автоматически перенести «совнархозовский» территориальный принцип управления на сельское хозяйство виделось проблематичным в связи со специфическими особенностями сельскохозяйственного производства. Тем не менее от самой такой возможности не отказывались, вопрос был только в определении подходящего для сельского хозяйства варианта.

В марте 1962 г. вопросы развития сельского хозяйства рассматривались на Пленуме ЦК КПСС. И в выступлении на Пленуме Н. С. Хрущева, и в последовавших постановлении Пленума ЦК КПСС, совместном постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР (март 1962 г.) прямо признавалась неудача всех предыдущих (с 1953 г.) децентрализаторских реорганизаций органов управления сельским хозяйством (от союзного до районного уровня): «У нас, по существу, нет органа, который бы по-настоящемуправлял сельским хозяйством...» [14, с. 223–224]. После многих лет различных управленческих экспериментов возвратились к пониманию необходимости и неизбежности в условиях планово-директивной экономики иметь органы управления сельским хозяйством комплексного характера, которые бы отвечали за все важнейшие для обеспечения страны продовольствием стороны сельскохозяйственного производства – планирование, производство и заготовку сельскохозяйственной продукции.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 марта 1962 г. о перестройке управления сельским хозяйством

во всех республиках СССР весной 1962 г. создавались территориальные производственные колхозно-совхозные управлений (ТПКСУ) [23]. Эти управлении должны были заняться планированием и контролем за состоянием производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, активно воздействовать на организацию производства в каждом колхозе и совхозе и отвечать за обеспечение страны продуктами сельского хозяйства. Их создание рассматривалось партийно-государственным руководством как основной и действенный рычаг в деле коренного улучшения руководства сельским хозяйством.

Организация новых органов управления сельским хозяйством покоилась, по существу, на том же принципе, что и организация совнархозов. «Производственные управления – отмечал Н. С. Хрущев, – если проводить аналогию с промышленностью, должны быть своего рода советом народного хозяйства – совнархозом для определенной группы хозяйств» [24, с. 21].

Перестройка управления сельским хозяйством потребовала своеобразного сельскохозяйственного районирования внутри республик, областей и краев с выделением территорий, сходных по природным и экономическим признакам, сельскохозяйственной специализации, обладавших прочными производственными связями между различными административными районами, развитой системой средств связи и путей сообщения. Таким образом предполагалось организационно оформить реально существовавшие сельскохозяйственные территориальные образования, усилить хозяйственное единство каждого внутриобластного сельскохозяйственного района.

3 апреля 1962 г. ЦК КПБ и Совет Министров Белорусской ССР приняли постановление «О перестройке управления сельским хозяйством Белорусской ССР», в соответствии с которым в республике создавались 60 территориальных производственных колхозно-совхозных управлений со штатом в 2190 единиц [25]. В принятом в БССР в мае 1962 г. «Положении о территориальном производственном колхозно-совхозном управлении» определялись принципы их организации: ТПКСУ создавались на несколько районов в зависимости от количества колхозов и совхозов, объема производства и закупаемой продукции, а также с учетом других экономических и территориальных особенностей районов [26, л. 68].

ТПКСУ получали широкие полномочия: руководство организацией производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов и обеспечение выполнения планов производства и государственных закупок каждым колхозом и совхозом; планирование, учет и отчетность по производству и заготовкам сельхозпродуктов, рассмотрение производственно-финансовых планов и годовых отчетов колхозов и совхозов; разработка и внедрение рациональной системы земледелия;

проведение мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов; укрепление колхозов и совхозов кадрами и т. д.

Уже в первое время функционирования ТПКСУ возникли проблемы во взаимоотношениях между ТПКСУ и районными органами управления: кто кому подчиняется, кто должен руководить производственными и какова ответственность этих управлений за состояние колхозного и совхозного производства. По об разному утверждению Н. С. Хрущева, в одном случае некоторые работники «поклонились производственному управлению и райкому ответили тем же поклоном», в другом – предлагали подчинить ТПКСУ райисполкомам. На эти вопросы Н. С. Хрущев ответил достаточно определенно: «производственное управление, независимо от того – обслуживает оно один или несколько районов, – не является органом районных организаций... Производственное управление никому не подчиняется в районе, ни перед кем не отчитывается, кроме вышестоящих органов – областных, краевых, республиканских партийных и советских органов. Ни райкомы партии, ни райисполкомы не должны вмешиваться в работу производственных управлений. Это надо, как говорится, зарубить на носу» [24, с. 12, 14–15]. Тем не менее на практике разграничить ответственность за состояние дел в сельском хозяйстве не удавалось – спрашивали и с ТПКСУ, и с райкомов, и с райисполкомов.

Кроме того, обладавшие большими административно-хозяйственными полномочиями ТПКСУ по существу отняли значительную часть полномочий у районных Советов и их исполнкомов, которые стали контролировать преимущественно лишь социальные аспекты развития регионов. Административный район как единое целое на практике перестал существовать, оказавшись разорванным на две части по производственному принципу: административные районы с преобладанием социальных функций, и ТПКСУ с преобладанием хозяйственных функций. Такое «двоевластие» очень быстро создало неизбежную управленческую неразбериху.

В связи с этим в БССР районное партийно-советское руководство сразу же стало ставить перед республиканскими органами власти и управления вопрос законодательного урегулирования вопроса взаимоотношений районных и сельских Советов с ТПКСУ в деле организации культурно-бытового обслуживания населения, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и др. [18, л. 132].

Мартовская (1962 г.) реорганизация системы управления сельским хозяйством также создавала разрыв между административно-территориальным делением и территориальной структурой управления сельским хозяйством. Для его преодоления в ноябре 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС

было решено «иметь производственные колхозно-совхозные управление, образуемые на основе укрупнения ныне существующих сельских районов...» [14, с. 293].

Это решение вполне вписывалось в логику хрущевских реформ: соединить экономическое и административное районирование. В эти годы как раз был востребован опыт 1920-х гг., когда проблема единства двух видов районирования получила не только серьезное теоретическое обоснование, но и широкое практическое воплощение. В 1950 – начале 1960-х гг. идея совмещения административно-территориального и экономического районирования стала вновь актуальной и требовала приспособления административно-территориального устройства к тем формам территориальной организации народного хозяйства, которые появлялись в стране. Если на уровне совнархозов решение такой задачи в тех условиях не представлялось реальным, то на уровне сельскохозяйственных производственных управлений это казалось вполне возможным.

Укрупнение районов до уровня производственных колхозно-совхозных управления (ПКСУ – так с ноября 1962 г. стали именоваться ТПКСУ) стало партийно-государственной директивой, принятой на местах к исполнению.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 декабря 1962 г. такая реорганизация районной системы была официально оформлена [27, с. 281–287]. Вместо существовавших 123 районов в БССР осталось 77, что соответствовало количеству производственных колхозно-совхозных управлений.

И после этого ПКСУ оставались вне структур райисполкомов, в прямом подчинении управлению производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов сельских облисполкомов с сохранением прежних функций и сфер ответственности [28].

Однако и эта ноябрьская (1962 г.) управленческая реорганизация не устраивала Н. С. Хрущева, который в 1964 г., в противовес своим представлениям 1950-х гг., уже «главной причиной многих недостатков» в развитии сельского хозяйства считал то, что развитие колхозов и совхозов «представлено самотеку», возлагая ответственность за отсутствие положительной динамики развития сельского хозяйства на ПКСУ и ставя вопрос об их ликвидации. Предлагалась новая реорганизация – все колхозы и совхозы сгруппировать по их преимущественной продукции (молоко, яйцо, свинина и т. п.), подчинив их напрямую специализированным областным органам, а те, в свою очередь, девяти союзно-республиканским управлениям или комитетам [7, с. 462]. Системе управления сельским хозяйством предстояли новые испытания, которые не случились (зная настойчивость в своих проек-

тах Н. С. Хрущева) только в связи с отстранением Н. С. Хрущева от власти.

Заключение

Таким образом, период 1953–1964 гг. характеризуется постоянными трансформациями системы управления сельским хозяйством, попытками найти наиболее эффективный механизм реализации материально-финансового и кадрового потенциала советского сельского хозяйства. Во многом это было связано с личностью Н. С. Хрущева, безоговорочно уверенного в преимуществах социалистической модели развития общества в целом, а также колхозной системы организации социалистического сельскохозяйственного производства в частности. Эти взгляды господствовали и в рядах партийно-советской и хозяйственной номенклатуры.

В системе управления сельским хозяйством в первые годы руководства страной Н. С. Хрущевым просматривается тенденция расширения самостоятельности субъектов хозяйствования (колхозов и совхозов) и ограничение вмешательства органов госуправления непосредственно в процесс производства. На уровне министерств и облисполкомов реорганизации носили преимущественно бюрократическо-инструментальный технический характер – функции управления сельским хозяйством то распределялись между самостоятельными управлеченческими структурами, то вновь объединялись в одном органе.

Значительно более существенные изменения происходили на самом близком к непосредственным субъектам хозяйствования уровне – районном. Ликвидация районных управлений сельского хозяйства была первым шагом в ослаблении прямого влияния органов государственного управления на процесс непосредственно сельскохозяйственного производства. Успехи в развитии сельского хозяйства СССР (и БССР в том числе) во второй половине 1950-х гг., снижение сельхозналога, рост капиталовложений в сельское хозяйство, повышение государственных заготовительных цен, увеличение производства сельскохозяйственной техники и ряд других мер утверждали в верности взятого курса. Однако с 1958 г. усиливается обратная тенденция – создание районных инспекций сельского хозяйства свидетельствовало о начале перехода к уже привычным управлеченческим практикам. Радикальная попытка возвращения к курсу на децентрализацию в 1961 г. (управление через опытно-показательные хозяйства) быстро была прекращена – нарастание проблем в советском сельском хозяйстве стали уже связывать именно с этой децентрализацией и отсутствием на районном уровне специального органа управления сельскохозяйственным производством. Появление ТПКСУ, наделенных широкими полномочиями в отношении колхозов и совхозов, стало

фактическим признанием неудач предыдущих районных управленческих реорганизаций и возвращением к несколько модернизированным, но по существу прежним практикам руководства и контроля сельскохозяйственным производством.

Реорганизация органов управления сельским хозяйством в 1953–1964 гг. была лишь частью реализации общей политической линии на расширение сфер самостоятельности органов управления. Однако пределы этой самостоятельности определялись интересами и механизмом функционирования существовавшей директивно-плановой системы. В тех условиях попытки перестройки системы органов управления сельским хозяйством на районном уровне были явным «забеганием вперед», а для их успеха требовалась не только политическая воля, но и иная модель социально-экономического развития. На деле же максимальное, что смогли достигнуть в деле децентрализации системы управления сельским хозяйством – это лишь на время частично перераспределить ответственность за состояние дел в сельском хозяйстве с районного уровня на колхозы, совхозы и областные органы.

Список литературы

1. Березкин Ю. И. Деятельность Советов Белоруссии по развитию сельского хозяйства (1951–1955). Минск : Наука и техника, 1981. 125 с.
2. Белязо Е. П. Крестьянство Белоруссии на пути к развитому социализму (1950–1960 гг.). Минск : Наука и техника, 1982. 206 с.
3. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 4 : Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества / отв. ред. В. И. Бугаев, И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1988. 395 с.
4. Даниелс Р. В. Взлет и падение коммунизма в России. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 510 с.
5. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2001. 304 с.
6. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М. : Энцикл. рос. деревень, 1995. 573 с.
7. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 4 : 1917–1991 гг. / отв. ред. В. В. Журавлев. М. : РОССПЭН, 2016. 671 с.
8. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : в 2 т. Т. 1 : Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск : НГТУ, 2008. 516 с.
9. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России. М. : Наука, 2000. 254 с.
10. Таубман У. Хрущев. 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 2008. 850 с.
11. Беларуская ССР в час спроб рэфармавання савецкай сіцітэмы (другая палова 1950-х – 1970-я гг.): Эканоміка ва ўмовах рэфармавання // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск : Современная школа ; Экоперспектива, 2011. 728 с. С. 235–263.
12. Сарокін А. М. На ростанях айчыннай гісторыі. Беларуская вёска: Ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гады). Мінск : [Б. в.], 1999. 298 с.
13. Смяхович М. У. Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт. Мінск : Беларус. навука, 2017. 439 с.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. Т. 10. 1961–1965 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1986. 493 с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. Т. 8. 1946–1955 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1985. 542 с.
16. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957 годы. Сборник документов : в 4 т. Т. 4 : 1953–1957 / сост. В. Н. Малинин, А. В. Коробов. М. : Госполитиздат, 1958. 864 с.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7 (Совет Министров Республики Беларусь). Оп. 4. Д. 3145.
18. НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 683.
19. Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР). 1958. № 7. Ст. 62.
20. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР (СЗ БССР). 1958. № 6. Ст. 92.
21. СП СССР. 1961. № 3. Ст. 127.
22. СЗ БССР. 1962. № 12. Ст. 79.
23. СП СССР. 1962. № 5. Ст. 38.
24. Хрущев Н. С. Всемерно укреплять производственные колхозно-совхозные управлении. М. : Госполитиздат, 1962. 48 с.
25. СЗ БССР. 1962. № 12. Ст. 79.
26. НАРБ. Ф. 4 п. (ЦК Коммунистической партии Белоруссии). Оп. 81. Д. 1661.
27. Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. 1938–1975 гг. : в 3 т. / сост. Е. Я. Бурдзевицкий, В. А. Борисенко, А. И. Маршалко. Минск : Беларусь, 1974. Т. 1. 672 с.
28. СЗ БССР 1962. № 41. Ст. 358.

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 344–350
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 344–350
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-344-350>, EDN: IJNDMV

Научная статья
УДК [631.115.6:330.567.28](47+57)|1958/1964|:311.3 (47+57)|1965|

Бюджеты семей крестьян-колхозников ССР в 1958–1964 гг. (по материалам неопубликованной статистики 1965 г.)

М. С. Чирков

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
Чирков Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии, mich.chirk@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>, Aurhor ID: 474392

Аннотация. В статье анализируются статистические данные, закрытые на многие десятилетия для обычного пользователя, по бюджетам семей крестьян-колхозников в 1958–1964 гг. Анализируя указанные материалы, можно сделать вывод, что положение колхозного крестьянства ССР значительных изменений не претерпело. Денежные доходы незначительно увеличились, в то же время сократились поступления от личных приусадебных хозяйств в результате государственной политики ограничений. Потребление различных видов сельскохозяйственной продукции тенденций к увеличению не имело. Материальное положение колхозников в 1958–1964 гг. оставалось сложным.

Ключевые слова: ССР, колхоз, колхозная семья, рубль, доходы, личное приусадебное хозяйство, сельскохозяйственная продукция

Для цитирования: Чирков М. С. Бюджеты семей крестьян-колхозников ССР в 1958–1964 гг. (по материалам неопубликованной статистики 1965 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 344–350. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-344-350>, EDN: IJNDMV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Budgets of families of collective farmers of the USSR in 1958–1964 (based on unpublished statistics from 1965)

M. S. Chirkov

Samara National Research University, 34 Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

Mikhail S. Chirkov, mich.chirk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6259-2417>, Aurhor ID: 474392

Abstract. The article analyzes statistical data, closed for many decades to the average user, on the budgets of families of peasant farmers in 1958–1964. Analyzing these materials, it can be concluded that the situation of the collective farm peasantry of the USSR has not undergone significant changes. Monetary incomes increased slightly, while income from personal household holdings decreased as a result of government policy restrictions. The consumption of various types of agricultural products had no upward trends. The financial situation of collective farmers in 1958–1964 remained difficult.

Keywords: USSR, collective farm, collective farm family, ruble, income, personal household, agricultural products

For citation: Chirkov M. S. Budgets of families of collective farmers of the USSR in 1958–1964 (based on unpublished statistics from 1965). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 344–350 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-344-350>, EDN: IJNDMV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Период «оттепели» (1953–1964 гг.) в сельском хозяйстве ССР является одним из наиболее сложных с точки зрения многочисленных изменений, реализованных партийно-государственным руководством страны. Целью реформ было скорректировать принципы функционирования аграрного сектора; дать крестьянству, пережившему непростой период позднего сталинизма, некоторые возможности улучшения

социально-экономического статуса. Положение крестьянства в период реформ 1953–1964 гг. в отечественной историографии нашло отражение в ряде работ еще в трудах советских исследователей [1–3], а затем получило развитие в работах российских историков [4–6]. Многочисленные работы по аграрной истории обобщены и подробно проанализированы [7]. Вместе с тем, в истории советского крестьянства

остается немало проблем, требующих внимания со стороны исследователей. В частности, уровень жизни сельских тружеников, их адаптивные практики ввиду новых реалий партийно-государственной аграрной политики формируют исследовательское поле на основе междисциплинарного подхода.

Важным источником по изучению повседневной жизни крестьянства являются статистические материалы, ранее не подлежащие открытой публикации. Такая информация периодически подготавливалась Центральным статистическим управлением (ЦСУ) при Совете министров СССР по запросам партийно-государственного руководства и содержала гриф секретности. Данные, содержащиеся в материалах, могли отличаться от тех, что публиковались в различных сборниках. Это объясняется тем, что руководители страны хотели иметь подлинную картину происходящего в экономике. Снятие грифа секретности с такого рода документов в постсоветской России позволяет нам существенно расширить источниковую базу исследования крестьянской жизни. Безусловно, такие материалы не могут содержать всей полноты картины. Они не являются единственным источником информации, но содержащиеся в них данные имеют высокую степень достоверности, что позволяет нам активно использовать данные в рамках исследования крестьянской истории советского периода.

Один из таких документов – доклад ЦСУ «О материальном благосостоянии рабочих, колхозников и служащих в 1964 году», хранящийся в фонде Центрального статистического управления Российского государственного архива экономики и датированный марта 1965 г., представивший высшему партийно-государственному звену результаты экономической политики хрущевского периода.

Важно отметить, что в период 1953–1958 гг. был достигнут определенный прогресс в плане повышения жизненного уровня крестьянства, на что мы обращали внимание в предыдущем исследовании [8]. Вместе с тем, значительного прорыва в материальном обеспечении колхозников не произошло: доходы сельских тружеников оставались невысокими. Тем не менее положительная динамика в этом вопросе продолжала сохраняться вплоть до конца периода «оттепели», на что указывали составители приведенного выше доклада ЦСУ. Документ оперировал цифрами за период 1958–1964 гг., подчеркивая как положительные, так и негативные тенденции в социально-экономических процессах в российской деревне.

В первую очередь, составители доклада обратили внимание на то, что уже к началу 1960-х гг. начался процесс уменьшения численности колхозных семей. Если в 1958 г. на 100 семей приходилось 366 человек, то к 1964 г. –

353 человека. Очевидно, здесь свою негативную роль продолжала играть миграция в города и рабочие поселки. В частности, продолжала действовать система оргнабора, которая с 1958 г. вывела из деревни в несельскохозяйственные отрасли экономики более 1,6 млн человек. Безусловно, также сказывались демографические последствия Великой Отечественной войны. Соответственно, в результате таких изменений сократилось и количество работающих в семье колхозников – с 1958 по 1964 г. – на 15%. Несмотря на это, в абсолютном денежном выражении доход на члена колхозной семьи СССР продолжал увеличиваться. По сравнению с 1958 г., рост доходов составил 18%, в денежном эквиваленте – 498,5 руб. в год на человека (или 41 руб. 54 коп. в месяц) (табл. 1).

Таблица 1
Динамика роста среднего дохода в колхозах СССР с 1958 по 1964 гг.

Год	Размер среднего дохода семьи в колхозе на 1 члена семьи, руб.	Рост дохода в % к 1958 г.
1958	408,4	–
1964	498,5	+18

Сост. по: [9, л. 4].

Статистика в данном случае оперировала средними показателями не только в отношении крестьянской семьи, но и всего Советского Союза. Что скрывалось под понятием «средний доход», и какие составляющие в него входили? Во-первых, все поступления от работы в колхозе – оплата за трудодни в натуральном выражении, которая статистикой была переведена в денежный эквивалент. Во-вторых, это стоимость продукции, полученной от личного подсобного хозяйства – важнейшего источника обеспечения жизнедеятельности крестьянина. По подсчетам Д. Н. Конышева, к началу аграрных преобразований 1953 г. «доля личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в доходах колхозников в некоторых районах страны составляла свыше 90%» [10, с. 102]. Поступления от работы в колхозе и от ЛПХ оценивались по государственным розничным ценам, а реализованная продукция учитывалась по сумме фактической выручки. В-третьих, это различные выплаты от государства в виде выплат за сданную продукцию, пенсий, пособий и т. д., которые могли получать колхозники разных возрастов. Таким образом, складывалась общая сумма дохода, из которой высчитывалась средняя величина.

Следует отметить, что к 1958 г. в результате реализации партийно-государственных решений начала «оттепели» удалось поднять доходы колхозного населения. Рост денежных поступлений в различных республиках по сравнению с 1953 г.

составил от 40 до 69% [8, с. 320]. При этом нужно отметить, что каждая республика, входившая в СССР, отличалась различным уровнем доходов колхозников. Это было следствием хозяйственной специфики, географических и климатических особенностей регионов, а также экономических мер поддержки, которые государство осуществляло по отношению к некоторым республикам (табл. 2).

Таблица 2

Динамика роста среднего дохода в колхозах СССР по союзным республикам в 1964 г. (выборочно)

Республики СССР	Размер среднего дохода семьи в колхозе, тыс. руб.	Рост дохода в % к 1958 г.
Эстония	2298,7	+29
Латвия	2264,3	+17
Литва	2364,1	+23
Россия	1771,4	+16
Белоруссия	1778,5	+29
Таджикистан	1769,2	+26
Азербайджан	1580	+8

Сост. по: [9, л. 16].

Наиболее высокие доходы получали, как мы видим, колхозники прибалтийских республик, превышавшие средние по Союзу ССР в 1,3–1,9 раза. Очевидно, что это было связано с тем, что в Прибалтике активно развивалось мясо-молочное производство, которое было гораздо доходнее, чем, например, земледелие. В тоже время колхозники Армении, Таджикистана и Азербайджана имели самые низкие доходы – в среднем на 20–40% ниже среднего уровня. Ниже минимального дохода – 25 руб. в месяц – имело от 27 до 40% жителей этих республик. Здесь, в свою очередь, на доходность влияло ограниченное количество плодородных земель из-за климатических особенностей регионов. В целом по СССР доход ниже 25 руб. в месяц имело 11% колхозного населения. В прибалтийских республиках таковых было немногим более 1%.

Структура совокупного дохода семьи была следующей. «Ячейка общества», согласно статистике, в целом по СССР заработала в 1964 г. 1762 руб., из которых 43% она получила от работы в колхозе, 44% от личного хозяйства и 13% в виде различных поступлений от государственных и прочих источников. При этом доходы по источникам в различных республиках были опять же разными. Например, в республиках Средней Азии и части Закавказья (Туркмения, Узбекистан, Армения) поступления от работы в колхозе составляли 41–63% дохода, а от ЛПХ – 27–38%. В то же время крестьяне Европейской части СССР имели преобладающие доходы

от ЛПХ (54–62%). В докладе утверждалось, что всех республиках данная статья доходов сокращается. В среднем по СССР картина получалась следующая (табл. 3):

Таблица 3

Структура совокупного дохода семьи советского колхозника в 1958–1964 гг. (в %)

Год	Поступления от колхоза	Поступления от ЛПХ	Поступления от государственных, кооперативных и др. организаций
1958	39,6	45,3	15,1
1964	43,3	43,9	12,8

Сост. по: [9, л. 16].

Поступления от работы в колхозе увеличивались крайне медленно (всего за шесть лет выросли на 3,7%), в то же время доходы от ЛПХ, равно как и начисления от государственных и прочих организаций, понемногу сокращались. Уменьшение поступлений от личных приусадебных участков стало результатом проводимой в 1958–1964 гг. сельскохозяйственной политики. С одной стороны, как отмечает О. В. Горбачев, «в начале 1958 г. был полностью отменен сельхозналог с ЛПХ» [11, с. 78]. С другой стороны, в указанный период по инициативе ряда партийно-государственных лидеров, и в частности Н. С. Хрущева, происходил процесс ограничения ЛПХ, поскольку предполагалось, что при строительстве коммунистического общества основную производственную роль будут играть крупные общественные хозяйства. Как справедливо отмечает В. Н. Мамяченков, «позитивные перемены и наметившаяся положительная динамика в развитии сельского хозяйства были сведены на нет последующими пагубными и непоследовательными решениями» [12, с. 8]. В отношении личных хозяйств предпринимались ограничительные меры, следствием которых стало снижение товарности и в целом – уменьшение сельскохозяйственного производства. Отсюда и сокращение доходов от государственных и кооперативных организаций – колхозники стали меньше продавать своей продукции.

Несмотря на вводимые ограничения, для крестьян по многим видам продовольствия поставки от ЛПХ продолжали занимать главенствующие позиции. Так, например, в 1964 г. из личного хозяйства колхозная семья получила 98% яиц, 91% картофеля и молока, 84% мяса и сала, 76% овощей и бахчевых [9, л. 17 об.]. Сокращение поголовья скота в ЛПХ, происходившее в результате хрущевских ограничений, привело к уменьшению его продажи и, как следствие, заставило крестьян искать пути возмещения выпадающих доходов. К 1964 г.

значительно увеличились продажи овощей и картофеля (на 6–12%), причем в государственные и кооперативные организации под нажимом властей колхозники стали сдавать сельхозпродукции в 2–2,5 раза больше, чем продавать на колхозном рынке. Поступление на рынок того же картофеля сократилось более, чем на треть [9, л. 18].

Хлеб в силу сложных обстоятельств, как и ранее, в колхозную семью в основном продолжал поступать из общественных хозяйств. Количество хлебопродуктов от ЛПХ оставалось невелико в общей массе, преобладали натуроплата на трудодни и покупка для собственных нужд (табл. 4).

Таблица 4

Поступление хлеба в колхозную семью в 1964 г., кг

Поступления от колхоза	Поступления от ЛПХ	Закуплено в колхозе	Закуплено в государственных, кооперативных и др. организациях	Прочие поступления	Всего поступило
548 (41 %)	129 (10%)	210 (16%)	310 (23 %)	140 (10%)	1337 (100%)

Сост. по: [9, л. 17 об.]

Потребление хлеба за период хрущевских реформ несколько сократилось. Если в 1956 г. среднесуточный расход хлеба членом колхозной семьи составлял 0,54 кг хлеба, то к 1964 г. он уменьшился до 0,46 кг, и не только за счет увеличения потребления некоторых других видов сельскохозяйственной продукции [9, л. 17 об.; 13, л. 5]. Очевидно, сказалось общее для страны сокращение потребления хлеба ввиду неурожайного 1963 г.

Как уже было сказано выше, достаточно сильно пострадало в период «оттепели» домашнее скотоводство, что выразилось в сокращении доходов от продажи продукции животноводства (табл. 5).

Таблица 5

**Продажа скота колхозниками СССР с 1958 по 1964 гг.
(в среднем на 100 хозяйств)**

Год	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы
1958	60,7	95,6	37
1964	49,2	66,9	28,1

Сост. по: [9, л. 18 об.]

В этой области удар хрущевских преобразований оказался достаточно ощутимым. Продуктивность скота, находящегося в личной собственности колхозников, сократилась, что наглядно подтверждает статистика (табл. 6).

Таблица 6
Продуктивность скота в ЛПХ советского колхозника в 1958–1964 гг.

Год	Надой молока на одну фурражную корову, кг	Настриг шерсти на одну овцу, кг	Средняя яйценоскость кур на одну взрослую курицу, шт.
1958	1527	2,4	75
1964	1524	2,3	75

Сост. по: [9, л. 19].

Показатели, связанные с продуктивностью, по многим направлениям за шесть лет не увеличились, и даже имелась тенденция к сокращению (табл. 7).

Таблица 7
Доля производства продуктов животноводства в ЛПХ во всех категориях хозяйств в 1958–1964 гг., %

Год	Молоко	Мясо и сало	Яйца	Шерсть
1958	36	37	55	16
1964	26	27	43	13

Сост. по: [9, л. 19].

Совокупный доход колхозника практически весь расходовался на обеспечение жизнедеятельности семьи. Статистика исходила из того, что средний доход крестьянской семьи в 1964 г. составил 1761,9 руб. Эти цифры были значительно ниже доходов других социальных групп Советского Союза. Например, доходы рабочих совхозов составляли 2171 руб. в год, а работников промышленности – 2490 руб. [9, л. 4]. Таким образом, проблема повышения жизненного уровня колхозного крестьянства по-прежнему остро стояла на экономической повестке страны. Определенный прогресс в этом направлении все же имел место: за период 1958–1964 гг. доля малообеспеченных колхозников (с доходом менее 35 руб. в месяц) снизилась с 48 до 29%, однако и она продолжала оставаться высокой (почти треть крестьянского населения). В тоже время число обеспеченных колхозников (с доходом 75 руб. и выше) за указанный период выросло с 5 до 14% [9, л. 7]. Впрочем, любые сравнения доходов разных групп крестьян и работников промышленности опять же были в пользу последних.

Совокупный доход колхозной семьи расходовался следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Использование совокупного дохода семьи советского колхозника в 1964 г.

Структура расходов	Средний расход, руб.	Расход, %
Питание	910,5	51,7
Ткани, одежда, обувь	267,8	15,2
Предметы санитарии, гигиены и т. п.	120,5	6,8
Мебель и хозтовары	41,5	2,4
Другое	193,3	11
Накопления	228,3	12,9
Итого	1761,9	100

Сост. по: [9, л. 16].

Из данной таблицы следует, что, как и в предыдущие периоды, львиная доля расходов колхозника приходилась на продукты питания, несмотря на то, что крестьяне пользовались личным приусадебным участком. При этом колхозники потребляли меньше мяса, молока и рыбы, чем рабочие совхозов и работники промышленности, но больше картофеля, хлеба и яиц. Анализ потребления колхозного крестьянства по сравнению со стартом аграрных преобразований (1953 г.) выявил следующие тенденции: сельские труженики стали потреблять меньше мяса, масла, яиц и сахара, по всем остальным видам продуктов показатели остались практически идентичными ранним. Так, потребление мяса в 1964 г. составило 87% от уровня 1953 г., молока и масла – 99,8%, яиц – 97% [9, л. 5].

По отдельным республикам СССР и экономическим районам РСФСР общая картина потребления продуктов питания выглядела следующим образом (табл. 9).

Данные, указанные в таблице, свидетельствуют о значительной разнице в потреблении

различной сельскохозяйственной продукции семьями колхозников. Главную роль здесь играли уровень совокупного дохода, состав семьи, количество продукции, поступавшей из колхоза и ЛПХ, а также национальные особенности населения в культуре питания. В республиках Прибалтики при более высоком совокупном доходе потреблялось больше мяса и молока. Здесь дополнительное влияние оказывала животноводческая специализация региона, а значительные размеры побережья Эстонии делали ее лидером в потреблении рыбы. С другой стороны, в Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане, ряде регионов России совокупный доход семьи колхозника был ниже среднего по СССР на 20–40%, что уменьшало возможности потребления мяса и молока и приводило к увеличению потребления хлеба. Даже с учетом национальных традиций культуры питания низкие нормы мясо-молочного компонента являлись аномальными.

В целом среднедушевой доход семьи колхозника прямым образом влиял на рост потребления основных видов продукции, что нам представляется вполне закономерным. Аналогичная ситуация складывалась и в сфере потребления непродовольственных товаров. Здесь так же как и в продовольственном сегменте, колхозники с высокими доходами потребляли в 2–4 раза больше товаров, чем сельские труженики с низкими доходами. При этом отмечался высокий, но неудовлетворенный спрос крестьянского населения на одежду, трикотажные изделия, обувь, холодильники и стиральные машины. Нехватка одежды и обуви приводили к росту потребности в услугах по пошиву и ремонту, которые также полностью не удовлетворялись.

Резюмируя вышеупомянутые статистические данные, доклад содержал вывод, что материальное благосостояние колхозников за период 1958–1964 гг. характеризовалось различными

Таблица 9

Потребление основных продуктов питания в колхозной семье в 1964 г.

Республики и регионы СССР	Мясо и мясо-продукты, кг	Молоко и молочные продукты, кг	Рыба, кг	Масло растительное, кг	Яйца, шт.
РСФСР (в целом)	36	231,8	6,8	4,1	184
Центральный район	43,6	351,4	9,8	2,7	180
Поволжский район	36,5	223,6	4,4	3,1	171
Северо-Кавказский район	34,8	192,1	7,9	8,8	234
Дальневосточный район	37,5	277,4	9,5	4,4	142
Азербайджан	11,2	156,9	0,8	0,6	77
Литва	77,2	466,1	6,7	0,8	151
Узбекистан	16,5	104,2	0,1	7,6	30
Эстония	77,5	491,9	22,7	2,7	230

Сост. по: [9, л. 6].

тенденциями. С одной стороны, в абсолютных цифрах происходило повышение жизненного уровня сельчан. Общий совокупный доход семьи колхозника в 1964 г. вырос на 18% по сравнению с 1958 г. Вместе с тем, доля крестьянского населения, имеющего низкие доходы (до 35 руб. в месяц), хоть и сократилась с 48% до 29%, продолжала оставаться высокой и составляла около 22 млн человек. Категория «зажиточных» колхозников (от 75 руб. в месяц) за эти годы увеличилась с 5 до 14%. Эта группа потребляла больше, чем низкоходная: мяса – в 2,7–3 раза, молока и молочных продуктов – в 2,3–3 раза; покупала в 2,3–2,5 раза больше обуви, в 3 раза больше одежду [9, л. 12]. Следовательно, имущественное неравенство в деревне хоть и не было ярко выражено, но все же присутствовало. За 1958–1964 гг. увеличилась покупка колхозным крестьянством хлеба и хлебопродуктов в государственной торговле (доля «государственного» хлеба выросла с 16 до 23%), что свидетельствовало о снижении уровня самообеспечения главным сельским продуктом.

Подводя итог, стоит отметить, что 15 союзных республик, как и отдельные регионы в составе РСФСР, демонстрировали разный уровень экономического развития и, как следствие, различную структуру совокупного дохода и его размер, обусловленные особенностями, как то: состава семьи, снабжения через государственную торговлю, выдачи натуроплаты колхозами и уровня производства продуктов в ЛПХ. Отмечалась неудовлетворенность колхозного населения в сфере потребления продуктов питания и обеспечения непродовольственными товарами. Деревенские жители формировали повышенный спрос на бытовую технику: стиральные машины и холодильники, а также на качественную одежду и обувь. В свою очередь, недостаток одежды и обуви порождал возрастающую потребность в пошиве и ремонте, на которые уходили значительные средства (50–70% от общих трат на одежду и обувь). Самое главное, что отмечала статистика, – это невозможность достижения поставленных семилетним планом экономического развития задач по повышению реальных доходов. В 1958 г. предполагалось, что доходы колхозного населения вырастут на 33%, фактически реальный доход увеличился на 25% [9, л. 20].

Таким образом, материальное благосостояние колхозного крестьянства в период 1958–1964 гг. имело тенденцию к улучшению, однако по многим показателям существенных подвижек не произошло. Особенности аграрного курса партийно-государственного руководства во главе с Н. С. Хрущевым оказали разновекторное влияние на уровень жизни сельских тружеников. С одной стороны, доходы от работы в колхозах постепенно росли. Это, безусловно, укладывается в идеологию приоритетного развития общественных хозяйств. Выросло в процентном

соотношении количество зажиточных колхозников (с 5 до 14%), равно как и уменьшилось число людей с низкими доходами (с 48 до 29%). С другой стороны, политика ограничения ЛПХ приводила к снижению доходности для колхозников и их семей. Как следствие, доля личного хозяйства в совокупном доходе понемногу снижалась. Сокращение поголовья скота в ЛПХ заставляло крестьян компенсировать потери, увеличивая производство картофеля и овощей. Колхозники к 1964 г. стали потреблять меньше мяса, по целому ряду показателей (хлеб, молоко, яйца, сахар) либо имелась тенденция к понижению, либо они оставались на уровне 1958 г. Тогда же стало уменьшаться потребление хлеба, что, очевидно, связано не только с увеличением потребления картофеля и овощей, но и с негативными тенденциями в сельскохозяйственном производстве (одобренная государством стратегия возделывания агрокультур, неурожай 1963 г.). Получили продолжение трудности с обеспечением колхозного населения непродовольственными товарами (бытовая техника, одежда, обувь), что способствовало увеличению расходов на ремонт и поддержание в нормальном состоянии уже имеющихся. В целом рост реальных доходов семей колхозников за период 1958–1964 гг. составил 25% (вместо запланированных 33%), что способствовало разработке новой стратегии аграрного развития СССР, нашедшей выражение в решениях партийно-государственного руководства в 1965 г.

Список литературы

- История крестьянства в СССР. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / гл. ред. Г. В. Шарапов. М. : Наука, 1988. 395 с.
- Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М. : Политиздат, 1976. 319 с.
- Советское крестьянство: краткий очерк истории (1917–1970) / под ред. В. П. Данилова. М. : Политиздат, 1973. 592 с.
- Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х. М. : Наука, 1992. 224 с.
- Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М. : ИРИ РАН, 2001. 304 с.
- Томилин В. Н. Государство и колхозы. 1946–1964. М. : АИРО-XXI, 2021. 448 с.
- Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 5–11. <https://doi.org/10.17223/19988613/58/1>
- Чирков М. С. Бюджет российского крестьянина-колхозника в 1953–1958 годах (по материалам рассекреченных архивных документов) // Известия Саратовского университета. Новая серия.

- Серия : История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 319–324. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-319-324>
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР). Оп. 41. Д. 822.
10. Конышев Д. Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102–111.
11. Горбачев О. В. Теория крестьянского хозяйства А. В. Чаянова и личные подсобные хозяйства в советской деревне (вторая половина 1930-х – 1980-е годы) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2 (53). С. 73–85. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-2-73-85>
12. Мамяченков В. Н. Аграрные преобразования 1950-х: противоречия, незавершенность и последствия (на примере Урала и Свердловской области) // Аграрное образование и наука. 2015. № 2. С. 8.
13. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 3061.

Поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 05.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 351–359

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 351–359

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-351-359>, EDN: MMVCFU

Научная статья
УДК 272-789.3(497)|12|

От Египта до Загреба. К истории римско-католических орденов на Балканах

А. М. Лотменцев

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, 115184, г. Москва, Новокузнецкая улица, д. 23б

²Государственная публичная историческая библиотека России, Россия, 101990, г. Москва, Старосадский пер., д. 9, стр. 1

Лотменцев Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, ¹доцент кафедры всеобщей истории Историко-филологического факультета, ²старший научный сотрудник, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, AuthorID: 370469

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития нищенствующих орденов на территории Центральной Европы, преимущественно на территории Хорватии, Славонии и Боснии. Автор предполагает, что деятельность нищенствующих орденов в XIII в. стала одним из наиболее впечатляющих достижений Римского папства в Средние века. В частности, францисканцы смогли не только адаптироваться к условиям проживания в разных областях Италии, но и стремительно обозначили свое присутствие по всей Европе, а затем и вне ее. В будущем нищенствующие монахи сыграют важную роль в обороне Балкан от османских турок при отражении атак османского султана Мехмеда Фатиха. Но уже в середине XIII в. францисканцы и доминиканцы становятся важным интегрирующим фактором и в значительной степени способствуют урбанизации многих стран. Несмотря на то, что в католической историографии история нищенствующих орденов активно изучалась, многие аспекты их расселения и влияния на окружу остались нерассмотренными в силу самой специфики работы авторов, традиционно недооценивших влияние католических орденов на урбанизацию. Католические ордена были не только мощнейшим орудием в руках римских пап, они оказывали влияние как на важнейшие аспекты региональной политики, так и менталитет средневековых городских жителей.

Ключевые слова: нищенствующие ордена, францисканцы, доминиканцы, Загреб, Славония, Хорватия, урбанизация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта: «Средневековый город. На границе священного и мирского» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Лотменцев А. М. От Египта до Загреба. К истории римско-католических орденов на Балканах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 351–359. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-351-359>, EDN: MMVCFU

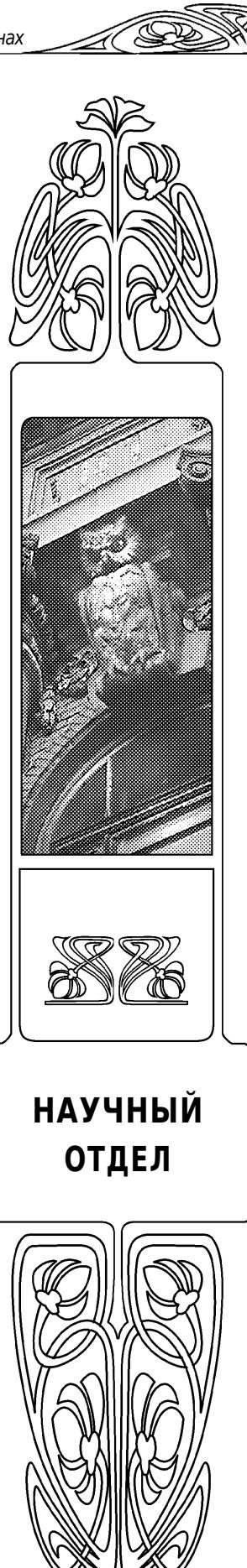
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From Egypt to Zagreb. The history of Roman Catholic orders in the Balkans

A. M. Lotmentsev

© Лотменцев А. М., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

¹St. Tikhon's Orthodox University, 23B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia

²State Public Historical Library of Russia, 9 Starosadskiy pereulok, Str. 1, Moscow 101990, Russia

Andrey M. Lotmentsev, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, AuthorID: 370469

Abstract. The article examines the problem of the development of mendicant orders in Central Europe, mainly in Croatia, Slavonia and Bosnia. The author suggests that the activities of the mendicant orders in the 13th century became one of the most impressive achievements of the Roman Papacy in the Middle Ages. In particular, the Franciscans were able not only to adapt to living conditions in different regions of Italy, but also rapidly established their presence throughout Europe and then beyond. In the future, mendicant monks will play an important role in defending the Balkans from the Ottoman Turks while repelling the attacks of the Ottoman Sultan Mehmed Fatih. But already in the middle of the 13th century, the Franciscans and Dominicans became an important integrating factor and greatly contributed to the urbanization of many countries. Despite the fact that the history of the mendicant orders has been actively studied in Catholic historiography, many aspects of their settlement and influence on the regions have remained unexplored due to the very specifics of their work.

Keywords: Mendicants, Franciscans, Dominicans, Zagreb, Slavonia, Croatia, urbanization

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project: "A medieval city. On the border of the sacred and the mundane" with the support of the St. Tikhon's Orthodox University and the "Living tradition" Foundation.

For citation: Lotmentsev A. M. From Egypt to Zagreb. The history of Roman Catholic orders in the Balkans. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 351–359 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-351-359>, EDN: MMVCFU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Значение нищенствующих (мендикантских) орденов сложно переоценить при оценке экономической, политической и социальной ситуации в Западной Европе. Для нас особый интерес представляют не столько духовное наследие и влияние на прихожан францисканцев, доминиканцев, кармелитов, сколько их влияние на развитие городов, преимущественно на Балканах и в Центральной Европе [1, с. 284–287]. Хотелось бы уточнить, что особый интерес для нас представляет северная часть Балкан, в частности, провинции Венгерского королевства св. Стефана, которое часто меняя границы, оставалось важнейшим суверенным государством Центральной Европы.

Движение нищенствующих монахов оказалось существенное влияние на сам процесс урбанизации в Центральной Европе. Предполагается, что в рассматриваемых регионах процесс внедрения нищенствующих монахов в городскую среду имел своеобразные черты, которые помогут оценить роль нищенствующих орденов для урбанизации Европы в целом.

Напомним, что при династии Арпадов в XIII в. Венгерское королевство предприняло попытки расширения в разных, в частности, южном и восточном направлениях, но усилившаяся конкуренция с чешскими Пржемысловичами и новым игроком, Габсбургами, вышедшиими из Швейцарии и постепенно сменившими австрийских Бабенбергов, не позволила им добиться серьезных успехов. В то же время резкое усиление позиций римского папства, явно обозначившееся в первой половине XIII в. и получившее затем новый импульс после поражений Фридриха Сицилийского и в итоге гибели всей династии Гогенштауфенов, ознаменовало новую ситуацию в европейской политике.

Параллельно наблюдается рост городов, которые часто стремились к независимости от сеньоров. В конечном итоге их достижения спо-

собствовали становлению крупных государств классического Средневековья. Но даже крупным феодальным сеньорам приходилось принимать во внимание появление цехов или по крайней мере влиятельного патрициата, а также мнение духовных владык, как епископов, так и сообщества монахов.

Влияние христианского духовенства всегда присутствовало в жизни как византийского, так и западноевропейского общества. Нищенствующие ордена смогли прервать древнейшую традицию, согласно которой монах удалялся в пустынью, подобно св. Антонию, или лес, как св. Зебальду [2, с. 153–154]. Монахи видели свое спасение как процесс удаления от людей и достижения идеальной изоляции от всего мирского, бывшего непреодолимым препятствием на пути ко Христу. В православной традиции стремление вести праведную жизнь вне стен монастыря нередко вело к юрдству. Нищенствующие монахи избрали иную стратегию. Они явились в города в броне молитв, папских булл и индульгенций. Их продвижение носило стремительный характер. В городах они захватывали центральные или стратегически важные районы, заводили знакомства среди знати и богатых людей [3, р. 56–127].

Внешний облик западноевропейского города они меняли своими заказами на расширение площадей, где монахи проповедовали на широкие массы населения. Оттеснив приходское духовенство на второй план, францисканцы, доминиканцы и кармелиты заключали договора с коммунами и патрициатом и иногда устанавливали собственные диктатуры, как произошло на излете XV в. во Флоренции.

История нищенствующих орденов начинается на IV Латеранском соборе [4, р. 107], на котором было принято решение о выдаче уставных документов группам сторонников Франциска Ассизского, проявившего себя деятельной аске-

зой в Северной Италии, и Доминика де Гусмана, обеспокоенного отходом многих общин Южной Франции от католической веры. В дальнейшем разница между нищенствующими орденами никогда не будет полностью нивелирована. Хотя францисканцы также активно участвовали в деятельности инквизиции и многие из них успешно преподавали в университетах, за орденом всегда следовал шлейф воспоминаний о тесных связях с германскими императорами и обвинениях в ереси. Не случайно только в наше время римским понтификом стал аргентинский епископ с именем сподобившегося стигматов ассизского подвижника Франциска.

Распространение движения нового монашества за пределы Италии произошло очень быстро. Еще до смерти Франциска Ассизского монахи его ордена путешествовали по многим европейским странам, открывая монастыри и подворья. Основой жажды странствий монахов были путешествия апостолов, пытавшихся охватить максимально доступную часть ойкумены. Желание нести евангельскую весть в конечном итоге стала не менее важной составляющей Великих географических открытий, чем мечта о золоте конкистадоров и перспектива открытия второго фронта против мусульман пиренейских монархов в более поздний период.

В XIII в. урбанизация Европы стала феноменом, заметным как археологически, так и с точки зрения появления новых видов источников информации, имевших зачастую сугубо городской характер [5, р. 21–23]. На новый уровень выходят германские, французские города и английский Лондон [6, с. 320–322]. Фламандские города находят конкурента в Амстердаме, очевидны успехи Ганзейского союза. Благодаря торговле, селедочному промыслу, обретению новых торговых маршрутов резко увеличивается общий бюджет многих городов. Контроль над этим бюджетом со стороны феодальных сеньоров был обременен рядом сложностей. Многим германским городам удалось успешно отстоять свои права. Городской патрициат столкнулся с волей городских цеховых организаций, этническими общинами и христианскими организациями в лице епископата, капитулов и монастырей.

Мы не будем касаться вопросов, относящихся к обширной историографии нищенствующих орденов, которые были рассмотрены, в частности, в статье «“А в четвертой колеснице кони пегие, сильные”». К вопросу об организации францисканских и доминиканских монастырей в городской среде (XIII–XV века)» [7]. В данном исследовании обсуждается специфика балканской и от части центральноевропейской среды, в которую были погружены францисканские и доминиканские монастыри.

Отметим заслуги традиционной хорватской историографии, основы которой в урбанистиче-

ском плане заложил И. К. Ткалич, издатель многотомного сборника документов по истории Загреба. В данном исследовании использовался в основном седьмой том [8]. Его традиции продолжила когорта выдающихся историков, таких как Л. Добронич [9] и наш современник Н. Будак [10]. В советской историографии хорватской урбанистикой занималась Е. С. Макова [11], которая в силу естественных для ее времени ограничений могла касаться вопросов культурной жизни, но не монастырских реалий. Сама констатация, что монастыри выступали важным фактором духовной и экономической жизни региона, была бы воспринята в советской историографии как неоднозначная.

Нищенствующие ордена столкнулись со сложными задачами, когда прибыли в загребский Градец, в котором ремесленники занимали высокое положение и могли выступать судьями и присяжными. В загребском едином пространстве существовали два общественных организма: собственно загребский епископский город, частью которого было пространство Капитула, и свободный королевский город. При этом между ними на протяжении многих веков происходила борьба за ограниченные ресурсы, в частности деревни, в которых проживали податные кметы (города и монастыри выступали в качестве феодальных сеньоров).

История загребского капитула восходит ко временам канонизированного короля Ладислава (Ласло), завоевавшего Хорватию в конце XI в. Поскольку от этого периода сохранилось мало документов, не вполне ясно, существовал ли Загреб ранее. Согласно местной традиции, святой апостол Марк посещал эти земли за тысячу лет до этого. Горожане возникшего после монгольского нашествия Градеца, образованного напротив старого Загреба соперничали с Капитулом за феодальные владения (поседы в хорватской традиции). Периодически жители Градеца и боевые кметы, приываемые канониками (собственно церковными феодалами), сходились на Писаном мосту, прозванном впоследствии Кровавым. Этот конфликт продолжался до XVII в.

Начало истории Градеца и ордена францисканцев совпадают. Предполагается, что Франциск лично посетил Загреб и монастырь ордена был основан вокруг кельи, где он жил во время своего краткого пребывания в городе. В первом приближении легенда о посещении Франциском Загреба не вызывает серьезных возражений, ведь Франциск бывал даже в Египте, где дискутировал с султаном. На одной из фресок Ассизи предстает фигура султана Камиля, который указывает на Франциска, подтверждая его правоту. Предполагается, что Камиль был уверен в истинности христианской проповеди Франциска, но убоился народного гнева. Для Джотто султан символизирует мудрого правителя. Трехчастный

уровень фрески выглядит следующим образом: группа спорящих вокруг костра, небо, разделяющее их, и султан с приближенными. При этом сам Франциск образует со своими оппонентами, которых отделяет от него костер, внутреннее единство. Только он был настроен достаточно решительно, чтобы войти в огонь, в отличие от подразумеваемых суфииев. Султан ассоциируется с царем Соломоном, а Франциск, возможно, с Софией [12].

Иными словами, пребывание Франциска в Загребе, где он, по преданию, остановился в доме вдовы Катарины Галович, не является чем-то невозможным. В Загребе связывали два сюжета: Франциск отправляется на Адриатику, потом гостит у вдовы Катарины Галович и затем уже проповедует перед султаном. Хотелось бы отметить, что первая половина XIII в. – проблемное время с точки зрения массовости источников в Хорватии. Для этого периода у нас нет судебных описей и масштабных доносов со списками подозреваемых. Все это появляется в Загребе в середине XIV в. Подобное явление отражает в целом общеевропейские тенденции. Вопрос о пребывании св. Франциска в Загребе остается во многом открытым. Традиция о том, что Франциск был гостем вдовы Галович намного правдоподобнее версии о пребывании св. апостола Марка на территории Хорватии [13, с. 96–102]. Важным визуальным источником является и изображение события в капелле св. Франциска.

Сама хорватская традиция о пребывании Франциска относится уже к XVII в., притом что после 1209 г. подвижник был очень известной фигурой, обращавшей на себя внимание. Путешествия Франциска отслеживались многими наблюдателями. Похожие истории о нем есть и в других хорватских городах. Они большей частью относятся к портам на Адриатике, присутствуют в Дубровнике, Задаре, и т. д. Дубровницкая традиция несколько отличается: предполагается, что Франциск посетил город не по дороге во владения султана, а для организации общины. Можно предположить, что патриотическая история о посещении Франциском Загреба возникла в ситуации определенного соперничества с Дубровником и отчасти другими далматинскими городами.

Повторим, Устав Ордена, а также последующие документы, принятые в понтификат папы Гонория III, ничего не говорят о порядке основания монастырей или образовании новых общин. Знаменитый историк Загреба И. К. Ткалич также весьма кратко отмечает возможность пребывания Франциска в городе: «Общину францисканцев основал сам св. Франциск Ассизский. В загребском монастыре существует древняя традиция о том, что св. Франциск, возвращаясь из Сирии с братом Иллюминатом, провел некоторое время в Загребе, а жил у богатой вдовы

Кати Галович, ее дом был позже включен в францисканский монастырь и сейчас на этом месте часовня св. Франциска» [8, с. XXXI–XXXVI].

В настоящий момент здание старого монастыря уже снесено (1656 г.). Тогда же была основана славонская францисканская провинция. Новое здание было достроено в 1669 г., а уже в 1674 г. здесь случился пожар. В 1697 г. было достроено крыло здания, которое приобрело форму четырехугольника. При перестройке здания в 1984 г. были обнаружены фундамент и часть стены готического старого здания. Спонсором строительства в XVII в. стал каноник Степан Дойич, бывший одним из видных представителей францисканского ордена. Его герб и девиз изображен на одной из стен (*in terris astrisque fulgebunt*). В наше время там находится табличка с надписью на латыни: «Пресветлый и благородный господин Степан Дойич, епископ крбавский, аббат св. Елены, препозит Чазманский, каноник Загребский, эту часть здания от ворот до церкви оплатил» [13, с. 37].

Раньше францисканский монастырь был крупнейшим зданием Загреба, но в 1729 г. была произведена реконструкция и на Каптоле (как по-хорватски называется район Капитула), уже епископский дворец стал крупнейшим зданием. В дальнейшем он подвергался многократным реконструкциям и даже был частично разбомблен в 1944 г. В 1790 г. часть комплекса была переделана в церковь, а другая часть превращена в госпиталь. Впоследствии здесь был открыт театр Комедии. Капелла св. Франциска сохранилась в наибольшей степени. В юго-восточном углу монастыря перед входом были изображены стихи, рассказывающие о пребывании св. Франциска на Каптоле [13, с. 34–35].

Как можно заметить, история францисканцев с XIII в. и до XVI в. представляется довольно проблематичной, поэтому упоминания о его деятельности имеют особую ценность. Обратимся к документам, опубликованным в *Monumenta historica Zagabiensis* И. К. Ткаличем. В 1425 г. бен Иван, сын Рудольфа Албена, в присутствии своего брата (печуйского епископа) Ивана Литерата и городского доктора Влкана поручил купить за упокой своей души участок, который должен был отойти францисканскому монастырю [8, с. 51]. Поручители должны были проследить, чтобы сделка была совершена за 80 форинтов (флоринов), которые должен был предоставить Михаил, сын судьи Себастиана, причем участок был довольно обширным и включал мельницу и небольшой садик. Представители ордена дали письменные гарантии, что мельница и сад останутся под контролем городской общины. В 1433 г. епископ Загреба Иван Албен (родственник предыдущих) оставил францисканцам 50 форинтов [8, с. 72].

В 1433 г. Джуро Бакша завещал передать монастырю францисканцев свое оружие, с услови-

ем, что его похоронят на территории монастыря [8, с. 78]. Некто Матия Фаркаш, сын дворянина Эгиdia, устно в присутствии поручителей завещал после смерти его и жены Кати продать участок для сенокоса, а полученные деньги передать в качестве задужбины францисканскому монастырю. Интересно, что в хорватской традиции понятие задужбины (вклада в церковь или даже строительство самого храма) встречается значительно реже, чем в сербском. Катя после смерти мужа продала этот участок своему родственнику за 15 форинтов (в июне 1453 г.) [8, с. 232]. Эти деньги, однако, были изъяты и переданы представителю монастыря Бенедикту. Наконец, в 1499 г. епископ Освальд также завещал 25 флоринов монастырю [8, с. CLXV–CLXXII].

Мы знаем, что францисканцы присутствовали в городе, пользовались влиянием, получали недвижимость и доходы с нее, значительные пожертвования. Они успешно отстаивали свои интересы в суде. Монастырь располагался в центре города. Имеется возможность сравнить их имущественное положение с представителями других орденов, например, с традиционными конкурентами из нищенствующих монахов, доминиканцами.

Доминиканцы имели в Загребе свой монастырь на Лашкой улице. В 1433 г. епископ Иван Албен завещал им 50 форинтов, также как францисканцам. В 1453 г. велся судебный процесс о доходах храма св. Марка и им пришлось уступить четверть доходов [8, с. 236]. Первое владение доминиканцев известно с 1315 г., но его пришлось заложить медведградскому кастеляну Рейнольду. В более позднее время владелец этой деревушки (Близна) Павел Старачкий, капитан Градецца, отправляясь на войну с турками передал ее монахам-паулинам. Интересно, что судебная тяжба по этому поводу между паулинами и доминиканцами длилась с 1377 по 1461 гг., когда доминиканцы уступили права паулинам за 100 форинтов [8, с. 268].

В 1462 г. доминиканцы вынуждены были просить помощь у короля Маттьяша для обновления Свято-Николаевского монастыря. В связи с этим король пожаловал им право сбора пошлины при проезде через королевский мост в течение пяти лет. Более того, в 1464 г. король дозволил дворянам и людям всякого сословия передавать доминиканцам свою недвижимость, а монастырь получил право на получение любых даров [8, с. 284–285]. Как видим, францисканцы и доминиканцы (а также паулины из города Ремет) действительно были конкурентами в вопросах наследования имущества. Для выживания сравнительно большого количества монахов в условиях острой конкуренции с другими орденами необходима была площадка для проповедей, недвижимость, доходы, что в условиях

скромной средневековой периферийной экономики (а также боевых действий против турок) было большой проблемой. Наличие нескольких монашеских орденов делало конкуренцию особенно острой. Действительно, Загреб был совсем небольшим городом (до 5 тыс. человек) включая Градец, и содержание нескольких монастырей в таких условиях казалось непосильной задачей. Исходя из наших источников, основным источником дохода были епископские пожертвования и объекты, находящиеся под экономическим контролем монашеских общин. Монастыри могли выступать коллективным феодалом, как и градецкая община.

Атаки турецкого султана Мехмеда Фатиха (1451–1481) заставили доминиканцев направить в адрес короля Маттьяша Корвина очередное прошение о помощи с переселением в загребский Градец. В условиях продвижения турок их монастырь, не имеющий укреплений, мог стать легкой жертвой османов. В городе им уже принадлежала часовня св. Екатерины, вокруг которой предполагалось развернуть строительство. Король не только пошел доминиканцам навстречу, но и позволил им купить два соседних участка с часовней для расширения территории. Папская курия также дала разрешение в 1473 г. на оставление Свято-Николаевского монастыря и переселение в Градец, причем обосновывая это не только уже приведенными фактами, но и тем, что горожанам слишком далеко идти до монастыря, где они могли бы укрепиться в святоотеческой науке. Мы получаем лишнее свидетельство о важной роли нищенствующих монахов в средневековом обществе. Загребский епископ также выразил мнение, что Свято-Николаевский монастырь следует полностью снести, а монастырь в Градецце должен быть обеспечен dormitorием (спальным помещением для монахов), трапезной, огражденным садом, при котором будут осуществляться захоронения, к капелле должна быть пристроена звонница. И так благодаря случаю с переселением может возникнуть впечатление, что доминиканцы играли более важную роль в Загребе, чем францисканцы [14, с. 94–96].

Остается вопрос о том, носило ли присутствие нищенствующих монахов в Хорватии случайный характер и не было ли оно выражено исключительно в Загребе. Особые позиции этих орденов в городах уже отмечались. Наибольших успехов нищенствующим монахам удавалось добиться именно в крупных центрах, в Риме, Флоренции, Лондоне, Болонье, где доминиканцы управляли первым полноценным европейским университетом. Загреб и Градец, безусловно, по экономическим возможностям, количеству населения и другим факторам урбанизации многократно уступали перечисленным средневековым мегаполисам. И в то же время есть некоторые общие черты, сближавшие

жителей Градеца с итальянскими поселениями. Хотя деятельность монастырей во многом разворачивалась независимо от этнической принадлежности монахов, на примере ряда монастырей известно, что в большинстве своем местные насельники не собирались перебираться в монастыри иных областей [15, р. 151–153]. При этом в Градеце проживало много итальянцев, немалая часть из которых была флорентийского происхождения. Именно они составили основу наследников францисканского и доминиканского монастырей на территории города и в его окрестностях. Но можно ли считать типичной ситуацию в Загребе?

Занимаясь вопросом развития монастырей в Центральной Европе и того, как им удавалось вписаться в городскую среду, мы констатировали заметный итальянский (а также французский) элемент в ряде аспектов урбанизации и строительства монашеских общин. Далее мы кратко обратимся к монастырям, расположавшимся на территории Венгерского королевства (включавшего хорватские, словацкие и далматинские земли). Польские земли и тем более земли, принадлежавшие Гедиминовичам, мы оставляем за скобками. Безусловно, рассматриваемые территории были давно христианизированы, преимущественно во второй половине X – начале XI в. Короли Богемии и маркграфы Моравии имели особые отношения с германскими королями. Связи Польши и Венгрии с папством представляются более тесными. Что касается урбанизации этих земель, то города находились скорее в стадии становления, причем значительную роль в этих процессах играли госпиты, переселенцы из германских, итальянских и в меньшей степени французских регионов. По этой причине роль нищенствующих орденов представляется здесь, с одной стороны, потенциально значительной, а с другой – недостаточно изученной.

Венгерское королевство переживало непростые времена после прекращения династии Арпадов. В ходе гражданской войны ситуация была дестабилизована и претензии победившей Анжуйской династии Карла Роберта и его наследника Лайоша Великого на Неаполь привели к войнам, продолжавшимся весь XIV в. После смерти Лайоша Великого в 1382 г. вокруг его дочери Марии, попавшей в плен к хорватам, убившим ее мать, вдову Лайоша Елизавету, разворачиваются интриги, и приход к власти Сигизмунда Люксембурга, претендовавшего также на чешский трон, способствовал децентрализации и феодализации страны [16, р. 227–234]. Поскольку Люксембурги были традиционно связаны с иными регионами (Люксембург, Лотарингия, затем Чехия), в Венгрии и Хорватии они могли надеяться лишь на союз с местными феодалами, но не контроль над ними.

В Хорватии власть Сигизмунда была достаточно номинальной, что оказало негативное влияние на королевские города, ожидавшие гораздо более значительной поддержки от короны св. Стефана. Брак Сигизмунда с графиней Цилли привел к созданию практически независимого государства во главе с ее отцом Ульрихом, который пытался даже приватизировать Загреб [8, с. 256].

Для нас существенно, что францисканцы прибыли в Венгрию из Боснии около 1350 г. и владели 12 монастырями. Усиление их позиций связывают с Констанцским собором 1415 г., преодолевшим схизму [17]. Долгое время новые монастыри относились к боснийскому викариату францисканского ордена, и только в 1448 г. был образован новый венгерский. В 1517 г. была учреждена специальная венгерская провинция. В нее входили 72 общины, объединявшие около 1700 монахов. Их общее число увеличивалось несмотря на военные кризисы. При этом из ранних общин начала XIII в. уцелели только Карапсебеш в современной Румынии и Джаково в Хорватии. За этими монашескими общинами явно стояли аристократы. Связь эти монастыри с урбанизацией достаточно сложно. Так, Филиппо Сколари основал монастырь у своего Озорского замка; Николай Уйяк – у своей резиденции в Палоте; наконец, король Сигизмунд – рядом со своим замком в Вышеграде. В целом следует признать малую зависимость монастырей от урбанистической сети Венгрии, чье развитие, безусловно, уступало итальянскому. Нищенствующие монастыри существовали в крупных городах, Буде, Пеште, Эстергоме. Ассамблеи проходили раз в три года, и их организовывали видные магнаты королевства. Немалую роль в функционировании ассамблей сыграл известный Янош Хуняди, кстати, поддерживавший более францисканцев-обсервантов [18].

Важной задачей францисканцев стала поддержка населения на пограничных территориях, а в некоторых случаях содействие его переселению. Матьяш Корвин возлагал значительные надежды на паулинов и особенно обсервантов [18]. Государственная поддержка оказывалась им в первую очередь. Приходилось производить переучет церковной собственности, поскольку Матьяш вел активную военную политику, и османы не были даже первыми в его списке приоритетов.

Рассмотрим историю мендикантов в небольшом сремском городе Илоке, связанном с упоминавшимся католическим святым Иоанном Капистрано. Илок одно время считался столицей Боснийского государства (уже в середине XIV в.), и кажется интересным провести параллели между ним и Загребом [19, р. 37–41]. Основателем общины выступил некий Угрин, родственник графа Николая Конта. Это семейство, оставаясь в тени, претендовало на реги-

ональную власть. Впоследствии Николай Конт, потомок графа с тем же именем, сможет даже назвать себя боснийским королем, и его некоторое время признавал Матьяш Корвин. Францисканцам принадлежали здесь два здания: Успенская церковь Богородицы и собственно монастырь. Они находились рядом и в XV в. образовали единое пространство *claustrum B. Marie Virginis fratrum minorum*. Впоследствии здесь будет построена часовня, в которой упокоится герой осады Белграда Иоанн Капистрано. Количество монахов, вероятно, не превышало 30 человек. К нищенствующим монахам относились также августинцы, но где был расположен их монастырь неизвестно. Когда было принято решение о приглашении в город монахов ордена св. Августина остро встал вопрос о расстоянии от августинского монастыря до францисканского, предполагалось, что оно должно было быть не менее 230 м. Существуют документы об имущественных спорах между монастырями. Следует иметь в виду, что в Илоке, вероятно, проживало более 2000 человек. Для сравнения — под конец XV в. даже в Буде и Пеште, тогда, очевидно, самостоятельных городах проживало около 8 тыс. человек [19, р. 43–48].

В городе Славонски Брод присутствие францисканцев прекратилось в начале XVI в., когда город был занят турками [20, с. 24–27]. Брод получил статус города (*civitas*), наряду с Вуковаром, Вировитицей и Пожегой. Статус был утвержден в 1230–40-х гг., когда возник и известный нам Градец. В документе 1244 г. король Бела одобряет дарование его братом Коломаном некоторых земель боснийскому епископу, в документе упоминается Брод. В местной традиции утверждается, что Франциск через Германию дошел до Чехии и Венгрии, а посетив Венгрию, добрался и до Славонии [20, с. 43].

Вероятно, в Боснии францисканцы появлялись в качестве представителей папы. Так, в 1248 г. представитель миноритов побывал в Сплите, в 1288 г. в Сербию прибыло посольство братьев Марина и Киприана (к королю Милутину). В 1330 г. францисканцы стали вытеснять доминиканцев как инквизиторы. Видимо этим отчасти объясняется их влияние в Боснии, где они занимались вопросами борьбы с богомилами. Владения им предоставил бан Степан Котроманич (1322–1353) [21, с. 17–18].

Этот правитель столкнулся со знаменитым царем Душаном. Степан Котроманич перешел в католицизм и предоставил легату папы Герарду Одонису право на создание францисканской экстерриториальной общины. В 1339 г. Герард выступил на синоде францисканцев в Ассизи и объявил о создании боснийского викариатства.

Провинция Славония была основана миноритами в 1232 г. При этом следует иметь в виду, что сам термин Славония (*Sclavonia*) на латыни страдает некоторой неопределенностью, и если

Вы не патриот Иллирии, а, скажем, рядовой папский писец (или даже деятель курии) средней образованности, то вполне могли спутать Славонию и Далмацию или даже понять ситуацию так, что речь идет о некоторых неопределенно славянских землях на востоке. Ведь Словакия и Словения называются одинаково, а например, чем отличается Славония и Хорватия, и сейчас непросто понять.

Напомним, что под Славонией чаще всего подразумевают восточную часть Хорватии, уходящую в сторону Срема. Но до образования Славонского королевства при Габсбургах в венгерские времена нельзя говорить о каких-то особых границах между Хорватией и Славонией. И дело не только во владении этими землями венгерской короной. Принципиальный вопрос заключался в том, какие земли смогли захватить османы, а какие все-таки удерживались христианами. Во всяком случае, в данном контексте Славония и Хорватия противопоставляются Далмации. Более того, францисканцев Брова связывали в первую очередь с Боснией, и в литературе принято говорить о боснийских францисканцах [20, с. 46–50].

Характерно, что боснийские монастыри заселились францисканцами из Далмации (в основном Дубровника, Трогира и Задара), и происходило это не раньше собора 1339 г. Наместник провинции менялся каждые три года, для чего в провинцию направлялся специальный визитатор. В 1517 г. Босанская викария получила статус провинции. Перепись монастырей Боснийского викариатства была проведена около 1380 г. При этом обращает на себя внимание, что Босанское викариатство включало в себя кустидию Мачванскую, Бугарскую и Ковинскую (Смедерево), т. е. в нашем понимании северно-сербские земли. Другой вопрос, что в канун Косовской битвы не так просто понять юридический статус тех или иных провинций бывшей империи Стефана Душана. Согласно решению папы Николая V, Босанское викариатство простиралось от Дравы до Адриатики.

Францисканцы смогли успешно обеспечить свое присутствие на всей боснийско-хумской территории и в значительной части восточного Захумья [21, с. 19]. При этом восточный и западный Хум имели различное политическое подчинение, а также культурную традицию. В западном Хуме особое влияние имел архиепископ Дубровника. Большую поддержку францисканцам здесь оказывало феодальное семейство Юрьевичей-Влатковичей. Можно сказать, что в Хуме францисканские монастыри были основной опорой римского католицизма. Как легко догадаться, эти монастыри были уничтожены по ходу продвижения османов. При этом особым вопросом являются отношения францисканцев со священниками глаголящими —

православными священниками кирилло-мефодиевской традиции, долгое время сохранявшими свое влияние в регионе.

Вплоть до конца XVII в. османские власти особенно не притесняли местных католиков, чьим центром стали Чипровцы, пока здесь на фоне Великой Турецкой войны (1683–1699) не вспыхнуло крупное антиосманское восстание [21, с. 24].

Положение нищенствующих орденов в Венгерском королевстве и входивших в его состав областей мало отличалось от той ситуации, в которой находились итальянские и французские монастыри. Развернувшие деятельность в городах обители были таким же важным фактором урбанизации, как монастыри в Риме, Флоренции или Лондоне. В то же время создание сети городов в Центральной Европе в большей степени зависело от королей и феодалов. Само их создание предполагало привлечение населения из Германии или Италии. Причины заключались в том, что Центральная Европа исторически подвергалась значительным опустошениям, и до начала IX в. входила в состав Аварского каганата. Начавшееся возрождение было существенно замедлено венгерским захватом, и только христианизация Венгрии позволила начать длительный процесс интеграции в Европу. Нищенствующие ордена сыграли здесь достаточно заметную роль.

Подводя итоги, отметим, что францисканское движение развивалось достаточно быстро. Безотносительно к факту пребывания св. Франциска в Загребе об этом свидетельствует присутствие монахов в Хорватии уже при его жизни. Хорватская провинция Ордена в рамках Венгерского королевства (*Provinciae Hungariae*) в 1270 г. делится на Загребскую, Печуюскую и Сремскую части. Первый монастырь францисканцев в Загребе возник, видимо, в 1233 г. С 1339 г. начинают работу босанский викариат, который действовал на границе Славонии и который был зависим от далматинских епископов. Высказывалось предположение, что с деятельностью францисканцев связано принятие христианства в некоторых отдаленных районах Боснии. После наступления османов в 1510-х гг. многочисленные боснийские монастыри были опустошены, но значительная часть монахов перешла в Славонию или Хорватию. Некоторые из них откочевали достаточно далеко в Краньский край или даже Австрию. С именем Драшковича связывают возрождение монашеской жизни в начале XVII в. В полной мере положение францисканцев было восстановлено в 1661 г., когда была воссоздана провинция св. Ладислава.

Список литературы

- Усков Н. Ф. Монастыри в городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т.

- Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. С. 284–312.
- Зебальд В. Г. Головокружения. М. : Новое издательство, 2018. 234 с.
- Bruzelius C. Preaching, Building, and Burying. Friars in the Medieval City. Rochester ; New York : Yale University Press, 2014. 256 p.
- Fraher R. M. IV Lateran's revolution in criminal procedure: the birth of «Inquisitio», the end of ordeals and Innocent III's vision of ecclesiastical politics // Studia in honorem Eminentissimi Cardinalis Alphonsi M. Stickler / publ. L. Castillo, I. Rosalius. Roma : Università Pontificia Salesiana, 1992. P. 97–111.
- Blockmans W. Urbanisation in the European Middle Ages. Phases of openness and occlusion // Living in the City. Urban Institutions in the Low Countries 1200–2010 / ed. by L. Lucassen, W. Willems. New York : Routledge, 2011. P. 16–27.
- Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
- Лотменцев А. М. «А в четвертой колеснице кони пегие, сильные». К вопросу об организации францисканских и доминиканских монастырей в городской среде (XIII–XV века) // Человеческий капитал. 2024. № 12 (192). С. 27–37. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.12.02>
- Tkalčić I. Krst. Povjestni spomenici slob. kralj. grada Zagreba priestolnice Kraljevine dalmatinsko-hrvatsko-slavonske. Zagreb : Brzotiskom K. Albrechta, 1894. Sv. II. 851 s.
- Dobronić L. Biskupski i kaptolski Zagreb. Zagreb : Školska knjiga, 1991. 280 s.
- Budak N., Raukar T. Hrvatska povijest srednjeg vijeka. Zagreb : Školska knjiga, 2006. 447 s.
- Макова Е. С. Из истории социально-экономического развития славонского города XIII–XVII вв. М. : Издво МГУ, 1980. 106 с.
- Пешке И. Монументальная живопись эпохи Джотто в Италии. 1280–1400. М. : Белый город, 2003. 456 с. (Классика Мирового искусства).
- Dobronić L. Zagrebački Gornji grad nekad i danas. Zagreb : Školska knjiga, 1988. 421 s.
- Лотменцев А. М. Османы под стенами Градца // Восточный архив. 2006. С. 94–98.
- Gustafson E. Medieval Urban Planning: The Monastery and Beyond / ed. by M. Abel. Newcastle : Cambridge Scholars Press, 2017. 260 p.
- Bak János. Queens as Scapegoats in Medieval Hungary // Queens and Queenship in Medieval Europe / ed. by Anne J. Duggan. Martlesham : Boydell Press, 2008. P. 223–234.
- Romhányi B. F. Das Konstanzer Konzil und die Ankunft der Franziskanerobservanz im mittelalterlichen Ungarn // Das Konzil von Konstanz und Ungarn / ed. A. Bárány. Debrecen : Universität Debrecen, 2016. S. 237–250.

18. Romhányi B. F. Domonkos kolostorok birtokai a későközépkorban // Academia. URL: https://www.academia.edu/5123634/Domonkos_kolostorok_birtokai_a_későközépkorban_Estates_of_Dominican_convents_in_Late_Medieval_Hungary_english_version_translated_by_the_Author?nav_from=ce3d417e-4b6a-4a0d-b0e6-cd4b1435a38b
- (дата обращения: 10.01.2025).
- 19.. Andrić S. The Miracles of St. John Capistran. Budapest ; New York : Central European University Press, 2000. 454 p.
20. Cvekan P. Franjevci u Brodu. Slavonski Brod : Brodsko-posavska livada, 1984. 101 s.
21. Korać D. Franjevci i njihovi samostani u Humu // Croatica Christiana periodica. 2007. Vol. 31, № 60. S. 17–33.

Поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 360–364
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 360–364
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-360-364>, EDN: NRAUH

Научная статья
УДК 94(437.13-25)|12/13|

Чешский город Градец-Кралове: основные вехи средневековой истории

А. Н. Галымичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галымичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, AuthorID: 1131371

Аннотация. В статье рассматривается ранняя история чешского города Градец-Кралове, прослеживаются истоки его средневекового развития, выявляются особенности пройденного городом исторического пути в XIII–XIV вв. Определяются причины и последствия превращения Градец-Кралове в резиденцию вдовствующих королев Чехии.

Ключевые слова: средневековые города Чехии, Градец-Кралове, резиденция вдовствующих королев, немецкая колонизация, городское право

Для цитирования: Галымичев А. Н. Чешский город Градец-Кралове: основные вехи средневековой истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 360–364. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-360-364>, EDN: NRAUH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Bohemian city of Hradec Kralove: The main milestones of medieval history

A. N. Galyamichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander N. Galyamichev, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, AuthorID: 1131371

Abstract. The article examines the early history of the Bohemian city of Hradec Kralove, traces the origins of its medieval development, and identifies the features of the historical path traversed by the city in the 13th – 14th centuries. The causes and consequences of the transformation of Hradec Kralove into the residence of the dowager queens of the Bohemia are determined.

Keywords: medieval towns of the Bohemia, Hradec Kralove, residence of the dowager queens, German colonization, urban law

For citation: Galyamichev A. N. The Bohemian city of Hradec Kralove: The main milestones of medieval history. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 360–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-360-364>, EDN: NRAUH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Градец-Кралове – один из древнейших городов Чешской Республики, прошедший долгий и своеобразный путь исторического развития. В 2025 г. его жители отмечают важную дату: 800 лет назад появилось первое письменное свидетельство об обладании Градцем правового статуса самоуправляющегося на основе особого городского права поселения. Это событие даёт повод для специального рассмотрения средневекового прошлого Градец-Кралове.

В исторической памяти чешского народа Градец-Кралове с давних пор был окружён ореолом глубокой древности, что, в частности, нашло

отражение в том факте, что он упоминается в знаменитой Зеленогорской рукописи – искусственной литературной подделке, выполненной видными деятелями Чешского Национального Возрождения В. Ганкой и Й. Линдой [1].

В основном тексте Зеленогорской рукописи («Либушином суде») говорится о том, что легендарная правительница Чехии Либуша пригласила на суд, творимый в древней столице Чехии – Вышеграде, «Лютобора витязя, что правил / На холме Доброславском, где Орлицу пьёт синяя Лаба» [2]. Небезынтересно отметить, что именно

Лютобор выступил на заседании суда первым послом самой Либуши.

В написанной в середине XVI в. «Чешской хронике» Вацлава Гаека из Либочан, которая содержит не только достоверные факты, но и немало выдумок [3, с. 75–79], сообщается о том, что именно в Градце-Кралове после крещения святым Мефодием в Великой Моравии правитель Чехии Боржитой построил первый христианский храм в чешских землях: «Когда он вступил в свой град, называемый Градец, то приказал построить здесь костел во имя святого Климента, который и сегодня стоит в городе Градце-Кралове, обращённый лицом на север» [4, с. 349–350]. Эти слова Вацлава Гаека, как и слова Зеленогорской рукописи признаны историками последующих поколений плодами фантазии авторов.

Однако археологические исследования, с особым размахом проводившиеся во второй половине XX в., показали, что холм при слиянии Лабы и Орлице и его окрестности были заселены ещё во времена бронзового века, а по крайней мере с рубежа IX и X вв. здесь появилось славянское городище, и с этого времени прослеживается линия непосредственной преемственности поселений в этой местности [5, с. 192].

Одним из важнейших факторов, обусловивших раннее становление и успешное развитие Градца, было его выгодное географическое положение на перекрёстке водных и сухопутных путей, связывавших центральную Чехию с восточными районами страны и соседними странами. Лаба (называемая за пределами Чехии Эльбой) является одной из крупнейших рек Европы, принимая в себя весь поверхностный сток территории Чехии. Орлице – один из притоков Лабы (длиной 32 км и площадью водосборного бассейна в 2038,5 кв. км) – впадает в неё с левой стороны, образуя при впадении замысловатую вязь стариц и островов. В месте слияния рек природа образовала исключительно благоприятные условия для обустройства постоянного поселения – обширный холм с плоской вершиной площадью в 13 га, расположенной на высоте 239–245 м над уровнем моря.

Историческая наука не располагает достоверными письменными свидетельствами о начальных страницах истории города, но археологические исследования позволили установить древность Градец-Кралове и важность той роли, которую он играл в начальный период чешской истории.

Есть основания полагать, что Градец являлся одним из областных градов – военно-административных центров Чешского государства с момента его образования, занимавшим важное место в управлении восточно-чешскими землями. Подобно другим областным градам, Градец являлся местом постоянного пребывания княжеских наместников и дружины, которые обеспечивали мир и безопасность в пределах

подвластной граду территории, творили суд, собирали налоги.

Так, археологически установлено существование по крайней мере во второй половине X в. окружавших Градец древесно-глинобитных оборонительных укреплений, возведённых на каменном фундаменте [6, с. 46]. В северо-западной части плоской вершины холма находился отделённый от остального городища и особенно тщательно укреплённый акрополь площадью 1,5 га, который был защищён оборонительным валом [7, с. 90, 109]. В пределах акрополя находился дворец наместника и, по всей вероятности, древнейший христианский храм Градца – костел святого Иоанна Крестителя.

В непосредственном соседстве с акрополем, на вершине градецкого холма, постепенно выросло подградье – поселение служилых людей, ремесленников и слуг, обеспечивающих своим трудом многообразные потребности наместника, дружины и духовенства. Град и подградье притягивали к себе местную и дальнюю торговлю, в которой участвовали как обитатели града и подградья, так и жители прилегающей к граду области и иностранные купцы.

Свидетельством происходившей в Градце хозяйственной жизни являются обнаруженные на его территории три монетных клада, датируемые XI в. (самый ранний относится специалистами к 1015 г.). Найденные на территории градецкого холма фрагменты керамики позволяют установить наличие торговых контактов с Центральной Чехией и соседней Силезией [6, с. 48].

Что же касается первого достоверного упоминания о Градце-Кралове в письменных источниках, то оно относится к 1073 г. и содержится в учредительной грамоте Опатовицкого монастыря, изданной королём Вратиславом I [8, р. 368–371]. В грамоте называется не только сам град (*castrum Gradec*), но и прилегающая область, управляемая из его пределов (в числе прочих дарений упоминается келья (кладовая?) Микулец, расположенная в Градецкой области: *Miculec, cellam in Gradensi territirio sitam*).

Несколько сообщений о Градце содержится в «Чешской хронике» Козьмы Пражского. Так, «Геродот чешской истории» пишет о том, что в 1091 г. «ушёл в окрестности города Градец со всеми, кто перешёл в его войско» сын короля Вратислава I Бржетислав, поднявший мятеж против отца [9, с. 164]. В 1109 г. князь Владислав I намеревался отмечать в Градце Рождество и пригласил сюда своего двоюродного брата Отто, князя Оломоуцкого, однако сам не смог приехать, поскольку получил приглашение германского императора Генриха V на сейм в Регенсбурге [9, с. 206–207].

В XII в. город, оставаясь важным центром Чешского государства, неоднократно становился

центром возникавших в стране время от времени удельных княжеств [10, с. 2–3].

Важные перемены в жизни города произошли в XIII в., когда города Чехии пережили время глубокого обновления, происходившего под значительным влиянием немецкой колонизации – массового переселения в чешские земли крестьян и горожан из Германии, где к началу XIII в. сложился слой избыточного трудоспособного населения, не находившего применения своим силам и способностям.

XIII в. почти не оставил следов в письменных источниках о Градце-Кралове. Но материалы археологических исследований и свидетельства более поздних письменных источников дают возможность судить о характере происходивших в течение XIII в. перемен в жизни города.

Главное состоит в том, что город приобрёл статус самоуправляющейся общины на основе городского права. В качестве свидетельства этого принято рассматривать грамоту короля Пржемысла Оттокара I от 1225 г., передававшую бургера Градца земельный участок в непосредственной близости от города (*quondam terram prope Gradec, que Wesce uulgariter appellatur*) [11, р. 1]. Термины «*civitas*», «*cives*», применяемые грамотой по отношению к городу и горожанам, считаются в современной чешской историографии свидетельством изменения правового статуса Градца. В связи с этим 2025 г. нередко рассматривается и как год основания города, поскольку именно наличие правового статуса города является для чешских исследователей-урбанистов главным критерием городского характера средневекового поселения.

По-видимому, изменению правового статуса Градца сопутствовало, как и в других городах Чехии, переселение в город немецких колонистов, обычаи которых послужили основой утвердившегося в Чешском государстве в XIII в. городского строя [12].

Особенностью развития Градца было то, что ядро города осталось в пределах древнего града, большая часть территории которого до XIII в. оставалась незастроенной. Здесь сформировалась новая городская застройка, включавшая Большую и Малую площади и окружавшую их уличную сеть [5, с. 187].

Археологические исследования позволили установить следы мощения Большой площади, датируемые первой половиной XIII в. В ходе раскопок был обнаружен мощный культурный слой XIII в., а также остатки первоначальной деревянной застройки, которая оказала определяющее влияние на структуру каменной застройки города в последующие столетия [6, с. 48].

В процессе колонизации территория сплошной застройки на холме вышла за рамки первоначального града. Весь холм был застроен, а у его подножия были возведены новые городские стены, о существовании которых впервые

говорится в грамоте короля Иоанна Люксембурга от 24 апреля 1321 г. [11, р. 197–198]. Грамота освобождала бургеры Градца от уплаты всех налогов на семь лет для того, чтобы они смогли исправить стены и башни городских укреплений, а также о предоставлении им права свободно рубить лес в королевских лесах и ломать камень в королевских и панских каменоломнях в тех случаях, когда этого потребуют задачи обновления городских стен и башен.

Важной вехой в истории Градца стал рубеж XIII и XIV вв. Это время было отмечено двумя весьма знаменательными событиями.

Во-первых, в 1297 г. королём Вацлавом II была издана особая грамота, адресованная бургерам Градца. Грамота устанавливала власть городской общины над территорией акрополя, остававшегося до 1297 г. под непосредственной властью королей. Это решение укрепляло положение органов городского самоуправления.

Кроме того, грамота утверждала власть города над выраставшими вокруг него предместьями, предписывая их жителям обязанность платить городские налоги.

Последнее предписание имело для городских властей очень важное значение, поскольку после завершения застройки вершины градецкого холма поток новопоселенцев, которых привлекали выгодные условия для торгово-ремесленной деятельности, направлялся в ближайшие окрестности укреплённого города. Их природные особенности обеспечивали благоприятные условия для многих ремёсел и торговли (изобилие воды, необходимой для многих средневековых производств, возможность обустройства удобных пристаней и мельниц).

XIV в. был отмечен быстрым ростом предместьев Градца, не сдерживаемого границами городских стен. В конечном счёте предместья превзошли городское ядро на вершине холма как своими размерами и многолюдностью (к концу XIV в. здесь было построено семь приходских храмов, было основано два монастыря и три госпиталя), так и активностью происходившей там хозяйственной жизни. Предместья располагались на 15-ти островах, которые связывались друг с другом и окрестной территорией по меньшей мере 16-ю мостами [10, с. 8].

На пороге XIV в. произошло другое, не менее важное, чем грамота 1297 г., событие: превращение города в резиденцию вдовствующих королев Чехии, первой из которых стала Эльжбета (Елизавета) Рыкса, дочь польского короля Пшемысла II, являвшаяся женой короля Чехии Вацлава II (в 1303–1305 гг.) и сына германского и римского короля Альбрехта I Рудольфа Габсбурга (в 1306–1307 гг.), короновавшегося 16 октября 1306 г. в Праге чешской королевской короной.

Решение о предоставлении городу особого статуса венного (от чешск. *veno*, имевшего

в Средние века три значения – 1) выкуп за невесту, 2) приданое жены, 3) часть имущества мужа, предназначенная для наследования вдовой) было обусловлено, как нам представляется, рядом факторов. С одной стороны, его удалённостью от столицы (Градец расположен в 120 км от Праги), что в сочетании с природными условиями и городскими укреплениями обеспечивало безопасность и уединённость жизни вдовствующей королевы. С другой стороны, расположение города на перекрёстке торговых путей и развитое ремесленное производство создавало условия для поддержания быта вдовствующих королев и их дворов на достойном уровне. Определённое значение имело также наличие внутри городских стен относительно обособленного акрополя. В его пределах находился королевский дворец, в котором располагались правители во время посещений Градца, где мог обустроиться двор королевы-вдовы.

Присутствие в городе резиденции вдовствующей королевы (этому факту город обязан дополнением своего первоначального названия – Градец – прилагательным Краловий, немецкий вариант: *Königigrätz*, затем *Königgrätz*) создавало, в свою очередь, дополнительные благоприятные условия для его развития.

С именем первой «градецкой королевы», проживавшей в Градце в 1308–1318 гг. и издавшей 17 августа 1307 г. грамоту, подтверждавшую неприкосновенность всех привилегий города (а также Яромержа, Хрудима, Высокого Мыса и Полички) [11, с. 159], связано очень важное событие средневековой истории Градца – начало строительства готического собора святого Духа, главного храма города [10, с. 6].

Строительство готического собора, впервые упоминаемого в письменных источниках в 1352 г., является, с одной стороны, важным свидетельством демографического роста в Градец-Кралове, а с другой – значительных экономических возможностей местной церкви и городской общины, оказавшихся в силахозвести величественный собор из кирпича (последнее обстоятельство было связано с отсутствием в окрестностях города необходимых для строительства месторождений камня).

Во второй половине XIV в. Градец-Кралове принадлежал к числу крупнейших городов Чехии, отличаясь высоким уровнем благоустройства и правовой культуры городской жизни.

Так, привилегия Карла IV Люксембурга от 1359 г. продляла право бурггеров Градца сбирать пошлину с привозимого в город вина для завершения мощения городских улиц и предписывала им обустроить и замостить на собранные средства две дороги, ведущие из города к реке [11, р. 546–547].

Показателем зрелости городской жизни и вызванных ею институтов является рано возникшая в Градце традиция ведения городских книг. Есть

основания полагать, что городская книга велась здесь уже в 1329 г. Отметим, что старейшей из дошедших до наших дней чешской городской книгой является книга городского совета Старого Места Пражского 1310 г. [3, с. 25], причём в том же 1329 г. в неё была внесена запись текста женского завещания [13, с. 39]. О высоком уровне ведения городской документации свидетельствует первое упоминание о городской печати Градец-Кралове: она была приложена к изданной в сентябре 1362 г. грамоте короля Карла IV, предписывавшей королевским городам создать запасы оружия для обеспечения потребностей обороны королевства [11, р. 578].

Члены городского совета (*jurati*) впервые упоминаются в грамоте 1297 г., а глава городского самоуправления – судья (*judex*) – в грамоте короля Карла IV от 6 июля 1352 г. В последней предписывалось, чтобы судья и члены городского совета (*judex et jurati ciuitati Grecensis*) следили за подлинностью мер и весов при взвешивании шерсти и замере сукон, а также других товаров, подобно тому, как это происходит в других городах королевства [11, р. 473].

Градец-Кралове являлся к концу XIV в. признанным образцом реализации важных для средневековых городов привилегий, о чём свидетельствуют, в частности, грамоты, изданные королём Вацлавом IV для жителей города Быдженова (расположен в 23 км к западу от Градец-Кралове) в начале XV в. Так, в грамоте пожалования Быдженову городского права от 14 декабря 1407 г. указывается, что они отныне могут пользоваться всеми теми же правами, что и другие королевские города, в особенности Градец-Кралове («*a zvláště město Hradec Králové*») [11, р. 1086]. В 1415 г. Быдженову было также особо пожаловано имевшее важное значение для защиты городских ремесленников от конкуренции сельского ремесла милевое право (в пределах мили вокруг города запрещалось заниматься ремёслами и содержать корчмы), с тем же уточнением – точно так же, как пользуются этой привилегией бургеры и жители Градец-Кралове («*cives et incole ciuitatis Recz Regine*») [11, р. 1163].

Косвенным показателем зрелости городской жизни является присутствие в Градце к середине XIV в. трёх монастырей нищенствующих орденов (мужского францисканского с 1238 г., а также мужского и женского доминиканских) [14, с. 44], проникновение и укоренение которых в чешских землях было неразрывно связано с немецкой городской колонизацией и утверждением западноевропейской политики-правовой модели городского строя.

Свидетельством высокого уровня благоустройства и культуры Градца, и вместе с тем – фактором их дальнейшего развития, являлось длительное пребывание в нём последней супруги короля Чехии и императора Священной

Римской империи Карла IV Люксембурга Альжбеты (Елизаветы) Померанской, дочери герцога Померании-Вольгаста и Померании-Слупска Богуслава V и короля Польши Казимира III Великого, которая прожила здесь последние 15 лет жизни (1378–1393) и закончила в Градце-Кралове свои дни.

Высокий уровень социально-экономического развития города имел и свою оборотную сторону – контрасты богатства и бедности и обострение социальных противоречий. Следствием этого является присутствие в Градце к концу XIV в. трёх госпиталей для попечения о бедных и больных [10, с. 9–10] и меры органов городского самоуправления, призванные облегчить участь городской бедноты [15].

Впрочем, эти попытки оказались не очень результативными. Уже накануне начала гуситских войн в Градце происходили бурные народные волнения [16, с. 288]. В годы гуситских войн городу было суждено сыграть очень важную роль. Рассмотрение истории Градец-Кралове в эти драматические времена требует специального исследования.

Список литературы

1. Лаптева Л. П. Кралеворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М. : Ладомир, 2002. С. 9–242.
2. Любушин суд / пер. Н. Берга // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/b/berg_n_w/text_1871_pesny_slav_narodov_olderfo.shtml (дата обращения: 21.12.2024).
3. Лаптева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 200 с.
4. Václava Hájka z Libočan Kronika Česká / ed. V. Flajšhans. Praha : Nakladem České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, 1918. D. I. 368 s.
5. Bláha H. Veřejná prostranství (náměstí) středověkého Hradce Králové a jejich proměny (přehled dosavadního badání) // Moravskoslezská škola doktorských studií. Brno : Masarykova univerzita, 2008. S. 187–198.
6. Bláha R., Sigl J. Hradec Králové – raně středověké centrum východních Čech // Archeologia historica. 2006. Roč. 31. Seš. 1. S. 45–53.
7. Richter M., Vokolek V. Hradec Králové, slovanské hradiště a počátky středověkého města. Hradec Králové; Praha : Muzeum východních Čech ; Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 1995. 151 s.
8. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae : in 7 t. Pragae : A. Wiesner, 1904–1907. T. I. 567 p.
9. Козьма Пражский. Чешская хроника. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
10. Tomek W. W. Mistopisné paměti města Hradce Králové. Praha : Tiskem a nákladem J. Otty, 1885. 60 s.
11. Codex juris municipalis regni Bohemiae : in 4 t. Pragae : Tiskem knihtiskárny E. Grégra, 1895. T. II. 1298 p.
12. Галимичев А. Н. Городской строй в Чешском королевстве в XIII – XV вв. // Власть и общество: российский и зарубежный исторический опыт / под ред. В. Н. Данилова и Л. Н. Черновой. Саратов : Саратовский источник, 2023. С. 13–44.
13. Vojtíšková J. Městské kanceláře a jejich význam pro stadium středověkých a raně novověkých urbánních dějin (na příkladu Čech a Moravy) // The Central European Journal of Social Sciences and Humanities. 2016. Vol. 5, № 1. P. 28–50.
14. Bláha R., Kovař M., Sigl J. Středověké kláštery v Hradci Králové – stav vyzkumu a jeho další perspektivy // Forum urbes medii aevi. Brno : Archaja, 2013. Sv. VII/1–2. S. 44–55.
15. Bělina P. Organizace chudinské peče v předhusitském Hradci Králové (s edici «Knihy zádušních odkazů městské obce královéhradské» z roku 1411) // Folia historica Bohemica. Praha : Ustav československých a světových dějin ČSAV, 1981. Sv. 3. S. 77–102.
16. Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении : в 2 т. М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. Т. 1. 586 с.

Поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 365–370
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 365–370
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-365-370>, EDN: NUOUHO

Научная статья
УДК 343.97(430.119.317)|16|

Преступность в Мюнстере в XVII в.

О. В. Чавкина

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Чавкина Олеся Викторовна, специалист по документационному обеспечению отдела нового приема и содействия трудоустройству обучающихся и выпускников, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002

Аннотация. В статье на основе анализа сохранившихся материалов судебно-следственных дел рассматривается состояние преступности в Мюнстере XVII в. Автор анализирует структуру преступности в зависимости от степени распространенности противоправных деяний в судебной практике, а также исследует социально-профессиональный состав преступников. Автор приходит к выводу, что на большую долю личностных и имущественных преступлений в общей структуре преступности влияли экономические, социальные и политические факторы, а на незначительный удельный вес преступлений против городской власти Мюнстера, религиозных преступлений и преступлений против семьи и нравственности – эффективная политика властей в данных сферах.

Ключевые слова: раннее Новое время, Германия, Мюнстер, история преступности, структура преступности, преступления, социально-профессиональный состав преступников, судебная практика

Для цитирования: Чавкина О. В. Преступность в Мюнстере в XVII в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 365–370. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-365-370>, EDN: NUOUHO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Crime in Munster in XVII century

O. V. Chavkina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia

Olesya V. Chavkina, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002

Abstract. Based on the analysis of the preserved materials of the judicial and investigative cases the article examines the state of crime in Munster in XVII century. The author analyzes the structure of crime depending on the prevalence of acts in judicial practice, and also examines the socio-professional composition of criminals. The author comes to the conclusion that the large share of personal and property crimes in the overall structure of crime was influenced by economic, social and political factors, while the insignificant share of crimes against the city government of Munster, religious crimes and crimes against family and morality was influenced by the effective policy of the authorities in these areas.

Keywords: Early modern time, Germany, Munster, crime's history, crime structure, crime, socio-professional composition of criminals, judicial practice

For citation: Chavkina O. V. Crime in Munster in XVII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 365–370 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-365-370>, EDN: NUOUHO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из наиболее актуальных проблем общественной жизни в разные периоды времени является преступность. Поэтому изучение истории преступности, в том числе на материале Германии, представляет собой одно из наиболее интенсивно исследуемых направлений в современной историографии. Если в XIX–XX вв. тема преступности в Германии изучалась в рамках истории права, то в последние десятилетия разработка этой проблемы велась преимущественно в социальном и культурно-историческом аспектах. В качестве примера приведем точку зрения немец-

кого правоведа К. Хёртера, который рассматривал историю преступности в тесной взаимосвязи с историей уголовного права, говоря о том, что без знания правовой базы невозможно понять ее развитие [1]. Альтернативной точки зрения придерживался немецкий историк Г. Шверхофф, который считал, что историю преступности следует рассматривать не в рамках истории права, а в рамках социальной истории, поскольку она изучает девиантное поведение в историческом прошлом в контексте конфликтов между нормами и средствами социального контроля, а также

рассматривает преступность в качестве главного критерия для анализа социальных условий и исторических изменений [2, S. 12].

Помимо исследований общего характера, важно отметить работы, посвященные преступности периода раннего Нового времени в отдельных городах и землях Германии. Немецкие авторы В. Бехрингер [3], М. Шпиккер-Бек [4], изучавшие проблему преступности в Баварии раннего Нового времени, выявили, что основными ее причинами были социально-экономические, демографические, идеологические и политические факторы. По мнению В. Бехрингера, кроме вышеуказанных причин, на рост преступности также существенно влияли общественные нормы и суровость наказаний, существовавшие в тот период времени [3, S. 126].

Кроме исследования причин преступности в целом, такие авторы, как Н. Флёркен [5], М. Б. Льюис [6], Д. Ледерер [7], К. Стюарт [8], Дж. Б. Даррант [9], Г. Шверхоф [10] рассматривали отдельные виды преступлений, совершаемых в Германии раннего Нового времени, в частности, убийство, детоубийство, самоубийство, колдовство, грабеж, кража.

Стоит обратить внимание, что в зарубежной историографии проблеме преступности в северных городах Германии посвящено незначительное количество трудов, например, Кельну, Килю. В качестве примера приведем работу немецкого историка Г. Шверхоффа, который рассматривал динамику преступности в Кельне и меры борьбы с ней в период раннего Нового времени [11]. Автор отмечал, что наиболее часто совершаемыми преступлениями в Кельне в этот период были убийства, нанесение телесных повреждений, драки и оскорбления (около 30%) [11, S. 447]. Исходя из анализа «Книги башен», Г. Шверхоф приходит к выводу, что судебная система в Кельне в отношении преступников была относительно более мягкой, чем в южных городах Германии, например, в Нюрнберге [11, S. 442–443].

Что касается изучения преступности в Вестфальском регионе, в частности, в Мюнстере, то обобщающих трудов, посвященных данной проблеме также нет. Немецкий исследователь М. Витке [12] на основе анализа судебной практики Мюнстера рассматривала причины совершения насильственных преступлений за период с 1580 по 1620 гг., социальные типы преступников и их жертв. В целом, автор отмечает, что в раннее Новое время судебная система Мюнстера была слабо развита, поскольку отсутствовал четкий порядок отправления правосудия, возникали проблемы в разграничении юрисдикции, что влияло на эффективность работы судебных органов по раскрытию преступлений и на осуществление преследования преступников. Другие исследователи, С. Альфинг [13] и С. Лакуа-ОДоннелла [14], останавливались на изучении отдельных видов преступлений, совершаемых женщинами

в Мюнстере в раннее Новое время – колдовстве и детоубийстве. По мнению авторов, количество преследований женщин за вышеуказанные деяния в Мюнстере XVII в. было незначительным.

В отечественной историографии проблема преступности в Германии раннего Нового времени изучена недостаточно. В основном тема истории преступности рассматривается в рамках криминологии.

Исходя из анализа историографии, можно сказать, что комплексных исследований, посвященных проблеме преступности в Мюнстере раннего Нового времени, в настоящее время нет. В связи с этим, на основе анализа сохранившихся судебно-следственных материалов уголовных дел, попытаемся охарактеризовать состояние преступности в Мюнстере в XVII в. Для этого нами привлекаются, прежде всего, сохранившиеся судебно-следственные материалы уголовных дел с 1601 по 1700 гг., которые находятся в открытом доступе в городском архиве Мюнстера [15]. Нами были отобраны, изучены и переведены на русский язык свыше 150 кратких описаний уголовных дел за исследуемый период. Поскольку в некоторых описаниях есть обвинения в нескольких преступлениях, то общее число преступлений за указанный период, составило 217.

Таким образом, в данном источнике представлен ценный материал, который показывает, какие преступления расследовались судебными органами Мюнстера и как они с ними боролись, представители каких социально-профессиональных групп совершали преступления и какие обстоятельства и мотивы толкали их на преступный путь.

Анализ сохранившихся материалов уголовных дел Мюнстера XVII в. позволяет нам выделить следующую структуру преступности, взяв в качестве основы для систематизации закрепленную еще в 1532 г. в общеимперском уголовном законодательстве, Каролине [16], деление противоправных деяний на 5 категорий: 1) религиозные преступления; 2) государственные преступления; 3) преступления против семьи и нравственности; 4) преступления против личности; 5) имущественные преступления. На наш взгляд, в данном исследовании следует рассматривать вышеуказанные виды преступлений по степени их распространенности в Мюнстере XVII в.

Самыми распространенными в Мюнстере XVII в. являлись преступления против личности – 84 случая, что составляет 38,7% от общего числа зарегистрированных преступлений (217) и имущественные преступления – 83 случая, удельный вес которых составляет 38,2%.

Материалы уголовных дел Мюнстера дают возможность выделить в структуре преступлений против личности следующие группы: 1) преступления против жизни; 2) преступления против здоровья; 3) преступления против свободы; 4) преступления против чести и достоинства.

К первой группе мы отнесли следующие преступления: убийства (Mord, ermordung, getötet) – 58 случаев (26,72%); подстрекательство, пособничество в убийстве (Anstiftung und Beihilfe zum Mord) – 1 случай (0,46%). Самым многочисленным преступлением против жизни в Мюнстере являлось убийство. Анализ источников позволяет нам разделить убийства на умышленные: простое – 21 случай (9,67%), квалифицированные (детоубийство, самоубийство) – 6 случаев (2,76%) и непредумышленные (Totschlag) – 31 случай (14,28%). Важно подчеркнуть, что в материалах судебно-следственных дел Мюнстера встречаются не только непредумышленные убийства, а также убийства по неосторожности (Fahrlässiger Tötung), убийства, совершённые в целях самообороны (Totschlag in Notwehr). Поскольку в судебной практике Мюнстера не содержится критерии для разграничения этих понятий, то мы будем их рассматривать как непредумышленные убийства. Изучение архивных материалов Мюнстера позволяет сказать, что в 20% дел непредумышленные убийства совершались лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, в 16% случаев в состоянии аффекта (гнева, ярости) и на почве конфликтных ситуаций (ссор, драк) – 13%. Так, например, дворянин Йохан фон Бюллен цум Веххаус на свадьбе церковного советника Бекхове в Зеппенrade поссорился с менестрелем Германом Хюллихом и его братом Йоханом Риттером Хюллихом. В ходе допроса выяснялось, что Хюллихи нанесли оскорбление и угрожали убийством ответчику, который, в свою очередь, нанес ответный удар рапирой, ставший причиной смерти беременной жены Германа Хюллиха Греты, вставшей между ними. По приговору суда 13.02.1604 г. дворянин был приговорен к 5 годам тюремного заключения и возмещению ущерба потерпевшей стороне в размере 60 талеров [17].

Непредумышленные убийства в основном совершались лицами мужского пола, за исключением одного случая. Так, в 1623 г. горничные Катарина Энгман и ее сестра Гертруда во время прогулки убили палкой свою хозяйку, ставшую свидетельницей их занятием попрошайничеством [18].

Вторая по численности из этой категории – группа преступлений против здоровья, к которым мы отнесли: нанесение телесных повреждений (Körperverletzung) – 11 случаев (5,06%), жестокое обращение (Misshandlung, misshandelt) – 6 случаев (2,76%), драку (Schlägerei) – 1 случай (0,46%). Следует отметить, что самыми многочисленными преступлениями из этой группы являлись телесные повреждения (ранения, избиение и удары). Так, например, Йохан Шниткер, состоявший на службе у нотариуса Кристофа Колнера, во время ссоры нанес ножевое ранение сыну торговца вином – Николаусу. Согласно приговору суда,

Шниткер был освобожден из тюремного заключения под поручительство и при условии выплаты ущерба потерпевшему [19].

Следует сказать, что самыми малочисленными из категории преступлений против личности являлись группы преступлений против свободы – похищение человека (Entführt) – 1 случай (0,46%) и преступлений против чести и достоинства – оскорблении (Beleidigung), клевета (Verleumdung) – 6 случаев (2,76%).

Что касается социально-профессионального состава преступников, то можно отметить, что преступления данной категории чаще всего совершали ремесленники, чиновники, солдаты. Так, например, 28 ноября 1637 г. солдат Бернхт Хаусман в целях самообороны заколол мечом своего товарища, солдата Каспара Оккельмана. По приговору суда Хаусман был изгнан из города [20]. Вторая по численности группа преступников – наемные работники (слуги господ, слуги ремесленников, горничные). Как показывает анализ судебной практики, реже всех совершали вышеизложенные преступления представители духовенства (каноники, архидиакон и дети пасторов), дворянства (бароны, дворяне-землевладельцы) иunter-офицеры (капралы).

Как мы уже ранее отмечали, наряду с преступлениями против личности в общей структуре преступности сохраняется высокий удельный вес имущественных преступлений. Изучение архивных источников Мюнстера XVII в. позволяет нам выделить в структуре имущественных преступлений следующие деяния: кражу (Diebstählen, gestohlen) – 50 случаев (23,04%), разбой (Räub, straßen räubers) – 13 случаев (5,99%), приобретение (Hehlerei)/сбыт краденного (Verkauft) – 6 случаев (2,76%), уничтожение и повреждение чужого имущества (Zerstörung und Beschädigung)/поджог (Brandstiftung) – 5 случаев (2,3%), мошенничество (Betrug) – 4 случая (1,84%), присвоение, растрату (Unterschlagung) – 2 случая (0,92%), вымогательство (Ergewissung), незаконное завладение чужим имуществом, незаконное проникновение в жилище – по одному случаю каждое.

Исходя из приведенных статистических данных, мы видим, что наиболее частым имущественным преступлением, посягающим на основы существования мюнстерского общества, являлась кража. В большинстве случаев крали продовольствие (52%), а именно домашний скот (лошадей, коров, свиней, телят), и в меньшей степени зерновую продукцию (пшеницу, ячмень), на втором месте находились текстильные изделия (ткани, домашнее белье, одежда) – 22%, а на третьем – хозяйственно-бытовые товары (посуда, иголки, дрова) – 10%. Что же касается других предметов краж, то стоит отметить, что воры похищали самое разнообразное имущество, которое для них имело большую ценность, поскольку могло использоваться ими в целях перепродажи либо для

собственных нужд. Так, литейщика кувшинов Филиппа Кнаппера обвинили в краже украшений из драгоценных металлов (*Geschmeide*), простины (*Laken*) из дома Германа Плониса, а также в их сбыте (1604 г.) [21].

Вторым по численности тяжким преступлением в данной категории является разбой, который чаще всего совершили солдаты, искавшие легкий способ добычи продовольствия и денег в условиях войны. В основном они в составе группы участвовали в разбойных нападениях на сельских жителей и ремесленников. Так, например, в 1637 г. солдат Йорген Зейгер и другие солдаты совершили разбойное нападение на фермера Йохана Мейера в Оsnабрюке, украв у него лошадей [22].

В целом можно сказать, что в большей степени имущественные преступления совершали мужчины. Среди них чаще всего встречаются ремесленники, конные воины, солдаты, слуги, а также представители маргиналов – бродяги, профессиональные воры.

Изучение судебной практики позволяет сказать, что несмотря на то, что в общей структуре преступности Мюнстера XVII в. преобладали личностные и имущественные преступления, все-таки более опасными, но относительно менее распространенными являлись преступления против городской власти – 25 случаев, что составляет 11,5% от общего количества зарегистрированных преступлений. Если анализировать структуру преступлений против городской власти Мюнстра, то следует заметить, что данная категория представлена разнообразной палитрой преступлений, в которой можно выделить следующие группы: 1) преступления против безопасности города и общественного порядка; 2) преступления против порядка управления; 3) должностные преступления; 4) преступления против городского имущества.

К группе преступлений против безопасности города и общественного порядка можно отнести следующие деяния: побег из тюрьмы (*Flucht aus dem Gefängnis*), попрошайничество (*Betteln*), незаконный осмотр укреплений города иностранцем, которые в судебной практике встречаются единожды. Несмотря на то, что измена городу упоминается в судебной практике Мюнстра XVII в. лишь однажды, она относится, пожалуй, к самым серьезным преступлениям против безопасности города. Так, например, в 1626 г. Каспар Стейнкамп из Мюнстра перешел на службу в голландскую армию, после чего начал совершать набеги против родного города, за что был схвачен и заключен под стражу в Вольбеке [23].

Следует отметить, что чаще встречаемым в этой группе преступлением является хулиганство (*Rowdytum*) – 3 случая (1,38%). К примеру, солдат Рудольф Кентрупф и капралы Герман Шурман, Йохан Гейне устроили в городе беспорядки по причине невыплаченного им в полном объеме

жалованья. По приговору суда к ним применялось суворое позорящее наказание в виде волочения по земле. Виновные были привязаны к ослу на полдня с дополнительным грузом к каждому по 6 или 7 футов железа (1642 г.) [24].

Самую многочисленную из этой категории группу преступлений составляли преступления против порядка управления, к которым мы отнесли фальшивомонетничество (*Falschmünzerei*) – 8 случаев (3,68%), подделку документов и печатей (*Gefälscht*) – 1 случай (0,46%), оскорблениe, клевету в отношении представителей власти – 4 случая (1,84%). Как видим, самым серьезным и распространенным преступлением в этой группе являлось фальшивомонетничество. Как правило, изготовление, сбыт и приобретение поддельных монет совершалось группой лиц, в частности, членами семьи. Например, в 1600 г. ювелир Августинус Кёплин из Тельгте, его отец Йохан Кёплин и дядя Питер Кёплин подделали мюнстерские медные монеты на сумму более 30 талеров и пустили их в обращение [25].

Наименее распространенными среди преступлений против городской власти являлись группы должностных преступлений (служебный подлог, халатность, злоупотребление должностными полномочиями, дезертирство) и преступлений против городского имущества (уничтожение имущества) – по одному случаю каждое.

Деяния против городской власти Мюнстра XVII в. чаще всего совершались лицами мужского пола, относящимися по социальному-профессиональному статусу к среднему классу – ремесленникам, чиновникам. Так, в 1607 г. Советом Мюнстра было предъявлено обвинение нотариусу Матиасу Шмелтье в подделке нотариально заверенного заявления об арендной плате [26].

Кроме преступлений против городской власти, не меньшую долю в общей структуре преступлений в Мюнстре составляли религиозные – 15 случаев, или 6,9%. Исходя из имеющихся данных, можно разделить эту категорию на следующие группы: 1) преступления против веры и церкви; 2) преступления против духовных лиц. К группе преступлений против веры и церкви мы отнесли следующие: колдовство (*Zauberei*) – 8 случаев (3,68%), самоубийство (*Selbstmord*) – 2 случая (0,92%), богохульство (*Blasphemie*) – 1 случай (0,46%), кража церковного имущества (*Diebstahl*) – 1 случай (0,46%). Что касается группы преступлений против духовных лиц, то к ней мы отнесли оскорблениe иезуитов, кражу, похищениe с целью выкупа, совершенное в отношении духовных лиц, каждое из которых встречается в источниках по 1 разу.

Как мы можем заметить, наиболее часто совершающим преступлением в группе преступлений против веры и церкви являлось колдовство. В основном данное деяние совершали женщины, которые относились по своему социальному статусу к низшим слоям населения Мюнстра.

В большинстве случаев они работали горничными в домах своих господ [27, с. 344]. Однако в судебной практике известен случай, когда жертвой преследования был мужчина. Так, в октябре 1615 г. истец Бернхт Кок обвинил в колдовстве 38-летнего торговца тканями Эверта Хегеманна из Мюнстера. На допросе истец заявил, что его коровы погибли после того, как поели из корзины, которую ранее ему одолжил его сосед Хегеман [28]. В результате следствия Совет принял решение из-за отсутствия достаточных доказательств виновности Хегемана изгнать его из города [29, S. 39–40].

Самую незначительную часть уголовных дел в Мюнстере XVII в. составляли преступления против семьи и нравственности, всего 10 случаев, что составляет 4,6% от общей массы совершаемых преступлений. Характеризуя данную категорию, следует выделить в ее структуре следующие деяния: блуд (*Unzucht*)/прелюбодеяние (*Ehebruch*) – 7 случаев (3,22%), сводничество (*Kuppelei*) – 2 случая (0,92%), кровосмешение (*Blutschande*) – 1 случай (0,46%). Как видим, самыми распространенными преступлениями, нарушавшими моральные устои в мюнстерском обществе, являлись блуд (прелюбодеяние). Так, например, 10 февраля 1643 г. Анна Штумме из Отмарсбохольта, вдова Йохана Кампхове была казнена мечом за совершение детоубийства и прелюбодеяние с женатым мужчиной Йоахимом Шмиддингом из Зельма [30].

Стоит сказать, что преступления против семьи и нравственности в основном совершали замужние либо овдовевшие женщины и реже мужчины, которые относились к среднему классу – ремесленникам (меховщикам, портным). Так, в 1613 г. меховщик Йохан Шмидтбернхт был приговорен к смертной казни за вступление в половую связь со своей мачехой Эльзой цур Брюгген [31].

Анализ сохранившихся материалов уголовных дел позволяет предположить, что криминогенная ситуация в Мюнстере XVII в. оставалась достаточно сложной. Во многом это объясняется тем, что на такое состояние преступности негативно влияли следующие факторы. Во-первых, сложившаяся в то время напряженная экономическая ситуация, которая была вызвана неурожаями в 1627–1635 гг. [32, S. 18], приводила к росту цен на зерно и, как следствие, к снижению покупательской способности на другие товары, что в конечном счете вело людей к голоду, а в дальнейшем и к совершению имущественных преступлений. Во-вторых, стремление к укреплению власти князьями-епископами Мюнстера приводило к конфликтам с горожанами и втягиванию последних к участию в Тридцатилетней войне (1618–1648) и войне с Нидерландами (1664–1674) [33]. Стоит сказать, что военные действия и содержание армии требовали больших затрат, а это, в свою очередь, вызывало

необходимость у городских властей искать способы пополнения казны за счет уплаты налогов населением города, что, безусловно, не могло не отразиться на их уровне жизни и являлось поводом к совершению имущественных и личностных преступлений. В-третьих, процесс социальной дифференциации мюнстерского общества в значительной степени повлиял на социально-профессиональный состав преступников, в котором особо выделились группы ремесленников, солдат и наемных работников, что, несомненно, вызывало социальную напряженность в городе. Важно отметить, что социальное неравенство особенно ярко проявлялось в назначении судебными органами наказаний, когда за совершение одного и того же преступления привилегированные слои (дворянство) [34] подвергались менее суровому наказанию, чем непривилегированные (солдаты) [35]. Это, в свою очередь, являлось источником социальной несправедливости, стимулирующей развитие личностных преступлений.

Таким образом, несмотря на влияние вышеназванных факторов на высокий удельный вес личностных и имущественных преступлений, который составлял больше 70% в общей структуре преступности, происходило снижение доли других преступлений – преступлений против городской власти Мюнстера, религиозных преступлений и преступлений против семьи и нравственности, что, на наш взгляд, являлось следствием осуществления князьями-епископами Мюнстера эффективной политики в государственной, религиозной и социальной сферах, а также в сфере правового регулирования, посредством установления суровых наказаний.

Список литературы

1. Härter K. Strafrechts- und Kriminalitätsgeschichte der Frühen Neuzeit. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. 214 S.
2. Schwerhoff G. Aktenkundig und gerichtsnotorisch Einführung in die Historische Kriminalitätsforschung. Tübingen: Edition Diskord, 1999. 224 S.
3. Behringer W. Mörder, Diebe, Ehebrecher. Verbrechen und Strafen in Kurbayern vom 16. bis 18. Jahrhundert // Verbrechen, Strafen und soziale Kontrolle. Studien zur historischen Kulturforschung / hg. v. Dülmen R. van. Frankfurt Am Main : Fischer Taschenbuch-Verl., 1990. S. 85–132.
4. Spicker-Beck M. Räuber, Mordbrenner, umschweifendes Gesind. Zur Kriminalität im 16. Jahrhundert // Rombach Wissenschaft – Reihe Historiae, 8. Freiburg im Breisgau : Rombach, 1995. 400 S.
5. Flörken N. Mord und Totschlag in der Frühen Neuzeit. Ein Lesebuch. Norderstedt : Books on Demand, 2023. 224 S.
6. Lewis M. B. Infanticide in Early Modern Germany: The experience of Augsburg, Memmingen, Ulm, and Nördlingen, 1500–1800. Charlottesville: University of Virginia, 2012. 390 p.

7. Lederer D. Selbstmord im Frühneuzeitlichen Deutschland: Klischee und Geschichte // Psychotherapie. 1999. Bd. 4, Heft 2. S. 206–212.
8. Stuart K. Suicide by Proxy in Early Modern Germany: Crime, Sin and Salvation. Springer International Publishing, 2023. 466 p.
9. Durrant J. B. Witchcraft, Gender and Society in Early Modern Germany. Leiden ; Boston : BRILL, 2007. 316 p.
10. Schwerhoff G. Karrieren im Schatten des Galgens. Räuber, Diebe und Betrüger um 1500 Kriminalitätsgeschichte – Blicke auf die Ränder und das Zentrum vergangener Gesellschaften // Institut für Geschichtliche Landeskunde Rheinland-Pfalz. URL: <https://www.regionalgeschichte.net/bibliothek/aufsaetze/schwerhoff-karriere-galgen-raeuber-dieb-betrueger-kriminalitaetsgeschichte-randgesellschaft.html> (дата обращения: 01.11.2024).
11. Schwerhoff G. Köln im Kreuzverhör: Kriminalität, Herrschaft und Gesellschaft in einer frühneuzeitlichen Stadt. Bonn : Bouvier, 1991. 508 S.
12. Wittke M. Mord und Totschlag? Gewaltdelikte im Fürstbisdom Münster, 1580–1620. Täter, Opfer und Justiz. Münster : Aschendorff, 2002. 356 S.
13. Alfling S., Schedensack C. Frauenalltag im frühneuzeitlichen Münster. Bielefeld : Verlag für Regionalgeschichte, 1994. 312 S.
14. Laqua-O'Donnell S. Sex, honour and morality: about the precarious situation of servant girls in post-Tridentine Münster // Mélanges de l'École française de Rome. 2016. № 128–2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrim/2590?lang=it> (дата обращения: 01.11.2024).
15. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia 1601–1700 // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
16. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С. Я. Булагова. Алма-Ата : Наука, 1967. 152 с.
17. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 171 (10.12.1603–13.02.1604). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
18. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 91 (1623) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
19. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 240 (1630–1634) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
20. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 187 (28.11.1637) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
21. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 88 (1604) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
22. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 106/3 (1637) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
23. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 158/13 (1626) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
24. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 106/5 (1642) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
25. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 9 (1600) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
26. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 158/19 (1607) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
27. Чавкина О. В., Канаев А. Г. Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 342–347. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>
28. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 144 (1614–1615) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 15.11.2024).
29. Alfling S. Hexenjagd und Zaubereiprozesse in Münster Vom Umgang mit Sündenböcken in den Krisenzeiten des 16. und 17. Jahrhunderts. Münster ; New York : Waxmann, 1994. 223 S.
30. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 135 (10.02.1643) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 15.11.2024).
31. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 158/7 (18.06.1613) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 15.11.2024).
32. Frauenleben in Münster. Ein historisches Lesebuch / hg. v. Arbeitskreis Frauengeschichte. Münster : Westfälisches Dampfboot, 1991. 352 S.
33. Stadt gegen Bischof Christoph Bernhard von Galen // Stadt Münster. URL: https://www.muenster.de/stadt/kongrress1648/05_danach/danach1_1.html (дата обращения: 17.11.2024).
34. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 255 (16.12.1655–26.05.1656) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 17.11.2024).
35. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 42 (05.09.1639–24.09.1639) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 24.01.2024).

Поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 16.01.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 371–374

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 371–374

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-371-374>, EDN: NVZDBS

Научная статья

УДК [329.14:141.82](430)|1926/1927|+929[Каутский+Ман]

Хендрик де Ман против Карла Каутского – к истории идеологических дискуссий в германской социал-демократии в середине 1920-х гг.

С. В. Кретинин

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Воронежский филиал, Россия, 394036, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 67А

Кретинин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, kre-sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1531-5139>, AuthorID: 132942

Аннотация. На основе архивных материалов и опубликованных документов в статье рассматривается полемика между Хендриком де Маном и Карлом Каутским по проблеме психологии социализма в 1926–1927 гг. Показано, что данный идеологический диспут был связан с общей тенденцией в германской и международной социал-демократии на отход от марксизма в сторону идейного плюрализма. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на формальное сохранение марксистских основ в программных документах германской социал-демократии, они не определяли политику партии, которая утрачивала свой узоклассовый характер. Попытка К. Каутского дезавуировать антимарксистские постулаты де Мана не встретила поддержки, а сама дискуссия быстро сошла на нет.

Ключевые слова: германская социал-демократия, Веймарская Германия, Хендрик де Ман, Карл Каутский, марксизм, материалистическое понимание истории, психология социализма

Для цитирования: Кретинин С. В. Хендрик де Ман против Карла Каутского – к истории идеологических дискуссий в германской социал-демократии в середине 1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 371–374. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-371-374>, EDN: NVZDBS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hendrik de Man vs. Karl Kautsky – Toward a history of ideological discussions in German Social Democracy in the 1920s

C. V. Kretinin

Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 67A Karla Marks St., Voronezh 394036, Russia

Sergey V. Kretinin, kre-sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1531-5139>, AuthorID: 132942

Abstract. On the basis of archival materials and published documents the article deals with the polemics between Hendrik de Man and Karl Kautsky on the problem of psychology of socialism in 1926–1927. It is shown that this ideological dispute was connected with the general tendency in German and international social democracy to move away from Marxism towards ideological pluralism. The author concludes that, despite the formal preservation of Marxist foundations in the program documents of German Social Democracy, they did not determine the policy of the party, which was losing its narrow class character. K. Kautsky's attempt to disavow de Man's anti-Marxist postulates did not meet support, and the discussion itself quickly came to naught.

Keywords: German Social Democracy, Weimar Germany, Hendrik de Man, Karl Kautsky, Marxism, materialist understanding of history, psychology of socialism

For citation: Kretinin C. V. Hendrik de Man vs. Karl Kautsky – Toward a history of ideological discussions in German Social Democracy in the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 371–374 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-371-374>, EDN: NVZDBS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Идеологические проблемы всегда стояли на особом месте для Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которая вела свою историю от К. Маркса и Ф. Энгельса. Их ученик, ведущий теоретик II Интернационала Карл Каутский долгое время определял идеологию СДПГ,

выступая против попыток ревизовать марксизм, в частности, со стороны Э. Бернштейна [1].

Наиболее продолжительная и насыщенная идеологическая дискуссия имела место между Каутским и российскими большевиками после их прихода к власти в октябре 1917 г. Имен-

но политическая практика и теория большевиков (коммунистов) Советской России стала главным объектом критики Каутского и других германских социал-демократов после 1917 г. [2]. Параллельно Каутский занимался подготовкой крупных обобщающих трудов, в частности, «чисто теоретического сочинения» – двухтомника «Материалистическое понимание истории», который «у нас (социал-демократов – С. К.) отсутствует» [3, S. V].

Следует отметить, что после 1917 г. Каутский перестал пользоваться безусловным авторитетом среди лидеров германской социал-демократии. Он был отстранен от редактирования ведущего теоретического еженедельника СДПГ «Нойе Цайт» и даже одно время подумывал переселиться в Австрию. В этот период Каутский и его жена Луиза активно контактировали с представителями различных социалистических и рабочих партий и направлений, среди которых был бельгийский социал-демократ Хендрик (Анри) де Ман.

Де Ман увлекся социалистическими идеями под влиянием событий Русской революции 1905 г. и переехал в Германию, которую называл «землей обетованной марксизма» [4, S. 70]. Он стал одним из немногих социал-демократов, которые не только получили высшее образование в университете, но и защитили диссертацию. Ман стал доктором философии Лейпцигского университета, а также выдвинул в качестве одного из лидеров Социалистического Интернационала молодежи вместе с левым германским социал-демократом К. Либкнехтом. При этом отношения с социал-демократами на родине, в Бельгии, в частности с Э. Вандервельде, у де Мана не сложились [5].

После 1918 г. у Каутского сложились весьма теплые и доверительные отношения с де Маном, который из Бельгии на время перебрался в США, где преподавал социальную психологию.

25 марта 1921 г. Каутский откровенно писал де Ману: «Вот уже полгода как я в разъездах. Революция перевернула не только государства, но и мои личные отношения. Это началось еще в октябре 1917 г., когда правые социалисты вышвырнули меня из “Нойе Цайт” из-за моей позиции по вопросу о войне. С тех пор я низвержен как Каин или самый настоящий Иуда» [6].

В 1922 г. де Ман вернулся в Германию, где получил должность преподавателя в Академии труда во Франкфурте-на-Майне. К этому периоду бельгийский социалист задумал обобщить свои теоретические наработки в области социальной психологии в книге «Психология социализма». Он считал, что классический марксизм, основывающийся на материалистическом понимании истории и экономическом детерминизме, не объясняет в полной мере индивидуальную и классовую психологию.

Несмотря на потерю Каутским былого влияния, он все равно оставался для социал-демокра-

тов признанным теоретиком марксизма. Де Ман попытался заручиться его поддержкой своего труда. Из сохранившейся переписки явствует, что Каутский поначалу был настроен весьма позитивно.

Луиза Каутская писала в декабре 1925 г., что ее муж ожидает книгу де Мана «с большим нетерпением» [7]. Книга вышла в начале 1926 г. в Йене [8]. Де Ман послал экземпляр Каутскому, рассчитывая на его благосклонность. Однако теоретик марксизма был шокирован содержанием книги, хотя и воздержался от резкого ответа де Ману.

В феврале 1926 г. бельгийский социалист обратился к супруге Каутского с вопросом об оценке его труда, на что Луиза Каутская деликатно ответила, что Каутский хочет еще раз прочитать книгу «на свежую голову» и лишь затем вынести свое суждение [9].

На самом деле Каутский сразу начал готовить кампанию по дезавуированию де Мана. Об этом бельгийский социалист был предупрежден одним из функционеров СДПГ Карло Милендорфом в письме от 12 февраля 1926 г., который писал де Ману, что «Гильфердинг настроен очень резко критиковать [Вашу] книгу» [10]. Показательно, что это письмо было получено де Маном до того, как он написал упомянутое письмо Луизе Каутской (17 февраля 1926 г.). Отсюда следует, что бельгийский социал-демократ считал, что критику его книги намерен организовать не Каутский, а редактор ведущего теоретического органа СДПГ «Гезельльшафт» Рудольф Гильфердинг.

Нужно отметить, что к середине 1920-х гг. СДПГ преодолела организационный и идеологический раскол, приняв новую Гейдельбергскую программу партии 1925 г., базировавшуюся на марксистских основах и составленную К. Каутским. Но, как отмечает А. Ю. Целищев, «ортодоксальные формулы Гейдельбергской программы не оказали существенного воздействия на тактику партии, а обеспечивали единство партии, предотвращали возможность расколов по теоретическим разногласиям» [11, с. 141].

В этом плане показательным было назначение на пост главного редактора нового органа СДПГ не ортодокса Каутского, а более гибкого в вопросах теории Гильфердинга [12, с. 119]. Этот факт прямо отразился на полемике вокруг книги де Мана, а именно – Гильфердинг сам не принял участие в дискуссии и не стремился ей потакать на страницах «Гезельльшафт».

Взгляды де Мана, изложенные им в книге «Психология социализма», представляли причудливую эклектику волонтаризма и интуитивизма, фактически отрицали материалистическое понимание истории и, в частности, борьбу классов как движущую силу истории. Вдохновившись системой А. Бергсона и психоанализом З. Фрейда, бельгийский социалист утверждал, что главными движущими силами исторического процесса

являются волевые устремления, человеческие инстинкты и т. п. В противовес известной декартовской формуле – «я мыслю и, следовательно, существую», де Ман противопоставил собственную: «Я желаю и, следовательно, существую» [8, S. 13].

Наиболее вызывающие в книге де Мана были открыта критика марксизма. Он писал, что «Капитал» Маркса «не является сложным для понимания», а всего лишь очень объемным трудом, который при этом противоречит основной мысли автора, который сам ни дня не работал на фабрике или заводе, и, следовательно, использует в качестве аргументации опосредованные знания из других источников. Ман считал, что марксизм исполняет «ту же роль, что и обряды в церкви... и сам является партийной церковью», что К. Маркс и Ф. Энгельс хотели «обожествить мертвую материю» [8, S. 50].

Столь резкие антимарксистские и антиматериалистические выпады со стороны одного из видных теоретиков социал-демократии вынудили К. Каутского оперативно подготовить и опубликовать в «Гезелльшафт» критическую статью под ироничным заголовком «Де Ман как учитель»!

Каутский детально разобрал книгу бельгийского социализма, основной акцент сделав на необоснованности его критики Маркса и марксизма. С точки зрения Каутского, де Ман не может считаться «марксистским интеллектуалом», а его «философия подходит только его студентам» [13, S. 73].

Де Ман остро воспринял критику со стороны ведущего теоретика СДПГ и попытался вступить с ним в дискуссию, обратившись к Гильфердингу с просьбой предоставить ему возможность для ответа. Однако последний не желал продолжать полемику и написал де Ману 15 марта 1926 г.: «Вы должны понять, что я редактирую «Гезелльшафт» совершенно один и в периоды парламентских сессий имею очень мало часов для этого» [14]. Тем самым Гильфердинг намекал де Ману, что его ответ на критику Каутского не может быть опубликован.

Де Ман попытался апеллировать к австрийским социал-демократам во главе с О. Баузром, теоретический орган которых «Кампф» считался менее консервативным [15]. Однако австрийские социалисты ограничились небольшой критической заметкой члена СДПГ Отто Йенссена (друга К. Каутского) [16]. Йенссен писал де Ману 28 мая 2026 г.: «В майском номере «Кампф» я опубликовал критику Вашей книги ... Особое внимание при этом я обратил на то, что Ваша постановка вопроса и вытекающая из нее путаница марксистской теории и «вульгарного марксизма» открывает дверь и ворота каждому демагогу и популисту» [17].

Де Ман тем не менее проявил настойчивость и прямо написал Гильфердингу в начале 1927 г.:

«Я хочу опубликовать в январском номере «Гезелльшафт» ответ на критику Каутского. ... Объем моей статьи будет в любом случае больше, нежели статья Каутского» [18]. Однако к этому моменту де Ман уже опубликовал ответ Каутскому в виде небольшой брошюры, изданной в Йене [19]. Гильфердинг считал вопрос закрытым и 29 января 1927 г. прямо написал бельгийскому социалисту: «Вести дискуссию в «Гезелльшафт» дальше просто невозможно. ... После того, как Ваша книга получила освещение со всех сторон, а Вы сами выступили с анти-критикой, я считаю публицистический долг выполненным» [20].

Тем не менее 30 января 1927 г. де Ман выслал Гильфердингу свою статью под названием «Ответ Каутскому» объемом 16 стр., которая была отклонена [21]. Тогда де Ман обратился к руководству СДПГ с официальным письмом, в котором находил спорным аргумент Гильфердинга о том, что он «уже получил возможность выступить с анти-критикой» и просил вмешаться в конфликт, ссылаясь на п. 18 устава партии, указывая, что «это является принципиально важным вопросом» [22].

Параллельно де Ман обратился персонально к спикеру парламентской фракции СДПГ в рейхстаге Г. Мюллеру с просьбой повлиять на Гильфердинга, указывая, что «этот вопрос совсем не обязательно должен рассматриваться «официально»» [23].

Мюллер ответил де Ману, что «повел многочисленные частные беседы, в том числе и с Гильфердингом», но не получил желаемого им ответа [24]. Вопрос был поставлен на заседании Правления СДПГ, но и там де Ман не получил поддержки, о чем ему сообщил в письме от 28 февраля 1927 г. Мюллер. Он подчеркивал, что руководство СДПГ отметило, что «Гезелльшафт» не является «дискуссионным органом», и Гильфердинг не обязан предоставлять места для ответа де Ману. «Это известие Вас, конечно, расстроит», – резюмировал Мюллер [25].

Окончательную точку в дискуссии поставил Гильфердинг, который в начале марта 1927 г. вернул де Ману его статью и написал: «Я должен повторить то, что уже писал в моем первом письме, а именно – продолжать полемику по этому вопросу на страницах ежемесячника невозможно. Иначе, после Вашего ответа я опять не смогу отказать Каутскому в ее продолжении» [26].

Таким образом, де Ману не удалось навязать дискуссию с Каутским через официальные издания СДПГ. Сам Каутский так же не горел желанием продолжать критику де Мана, лишь упомянув его на страницах книги «Материалистическое понимание истории», где он подчеркнул ошибочность приписывания де Маном некоего особого социализма Марксу и Энгельсу [27, S. 724–725].

Де Ман исходил из того, что истоки ненависти к эксплуатации следует искать в чувстве справедливости, которое присуще людям (в частности, пролетариату). Следовательно, «рабочий

класс борется за свои права не потому, что он осознает эксплуатацию, а потому, что осознает себя эксплуатируемым» [8, S. 138].

Действительно, Маркс и Энгельс практически не уделяли внимания проблемам массовой и индивидуальной психологии. Например, Энгельс писал: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со временем гибели античного мира» [28, с. 493].

Сам ход дискуссии вокруг книги де Мана подтверждает высказанную выше мысль, что к середине 1920-х гг. в СДПГ официально признали марксизм в качестве идеологической платформы и старались избегать теоретических дискуссий. Определенным исключением была разве что антибольшевистская кампания. Выступление де Мана, с одной стороны, прошло относительно незаметно. С другой стороны, его откровенно антимарксистская позиция не вызвала открытое осуждения. Более того, руководство СДПГ в лице Г. Мюллера проявило участие и даже попыталось оказать поддержку. Все это свидетельствовало о растущей пропасти между идеально-теоретическим компонентом и политической практикой СДПГ. Руководство партии фактически отказалось от классового подхода в пользу надклассовой, народной партии, что предполагало постепенный переход к теоретическому плюрализму. В этом плане выступление де Мана, хоть и не имевшее далеко идущих последствий, вполне логично как один из первых шагов на пути к идеологической эманципации германской социал-демократии.

Список литературы

1. Кретинин С. В. Каутский против ревизионизма Бернштейна: начало полемики // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 11–28.
2. Кретинин С. В. Русская революция и Карл Каутский // Отечественная история. 1997. № 6. С. 75.
3. Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung: in 2 Bänden. Berlin : J.H.W. Dietz, 1927. Bd. 1. XV, 891 S.
4. Man Hendrik de. Gegen den Strom. Memoiren eines europäischen Sozialisten. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1953. 292 S.
5. Gatzemann A. Hendrik De Man (1885–1953) – Sein Leben und Werk. Aus Sicht Heutiger Wertediskussionen. Novum Verlag, 2010. 221 S.
6. Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG). Amsterdam. Nachlaß Karl Kautsky. K, C 476.
7. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 25. D 190/5. Kautsky L. an de Man, 12.12.1925.
8. Man Hendrik de. Zur Psychologie des Sozialismus. Jena : Eugen Diederichs, 1926. 433 S.
9. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 25. D 190/5. Kautsky L. an de Man, 17.02.1926.
10. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 25. D 190/5. Mierendorff C. an de Man, 12.02.1926.
11. Целищев А. Ю. Веймарская Социал-демократическая партия Германии и консервативная республика (1925–1928 гг.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. 424 с.
12. Кретинин С. В. Творец «финансового капитала»: Рудольф Гильфердинг. 1877–1941 // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 106–124.
13. Kautsky K. Da Man als Lehrer // Die Gesellschaft. 1927. Bd. 1. S. 62–77.
14. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 25. D 190. Hilferding R. an de Man, 15.03.1926.
15. Кретинин С. В. Отто Баэр и австромарксизм // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 126–147.
16. Jenssen O. Sozialpsychologische Marx-Kritik oder marxistische Sozialpsychologie // Der Kampf. Wien. 1926. Nr. 5. S. 216–223.
17. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 25. D 190. Jenssen O. an de Man, 28.05.1926.
18. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. de Man an Hilferding R., 17.01.1927.
19. Man Hendrik de. Antwort an Kautsky. Jena : Eugen Diederichs, 1927. 23 S.
20. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. Hilferding R. an de Man, 29.01.1927.
21. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. de Man an Hilferding R., 30.01.1927.
22. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. de Man an den Parteivorstand der SPD, 01.02.1927.
23. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. de Man an Müller H., 31.01.1927.
24. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. Müller H. an de Man, 21.02.1927.
25. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. Müller H. an de Man, 28.02.1927.
26. IISG. Nachlaß H. de Man. M. 27. D 200. Hilferding R. an de Man, 04.03.1927.
27. Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung : in 2 Bänden. Berlin : J.H.W. Dietz, 1927. Bd. 2. 895 S.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 39 т. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. 828 с.

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 375–382

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 375–382

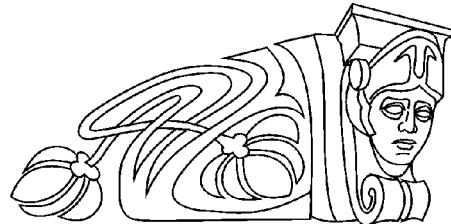
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-375-382>, EDN: PEZCZA

Научная статья

УДК 94(55)|1905/1911|:821.09-992

«Иранское пробуждение» в восприятии западного наблюдателя: мифы и реальность

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока», baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>; AuthorID: 248735

Аннотация. В статье делается попытка провести анализ материалов западных travelogues, касающихся событий в Иране 1905–1911 гг., ставших мощным идеальным фактором во внутриполитической жизни страны, впервые столь мощно и очевидно столкнувшись с воздействием западных идей, центральной частью которых стали представительная форма власти, конституция и институт маджлиса. Не случайно эти события получили наименование «иранского пробуждения» (*pers. bidari-ye irani*) в идеальном плане и «конституционного движения» (*pers. jonbeshe mashruteh*) в политическом. Активно распространявшаяся в официальных западных медиа и в трудах известных колониальных деятелей Великобритании, игравшей на протяжении всего XIX в. роль ведущей державы западного мира, точка зрения в отношении вестернизации Персии в ходе «иранского пробуждения» оказалась явно однобокой и упрощавшей основной ход событий. Привлечение в качестве дополнительных источников материалов многочисленных travelogues западных путешественников, посещавших в исследуемый период страну, не ангажированных своей профессиональной принадлежностью к властным институтам Великобритании, позволили взглянуть на происходящее более объективно и не предвзято.

Ключевые слова: «иранское пробуждение», Иранская революция 1905–1911 гг., конституционное движение в Иране, travelogues, «образ другого», имагология

Для цитирования: Баранов А. В. «Иранское пробуждение» в восприятии западного наблюдателя: мифы и реальность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 375–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-375-382>, EDN: PEZCZA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “Iranian Awakening” in the perception of the Western observer: Myths and reality

A. V. Baranov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksey V. Baranov, baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, AuthorID: 248735

Abstract. The article attempts to analyze the materials of Western travelogues concerning the events in Iran in 1905–1911, which became a powerful ideological factor in the domestic political life of the country, for the first time so powerfully and obviously faced with the influence of Western ideas, the central part of which were the representative form of government, the constitution and the institution of the Majlis. It is no coincidence that these events were called the “Iranian awakening” (*pers. bidari-ye irani*) in ideological terms and the “constitutional movement” (*pers. jonbeshe mashruteh*) in the political. Actively disseminated in the official Western media and in the works of well-known colonial figures of Great Britain, which played the role of the leading power of the Western world throughout the 19th century, the point of view regarding the Westernization of Persia during the “Iranian awakening” turned out to be clearly one-sided and simplified the main course of events. The involvement of numerous travel guides of Western travelers who visited the country during the study period, who were not biased by their professional affiliation to the British government institutions, as additional sources of materials, allowed us to look at what is happening more objectively and not biased.

Keywords: the “Iranian Awakening”, the Iranian Revolution of 1905–1911, the constitutional movement in Iran, travelogues, “the image of another”, imagology

For citation: Baranov A. V. The “Iranian Awakening” in the perception of the Western observer: Myths and reality. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 375–382 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-375-382>, EDN: PEZCZA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

События в начале XX в. в Персии, как назывался до 1935 г. Иран, занимают особое место в его истории. Если официальное «открытие» страны состоялось в результате подписания договоров с Российской империей и Великобританией в первой трети XIX в., после чего в Иран стал активно проникать иностранный капитал, то идеиное проникновение западного влияния приходится как раз на рубеж XIX и XX в. Пожалуй главным символом этого процесса стало дарование конституции шахиншахом Мохаммадом Али Шахом Каджаром в начале 1907 г. Не зря же эти события в истории Ирана стали известны как «конституционное движение», «конституционная революция», «иранская революция» или просто «машрутэ».

Активную взаимосвязь между движением и влиянием западной культуры подчеркивает большинство исследователей как на Западе [1–3], так и в Иране [4, 5]. Раскрывая масштаб влияния, Али Аансари, например, говорит: «Зарождающиеся иранские националисты с энтузиазмом пили из этого источника (европейское национальное пробуждение. – А. Б.). Централизация, модернизация, уход религии из публичной сферы и развитие национального государства, основанного на единой биологически обусловленной, исключительной этнической группе, все это, по-видимому, было воспринято с энтузиазмом» [6, р. 29]. И «энтузиазм» к скорейшей вестернизации, которая ассоциировалась с модернизацией, был столь велик, что Абдул-Хади Хаири обратил внимание на тот факт, что в Иране в начале XX в. термин «mashrutah», обозначавший собственно «конституцию», выводился от арабского слова «shartah» (ограничение), которое выступало аналогом французского «charte» (хартия) [7, р. 186], что должно было отсылать нас к идеям Великой французской революции и ее «Декларации прав человека и гражданина».

Действительно, если мы посмотрим на высказывания официальных лиц, отвечавших за «персидский вопрос» на рубеже XIX–XX вв., может сложиться впечатление, что волна, поднятая на Западе в результате «весны народов» 1848 г., наконец-то докатилась и до Востока. Не стоит забывать, что в Османской империи конституция была принята еще в 1876 г. при восшествии на трон султана Абдул-Хамида II. Вполне резонно было полагать, что к началу XX в. процесс «национального пробуждения» должен был достичь и соседней Персии. И страны Запада, в первую очередь в лице Великобритании, приложат все силы для успешного претворения в жизнь этой «мечты» персидского народа.

Великобритания, кстати, и не скрывала своих истинных целей в отношении Ирана. В 1892 г. вышли два тома монументального труда Джорджа Керзона «Персия и персидский вопрос» [8], в которых подробным образом описаны цели и методы британской политики. Именно Керзону

принадлежат «лавры» официального «мифотворца» в отношении иранцев. Он закрепил «миф» о родстве иранцев с европейскими народами, заявив об общем происхождении и наличия единой «арийской родины» [8, р. 56]. А это означало, что в ментальном плане иранцы ближе к европейцам, чем к арабам или тюркам. Британия, по словам Керзона, выступает защитницей Персии от посягательств на ее территорию и суверенитет со стороны соседней России, которая «рассматривает будущий раздел Персии как перспективу, осуществление которой едва ли менее вероятно, чем осуществившийся раздел Польши» [8, р. 594]. Для Керзона поглощение Персии Россией выступает лишь прелюдией ее далеко идущих захватнических целей в отношении Персидского залива и «Индийской империи Великобритании» [8, р. 595]. Следовательно, в отличие от России, Британия, по словам Керзона, имеет противоположные цели в Персии, т. е. выступает за сохранение ее территориальной целостности и национального суверенитета [8, р. 604].

Выступая «другом» и доброжелателем по отношению к Персии, Керзон уверен, что ориентация на союз с Британией, чрезвычайно выгодна. Именно Британия «впервые установила контакт Персии с Европой», связав ее с помощью телеграфных линий, «в результате чего она стала членом сообщества наций». Это позволило Персии «познакомиться с европейскими конституциями, обычаями и стандартами» [8, р. 614]. Следовательно, делает вывод Керзон: «Главная цель будущей английской политики в Персии призвана способствовать продвижению Персии по пути материального благополучия и внутренней реформы. Англия, развивая свои связи с Персией, будет выступать каналом увеличения симпатий к Европе и европейской цивилизации, поощряя развитие торговли между двумя странами» [8, р. 618].

Идеи, изложенные Керзоном, нашли свою дальнейшую разработку в классической работе его последователя и активного колониального чиновника Перси Сайкса, посвященной истории Персии. Работа вышла в свет в 1915 г., и изложение событий доведено до января 1907 г., момента дарования конституции. Последние три главы второго тома посвящены изложению процессов, приведших к началу революции в 1905 г. Показательно, что эти процессы, зародившиеся внутри персидского общества, были вызваны, по мысли П. Сайкса, активным проникновением западного влияния, идей и технических новаций. Не случайно главу, в которой излагается история предоставления концессий европейским державам, он назвал «Пробуждение Персии», подчеркивая тем самым, начавшийся процесс приобщения и открытия страны западным ценностям. Соответственно, движение за конституцию в Персии рассматривается в неразрывной связи

борьбы «прогрессивного» Запада с «непрогрессивным» Востоком [9, р. 472].

По мнению П. Сайкса, до контактов с Европой «Персия находилась на средневековой стадии развития цивилизации; и, каким бы живописным ни казался этот период истории современному европейскому читателю, в нем было не меньше жестокости, несправедливости и коррупции», чем в том, что он описал [9, р. 490]. Поэтому главной причиной существующего кризиса в Персии, в первую очередь, является ее отсталость, которая консервируется архаичной системой правления – начиная с шаха и заканчивая местными правителями на уровне города и деревни, поголовной коррупцией, разложившейся армией, не способной противостоять вольностям кочевых племен [9, р. 499]. Формулируя таким образом причины выступлений с требованием дарования конституции, П. Сайкс прямо пишет, что британское посольство в Тегеране было активным участником, т. к. «люди отказывались вести переговоры напрямую с правительством, но в конце концов благодаря добрым услугам британского представителя был подготовлен и принят измененный рескрипт» [9, р. 509], согласно которому 5 августа 1906 г. шахиншах Мозаффар ад-Дин Шах обещал даровать конституцию и создать маджлис – иранский парламент. Таким образом, согласно П. Сайксу, именно благодаря стараниям Британии, «события 1906 г. положили конец Старому порядку и привели к возникновению Нового» [9, р. 511]. Причем все действия Британии соответствовали чаяниям персидского народа в их стремлении к свободе и справедливому правлению!

Работы Керзона и Сайкса отражали «официальную» версию происходивших событий, выгодно оттеняя британские подходы в «персидском вопросе». Однако интерес английского и западного, в широком смысле, общественного мнения, вызвал буквально ажиотаж вокруг Персии, куда устремились десятки путешественников. Многие из них вели путевые дневники или делали записи, которые по возвращении на родину, издавались, пополняя собою обширную литературу в качестве трапезотов. Важно отметить и тот факт, что путешествия совершились в разное время, давая полное представление о развивающихся событиях, рассматриваемых с разных ракурсов, разными людьми. Так, например, Элла Сайкс [10] (кстати, сестра Перси Сайкса) и Джон Уишард [11] оставили свои заметки до начала 1905 г., когда, собственно, и началось конституционное движение в Персии. Клод Анэ [12] посетил страну в 1905 г. – перед самым началом движения. Вильям Крессон [13] оказался в Персии в конце 1906 – начале 1907 г., став свидетелем дарования конституции Мозаффаром ад-Дин Шахом на смертном одре и восшествия на трон его наследника –

Мохаммада Али Шаха. Девид Фрезер [14], в качестве английского журналиста, посетил страну дважды – в 1907 и в 1909 гг., наблюдал осаду Тебриза шахскими войсками и смещение шахиншаха Мохаммада Али Шаха. Джон Хон [15] и Артур Мур [16] посетили Персию в 1909 г., а Бенджамин Мур [17] – весной 1914 г., описывая последствия движения после разгона парламента русскими войсками в 1911 г.

Посещение одних и тех же городов и мест разными лицами и в разное время может дать объективную оценку восприятия происходящего в Персии в период конституционного движения (*pers. jonsbeshe mashruteh*) или Иранской революции 1905–1911 гг., способствуя таким образом формированию определенных «образов» Востока в целом и Персии в частности, которые закрепились в ментальном характере европейского обывателя на уровне перцепции и последующей апперцепции во взаимоотношениях западного и восточного общества. Неангажированность и непредвзятость большинства авторов позволяет иначе взглянуть на описываемые события, которые будут отличаться от официальной точки зрения, что помогает лучше понять причины и специфику такого феномена как «иранское пробуждение» (*pers. bidari-ye irani*).

Естественно, анализируя происходящие события, западные современники не могли не обратить свое внимание на причины, вызвавшие их. И тут все говорят об архаичной системе управления, «в которой каждый из представителей власти „выжимает“ для себя все возможное», о том, что «собственность не защищена, предпринимательство не поощряется» [9, р. 8], а страна и народ неуклонно беднеют. Придворная камарилья, оторванная от реалий жизни остальной страны, «становилась все более коррумпированной и алчной, что привело к тому, что казна вскоре истощилась» [11, р. 309]. Начиная с Мозаффара ад-Дина Шаха, Персия опутывается иностранными займами, получаемыми от Великобритании, и еще в большей степени – от России. Однако «большая часть денег была потрачена на бесполезные поездки в Европу, на покупку большого количества бесполезного иностранного хлама и на удовлетворение требований орд кровопийц, заполнивших Двор» [14, р. 19].

Однако, как замечает Девид Фрезер, европейский опыт показывает, что революция является результатом плохого правления и тирании, когда народ доведен до отчаяния и восстает, чтобы получить облегчение своему положению от невыносимого положения дел в государстве. В Персии также наблюдались угнетенное состояние широких народных масс, плохое правление и тирания, сопровождаемые беспорядками, грабежами и восстаниями, но «подобные условия всегда существовали в Персии» [14, р. 17], заявляет он. Клод Анэ, в свою очередь, характеризуя политический строй Персии, пишет, что, хотя

на словах «правительство деспотично, на самом деле власть монарха практически ничтожна, и поддерживается она только по той причине, что всегда была персидской» [12, р. 138–139]. По факту «правительство не имеет реальной власти над низшими классами» [12, р. 140], которые, в свою очередь, «невежественны, фанатичны и безразличны к политическим вопросам» [14, р. 139], уверен Анэ. Если в Персии и возможны какие-либо серьезные преобразования, то они будут вызваны извне и сверху. На то, что движение началось именно «сверху», в отрыве от широких масс, говорит и Джон Уишард, размышляя о даровании конституции, оказавшейся «в высшей степени либеральной» [11, р. 311] для тогдашней Персии. По его мнению, – а нужно отметить, что он провел в Персии более двадцати лет и знал, о чем говорил, – вся кампания по принятию «хартии», как он называл конституцию, была проведена «несколькими высокопоставленными лицами, которые и планировали контролировать ситуацию» [11, р. 322] в стране. А Джон Хон прямо заявил, сославшись на ходившие в Тегеране слухи о том, что «крестной» персидской конституции была Англия, которая и породила это «духовное детище» [15, р. 56], намекая на то, что все это стало результатом противостояния либеральной Великобритании и консервативной России.

Девид Фрэзер, профессиональный журналист, по долгу службы имевший доступ ко многим тогдашним участникам событий в Персии, описывает то, как происходил процесс зарождения движения. По его сведениям, первоначальным стимулом для протестных акций со стороны тегеранского базара, так называемых базари – профессионального слоя торговцев, было стремление сместить тогдашнего премьер-министра (садр-азама) – «алчного и хищного Айн од-Доуле», превратившегося в полновластного «временщика» при больном Мозаффар ад-Дин Шахе [14, р. 18]. И встречаясь с одним из участников тех событий, который летом 1906 г. сел в «бест» в саду британского посольства в Тегеране с требованием смещения ненавистного премьера, Фрэзер поинтересовался, как возникло требование даровать конституцию. Ответ его поразил, так как из примерно 14 тыс. человек, которые находились в «бесте», никто понятия не имел, что такое «конституция» [14, р. 21]. Очевидец поведал ему, что «люди очень веселились на территории посольства и весь день только и делали, что разговаривали, смеялись, ели и курили», пока кто-то не стал активно рассказывать о «машрутэ» (конституции). Вот так, по мнению Фрэзера, «демократическая идея была задумана, рождена, отнята от груди и доведена до зрелости за меньшее время, чем требуется для того, чтобы сшить костюм, соответствующий требованиям времени» [14, р. 22].

Весьма показательной была характеристика политической зрелости персидского общества на начало конституционного движения, что ставило серьезный вопрос о готовности членов этого общества защищать и укреплять конституционные права. Кстати, сам Фрэзер был весьма категоричен по отношению к персам, называя их «болтунами», склонными больше вести дискуссии, а не действовать во имя достижения обсуждаемых ими же целей движения. «На появление дня было много разговоров, но очень мало действий» [14, р. 8], сокрушался он. Причем Джон Уишард пишет о том, что «политическим дискуссиям» в столице были проникнуты буквально все слои общества: «Тем из нас, кто знал Персию при старом режиме, кажется странным слышать, как торговец, ремесленник, а иногда и простой труженик обсуждают планы улучшения положения народа» [11, р. 334]. Даже несмотря на то, что в глазах западного обывателя они выглядели утопичными, дикими и «ребяческими». И в этом он был не одинок. Элла Сайкс также отмечала, что «на протяжении всей борьбы между шахом и его подданными было заметно, что собственно персы не оказали существенной помощи делу национализма» [10, р. 37]. А Джон Хон, описывая «конституционалистов», с головы до ног обвешанных оружием, встреченных им в Реште, заметил: «Эти в высшей степени респектабельные джентльмены вовсе не собирались, как мы поначалу предполагали, сражаться древним способом; они были просто членами какого-то анджумана или комитета» [15, р. 28].

Действительно в событиях, связанных с вооруженными столкновениями между «конституционалистами» и «монархистами» в июне 1908 г. в Тегеране, когда был разгромлен маджлис, а также при осаде Тебриза зимой – весной 1909 г. и похода «конституционалистов» на Тегеран летом 1909 г., западных наблюдателей поражало то, что перед ними разворачиваются какие-то «ненастоящие» сражения. Как верно отметил Д. Фрэзер, «в подобных обстоятельствах западное государство было бы залито кровью и сметено огнем и мечом, но перс воспринял происходящее очень спокойно, продемонстрировав тем самым миролюбие, из которого он сделан» [14, р. 36].

Поэтому так легко Мухаммад Али Шах разогнал маджлис летом 1908 г., что говорило о непрочности идей конституционного правления и о непоследовательности самих «националистов». Практически все действия свелись к штурму персидскими казаками здания маджлиса при пассивной роли жителей столицы. «Те немногие, кто оказал сопротивление», говорит Д. Фрэзер, «были родом из более мужественной провинции Азербайджан» [14, р. 8]. Остальные предпочли быстро ретироваться.

Об осаде шахскими войсками революционного Тебриза, не признавшего факт разгона

маджлиса, можно почерпнуть интересную информацию у Артура Мура, который был очевидцем и участником этих событий. Несмотря на собранные внушительные силы – около 6 тыс. со стороны монархистов и 2 тыс. боевиков со стороны «конституционалистов», реально в боевых столкновениях участвовало не менее 100 со стороны осажденных и 450 – со стороны осаждавших [16, р. 4]. Командовавший шахскими силами Айн од-Доуле предпочитал не действовать, а выжидать. Такой же тактике придерживались и осажденные во главе с Саттар-ханом. Но при этом Артура Мура удивляли и возмущали многочисленные рассказы о героических боях и кровопролитных операциях: «Часто, после того как я присутствовал на каком-нибудь мероприятии от рассвета до заката (где и обсуждались эти самые «операции». – А. Б.), по возвращении меня встречали самыми удивительными рассказами о боях и приключениях, многие из которых торжественно публиковались в европейских журналах. Дважды мне рассказывали историю моей собственной смерти с подробностями, столь же живописными, сколь и мучительными, и меня встречали как восставшего из мертвых. Однажды в честь моего якобы счастливого избавления в лагере роялистов была устроена иллюминация» [16, р. 5]. Как говорится, «много шума из ничего»!

С этой точкой зрения согласуется и утверждение Джона Хона, заявившего о том, что в стране не было радикализации общества и не наблюдалась ситуация острого состояния гражданской войны. По его мнению, это стало следствием «общего безразличия народа и военная неспособность обеих сторон» добиться перелома в противостоянии, и «ни один европейский наблюдатель в Персии не ожидал решающего исхода» [15, р. 59]. С другой стороны, Дэвид Фрезер, описывая ту легкость, с которой войска «конституционалистов» вошли в Тегеран в июле 1909 г., подчеркивает, что этого было бы невозможно осуществить в «условиях реальной войны» [14, р. 128], учитывая имевшиеся войска и оборонительные сооружения вокруг столицы. Фактически никакого штурма столицы и не было. В Тегеран вошли около 800 конников-бахтияров, свободно профилировавших к шахскому дворцу, где их встретили персидские казаки, вступившие с ними в перестрелку. Однако, как только лидеры «конституционалистов» в лице Сепахдара-Азама заключили перемирие с шахом, в столице сразу восстановилась мирная жизнь. «Едва прекратилась стрельба, – пишет Дэвид Фрезер, – как трамваи возобновили работу, начали курсировать наемные экипажи и открываться магазины. Бахтияры и революционеры патрулировали улицы, в то время как персидские казаки и другие солдаты-роялисты расхаживали по улицам и, казалось, братались с прохожими,

с которыми всего за день до этого они вступили в смертельную схватку» [14, р. 136].

То, что правительственные войска не смогли бы справиться с мятежным Тебризом, в глазах западных наблюдателей было очевидным фактом. Ничто не характеризует состояние страны как состояние ее армии. В этом отношении все очевидцы были единогласны в том, что в Иране армии как таковой не было.

Бенджамин Мур описывал свой эскорта из персидских солдат-суваров, сопровождавших его в пути через Хорасан, как «бедных обрванцев, плохо питавшихся и не получавших жалования», сопровождавших его «на тощих дрожащих лошадях» [16, р. 166]. Вильям Крессон, наблюдавший за военными экзерцициями шахской армии на центральной площади Тегерана перед Дворцом, описал свои впечатления следующим образом: «Немногие из рядовых могли похвастаться полным вооружением, и их «униформа» часто состояла из овчинных «кафтанов», мешковатых персидских брюк и дубленок, хотя некоторые офицеры носили униформу, скопированную с тех, что носили в европейских странах» [13, р. 77]. А Джону Хону «посчастливилось» встретить шахские части, отходившие из-под Тебриза весной 1909 г.: «Когда мы проезжали мимо, они растянулись на пять или шесть миль, их было около четырехсот, кучки усталых и подавленных, но добродушных мужчин, которые позволяли себя фотографировать. Их повозки с багажом и лошади были нагружены грязными тряпками и ржавым огнестрельным оружием, а их офицеры в полуслоне растянулись на спинах мулов» [15, р. 48].

В связи с тем, что жалование не выплачивалось совсем, так как «сьедалось» офицерами, либо выплачивалось крайне нерегулярно, рядовые солдаты были вынуждены как-то сами себя содержать. Вильям Крессон пишет о том, что он часто встречал солдат на базарах в качестве лавочников, причем почему-то «излюбленным занятием военных, по-видимому, является вполне приемлемая профессия мясника» [13, р. 76]. Элла Сайкс, подтверждая наблюдение Крессона, добавляет, что, отправляясь в поход, частенько «солдаты крадут еду у незадачливых жителей деревни, так как у них нет денег для возмещения ущерба» [10, р. 60]. И в принципе, те, кто вынужден идти в солдаты, делают это из-за нужды. Как отметил Дэвид Фрезер, «персидский доброволец – это, как правило, человек без собственности, без морали, без мужества» [14, р. 101]. И вместо демонстрации воинской доблести такой солдат при первом же предоставившемся случае обращается в бегство.

Пожалуй, единственными боеспособными подразделения в составе шахских войск были персидские казаки, которые, по словам Вильяма Крессона, «были эффективно обучены и оснащены в соответствии с европейскими стандартами,

находящиеся под командой русских офицеров» [13, р. 79]. Именно казачьи части под командованием русского офицера В. А. Ляхова находились в первых рядах, когда в июне 1908 г. был разогнан маджлис в Тегеране, и когда войска конституционалистов летом 1909 г. двигались на столицу.

Кто же противостоял шахским частям, где самыми боевыми подразделениями были персидские казаки под командой русских офицеров? Уже приводился факт, упоминаемый Девидом Фрезером, что «конституционисты», или «националисты», «практически не получали поддержки от горожан столицы, за исключением армян, многие из которых вышли на улицы и приняли участие в боевых действиях» в июле 1909 г. [14, р. 128]. Джон Хон, следовавший в Тегеран через Гилян, также пишет, что «дух бунтарства, какой был в Реште, должен быть отнесен на иностранный счет, где вместе с ее собственно армянским населением, есть и лихие солдаты удачи из-за границы. Последние были в основном кавказцами, татарами и так далее» [15, р. 28]. Понятно, что под кавказцами в данном случае понимались грузины и армяне, а под «татарами» – представители современной Республики Азербайджан.

Опять же по свидетельству Девида Фрезера, среди «кавказцев», воевавших в Персии против шаха, были сильны антирусские настроения. Он даже приводит свой разговор с армянином, правда турецкого происхождения, который заявлял, что, «несмотря на все ужасы, переживаемые армянами под турецкой властью, они скорее предпочтут жить под турецким флагом, чем под русским» [14, р. 139], из-за стремления России к национальному уничтожению самобытного армянского народа. Подобные пришлые революционеры, представлявшие собою небольшую, но организованную часть «конституционистов», боролись против власти персидского шаха, усматривая в его фигуре «марионетку» русского империализма. Поэтому они рассматривали Персию в качестве «военной базы» против «имперской» России. «Именно эти идеи вдохновляли революционные общества Тифлиса, Баку и Константинополя, которые финансировали это движение с самого его зарождения» [14, р. 140], утверждает Фрезер.

Данную картину хорошо дополняет Артур Мур, явившийся очевидцем осады Тебриза, находясь среди осажденных. По его словам, одну из главных ролей в обороне города играли армянские националисты из «ужасного братства Дашнакцутюн, которые на памятных вечерах в Тебризе пели “Марсельезу” с заразительной раскатистостью, которая могла бы разжечь пламя революции в душе ростовщика. Смуглые, широкогрудые, веселые ребята, с неизменными патронташами и пистолетами “Маузер” при себе даже на пирах, они составляли любопытную компанию» [16, р. 63]. Во главе этих боевиков стоял

Эфраим – знаменитый «персидский Гарибальди» Епрем Давтян. «Именно он, как мне сказали, совершил покушение на вице-короля Кавказа и был главным палачом общества “Дашнакцутюн”. Все его жертвы были членами общества, приговоренными к смертной казни за злоупотребление доверием, и мне сказали, что он сам признался в совершении более двухсот убийств во исполнение постановлений общества», – писал Артур Мур [16, р. 64]. Это тот самый Эфраим, который после взятия столицы в союзе с Сипахдар-Азамом и лидером баhtiар Али Коли хан Бахиари Сардар Асадом в июле 1909 г. стал вместе с В. А. Ляховым начальником полиции [14, р. 138].

И если на севере страны пришельцы с Кавказа сыграли главную роль в успехах «конституционистов» против шаха в 1909 г., то на юге таким «революционным» элементом оказались племена баhtiар. Почему так получилось подробно описывает Девид Фрезер, заявивший, что «за исключением Сардар Асада, побывавшего в Европе, вероятно, никто из баhtiар по сей день не достиг понимания того, что такая конституция, кроме того, что она приносит добычу соплеменникам и жирные должности их вождям» [14, р. 88]. Дело в том, что старший брат Сардар Асада – Наджаф Коли хан Бахиари Самсам ас-Салтане, и, следовательно, глава баhtiар – ильхан, оказался в опале за свои злоупотребления властью в качестве губернатора Исфахана. Подстрекаемый Сардар Асадом «отомстить» шаху за его несправедливые действия, Самсам ас-Салтане присоединился к призыву своего младшего брата идти на Тегеран, чтобы вернуть утраченную власть над Исфаханом. И после падения столицы, по словам Фрезера, «баhtiары быстро потеряли интерес к идеям кавказских революционеров. Они понесли значительные потери в результате своего приключения и были склонны винить в этом Самсам ас-Салтане и Сардар Асада» [14, р. 141]. Таким образом, союз между баhtiарами и «северянами» оказался времененным и тактическим объединением, где каждая сторона имела свои цели, лишь косвенным образом связанные с идеями конституционного движения.

В целом неудивительно, что в иранском парламенте, маджлисе, были сильны позиции именно представителей севера страны, как раз тех районов, «где постоянный контакт с беспокойным населением Кавказа познакомил людей с принципами свободы и народного правления» [13, р. 109]. И такое положение дел, по мнению Вильяма Крессона, не могло способствовать конструктивному решению стоящих перед страной проблем, когда все «тонуло» в многословных и бесплодных дебатах, когда большую часть времени посвящали тирадам против шахской власти и его представителей. Буквально опьяненные полученной свободой и представительной формой

власти, по словам Артура Мура, народные избранники, как оказалось, «преследовали лишь тень, и маджлис потратил много времени, отдавая приказы, которые некому было выполнять» [16, р. 40]!

Практика тиражирования законопроектов набрала невиданные темпы, но в действительности никто не хотел или не мог их исполнять на местах, где оставалось все без движения. Причина подобного развития событий, по убеждению Девида Фрезера, крылась в том, что «депутаты суют свой нос во все углы, приказывают полиции делать то-то и то-то, разъясняют населению их обязанности по отношению к соседям» [14, р. 31], что приводит к хаосу и неразберихе в делах управления страной, так как дискредитируется правительство, являющееся исполнительной властью.

Чехарда в центре соответствующим образом отражалась и на местном управлении. Окончательная дискредитация шаха и его власти, еще больше пала в глазах подданных после возвещения на трон малолетнего сына смешенного шахиншаха Мохаммада Али Шаха – Ахмад Шаха, оказавшегося полностью в руках регента и советников. Это привело к всплеску сепаратистских настроений, в первую очередь, со стороны кочевых племен юга и центра страны, вновь почувствовавших возможность возвращения к прежним вольным временам. В Ширазе воспряли кашкаи, в Исфахане – бахтиары, в Азербайджане – шахсевены, а в Мухаммере – арабы. Стране вполне реально грозила вероятность погружения в состояние хаоса и анархии, что не могло не беспокоить западных наблюдателей, так как «растущая анархия грозит перерости в иностранное вмешательство» [14, р. 13], по поводу чего выражал свое опасение Девид Фрезер. Фактически он оказался прав впоследствии, имея в виду действия России по разгону маджлиса в 1911 г., чем и закончилась официально Иранская революция.

Предсказывая подобное развитие событий, западные наблюдатели выказывали свой скептицизм в способностях самих персов выйти из ситуации, стремительно скатывавшейся в острый кризис. Вильям Крессон обращает внимание на живой интерес его иранских визави к политической жизни, так как те довольно сносно разбираются в основных вопросах мировой политики [13, р. 117]. Однако, как признают сами же путешественники, людей с активной политической позицией среди персов значительное меньшинство.

Бенджамин Мур, встречаясь со многими представителями правящегося слоя на уровне губернаторов городов, приходит к крайне неутешительным мыслям. Проговорив с губернатором Нишапура более часа о политическом положении Персии, Мур написал: «В этом было что-то

почти трогательное, поскольку на его лице застыло выражение природного ума, отступившего от бездействия и изоляции» [17, р. 133]. А после разговора с губернатором Бустама вывод был еще более бескомпромиссным: «Я не претендую на то, чтобы судить, но персы производят на меня впечатление безнадежно деградировавшей расы, и я не могу поверить, что они способны достойно управлять своими делами» [17, р. 191]. Поэтому, согласно выводу Девида Фрезера, персы сами не могут гарантировать поступательного движения в сторону представительной системы власти по образу и подобию политической модели Запада. «В Персии пока еще отсутствует дух альтруизма и самопожертвования, который так характерен для прогресса западного государства», – заявляет он [14, р. 182].

В сложившихся условиях две великие державы – Великобритания и Россия, которые уже, согласно соглашению от 1907 г., взяли на себя определенную ответственность за судьбы Персии, должны и далее реализовывать свои обязательства. Потому что, как заявил Артур Мур, «предоставить Персию самой себе, в действительности, означало бы оставить ее вариться в собственном соку». А это идет вразрез с чаяниями большинства персов, которые «ничего так сильно не желают, как иностранного вмешательства» [16, р. 138]. Позиция двух великих держав в Персии основывается на стремлении совместного осуществления крупных преобразований, которые будут преследовать две цели – сохранение независимости Персии и поддержание дружественных отношений с Россией и Великобританией, скрепленных общей системой ценностей, уверен Артур Мур [16, р. 164]. С этим был согласен и Девид Фрезер, подчеркивая тот факт, что Россия в своей политике настроена всеми силами обеспечивать на севере Персии спокойствие и безопасность, процветание торговли и функционирование государственного аппарата [14, р. 163].

Таким образом, подводя общие итоги прошедшего анализа, можно с уверенностью констатировать тот факт, что события Иранской революции 1905–1911 гг. оказывали мощное влияние на внутриполитическую жизнь Ирана на протяжении всего XX в., став отправной точкой идейной борьбы, превратившей «иранское пробуждение» в «исламское пробуждение» аятоллы Хомейни.

Прежде всего, в возникновении «иранского пробуждения» обращает на себя внимание трактовка «мифа об отсталости» Персии, который в изложении западных путешественников выступает в качестве отличительной черты традиционного уклада жизни и мировоззрения, присущей иранскому населению, на условия жизни которого оказывает огромное влияние специфики географического расположения страны и исповедание ислама шиитского толка. Европейские

наблюдатели вовсе не идеализировали традиционный уклад жизни персов, они в действительностии были в культурном шоке от него. Но это вовсе не означало, что большинство населения страны с надеждой и верой ожидали проведения реформ по пути вестернизации общественной сферы. Наоборот, вопреки официальному «мифу» о всеобщем преклонении перед западной культурой и цивилизацией, а также «арийскому мифу» о ментальной близости иранцев и европейцев, на практике выходило, что большинство народных масс в принципе не имели никакого понятия о сути происходящего в стране. Фактически «революция» осуществлялась в узком кругу лиц и в нескольких городах страны – Тегеране и Тебризе. К тому же, как показывают причины, заставлявшие основных участников движения выходить на политическую арену революционной борьбы, они были весьма далеки от революционных идей и целей, предпочитая руководствоваться сугубо личными и меркантильными интересами в борьбе за власть, используя происходящие события для смещения своих внутренних соперников и врагов.

Тот факт, что подавляющая масса населения оказалась за рамками данных событий, предпочитая пассивно наблюдать за происходящим со стороны, привело к тому, что самой действенной и революционной частью ее участников стали лица, которые не являлись подданными персидского шаха. Богатый материал, содержащийся в травелогах, содержит массу информации об иностранных участниках данных событий, причем с обеих сторон – революционеров и сторонников монархии. По мнению западных наблюдателей, события в стране были вызваны не внутренними причинами, как это можно было наблюдать в истории Западной Европы, а критической слабостью центральной власти и активным вмешательством во внутренние дела извне. Дарование конституции и деятельность представительного парламента, маджлиса, не привела к стабилизации ситуации и консолидации страны. Как раз наоборот, как демонстрируют материалы травелогов, страна и общество оказались на грани раскола и анархии, что грозило политическим распадом. Поэтому западные комментаторы приходят к выводу о целесообразности и желательности оказания всемерной

поддержки «зарождающейся демократии» со стороны великих держав, выступающих гарантами целостности Персии в лице Великобритании и России, признавая их прогрессивную роль.

Список литературы

1. Keddie N. R. Religion and Rebellion in Iran: The Iranian Tobacco Protest of 1891–1982. New York : Routledge, 1966. 181 p.
2. Algar H. Mirza Malkum Khan. A Study in the History of Iranian Modernism. Berkeley : University of California Press, 1973. 340 p.
3. Moazami B. State, Religion, and Revolution in Iran, 1796 to the Present. London : Palgrave Macmillan, 2013. 214 p.
4. Kermani N. I. Tarikh-e Bidari-ye Iranian. Tehran : Amir Kabir antasharat, 1387. 634 s. (на перс. яз.).
5. Kasravi A. Tarikh-e Mashruteh-ye Iran. Tehran : Negāh antasharat, 1381. 951 s. (на перс. яз.).
6. Ansari A. M. The politics of nationalism in modern Iran. New York : Cambridge University Press, 2012. 344 p.
7. Ha'iri 'A. H. Shi'ism and constitutionalism in Iran: A study of the role played by the Persian residents of Iraq in Iranian politics. Leiden : E. J. Brill, 1977. 296 p.
8. Curzon G.N. Persia and the Persian question : in 2 vols. London : Longmans, Green and Co., 1892. Vol. 2. 706 p.
9. Sykes P. M. A history of Persia : in 2 vols. London : Macmillan And Co., 1915. Vol. 2. 662 p.
10. Sykes E. C. Persia and its people. New York : Macmillan, 1910. 422 p.
11. Wishard J. G. Twenty years in Persia: A narrative of life under the last three shahs. New York : Fleming H. Revell Company, 1908. 345 p.
12. Anet C. Through Persia in a motor-car. New York : D. Appleton and Company, 1908. 375 p.
13. Cresson W. P. Persia, the awakening East. Philadelphia : J. B. Lippincott, 1908. 352 p.
14. Fraser D. Persia and Turkey in Revolt. London : William Blackwood and Sons, 1910. 564 p.
15. Hone J. M. Persia in revolution; with notes of travel in the Caucasus. London : T. F. Unwin, 1910. 312 p.
16. Moore A. The Orient express. London : Constable & Company, 1914. 320 p.
17. Moore B. B. From Moscow to the Persian Gulf, being the journal of a disenchanted traveler in Turkestan and Persia. New York : G. P. Putnam, 1915. 450 p.

Поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 22.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 22.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 383–388

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 383–388

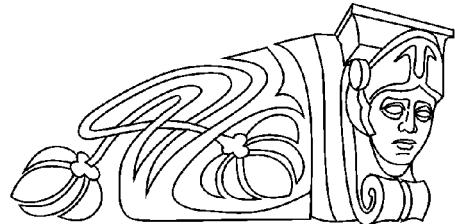
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-383-388>, EDN: QGIPAE

Научная статья

УДК [329(73):339.732.4] | 19/20 | +929

Международный валютный фонд в фокусе партийного соперничества в США (конец XX – начало XXI в.)

Ю. Г. Голуб[✉], С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, AuthorID: 299696

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, AuthorID: 71950

Аннотация. Статья посвящена изучению эволюции Международного валютного фонда под воздействием различных международных интересов, в первую очередь политической элиты Соединенных Штатов. Основной акцент делается на анализе процесса реформирования МВФ и влияния на него различных американских администраций. Обосновывается предположение, что возвращение Д. Трампа не прекратит членство США в фонде, который постарается приспособить его к решению своих стратегических задач.

Ключевые слова: Международный валютный фонд, Всемирный банк, США, Китай, К. Лагард, К. Георгиева, Д. Трамп, Дж. Байден, реформы

Для цитирования: Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. Международный валютный фонд в фокусе партийного соперничества в США (конец XX – начало XXI в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 383–388. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-383-388>, EDN: QGIPAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The International Monetary Fund in the focus of party rivalry in the United States (late XX – early XXI centuries)

Yu. G. Golub[✉], S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri G. Golub, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, AuthorID: 299696

Sergei Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, AuthorID: 71950

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the International Monetary Fund under the influence of various international interests, primarily the political elite of the United States. The main focus is on analyzing the IMF reform process and the impact of various American administrations on it. The assumption is substantiated that D. Trump's return will not terminate the US membership in the fund, he will try to adapt it to solving his strategic tasks.

Keywords: International Monetary Fund, World Bank, USA, China, K. Lagarde, K. Georgieva, D. Trump, J. Biden, reforms

For citation: Golub Yu. G., Shenin S. Yu. The International Monetary Fund in the focus of party rivalry in the United States (late XX – early XXI centuries). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 383–388 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-383-388>, EDN: QGIPAE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процессы деглобализации и фрагментации мирового порядка, которые явным образом стали проявлять себя после спада пандемии, по сути своей означают распад сложившихся глобальных финансово-экономических и торговых отношений. Этот процесс достаточно болезненно ощущают практически все заметные акто-

ры международных отношений, но наиболее чувствительно его воспринимают Соединенные Штаты, поскольку именно они после Второй мировой войны формировали механизм мировой экономики, контролировали его и являлись главным бенефициаром. Соответственно, очевидна повышенная заинтересованность США

в сохранении существующего мирового экономического порядка. Однако в отношении того, как добиться искомого результата, как обеспечить функционирование важнейших международных многосторонних институтов, поддерживающих жизнеспособность этой системы, в американской правящей элите существует несколько точек зрения.

Поскольку одним из важнейших инструментов глобальной экономической системы является Международный валютный фонд (МВФ), функционеры из различных американских администраций пытались использовать его в своих интересах для реализации глобальных схем. В результате на фонд действуют разнонаправленные импульсы, которые не позволяют ему обеспечивать устойчивую деятельность. Соответственно, многие государства-члены МВФ (особенно менее развитые страны глобального Юга) выражают недовольство неэффективностью этого международного института, что может угрожать падением его авторитета, потерей легитимности и переориентацией на альтернативные источники кредитования. Таким образом, конфликт между стремлением использовать фонд в интересах Соединенных Штатов и сохранением его влияния на мировую финансово-экономическую систему и лежит в основе противоречивого отношения к МВФ со стороны республиканских и демократических администраций в США.

Как известно, Международный валютный фонд был создан одновременно с Международным банком реконструкции и развития (который со временем превратился во Всемирный банк) в рамках Бреттон-Вудской конференции в 1944 г. При этом последний рассматривался как кредитное учреждение, ориентированное на долгосрочное развитие и социальные проекты. В свою очередь, МВФ должен был отслеживать денежно-кредитную политику для обеспечения стабильности мировых рынков и национальных валют. С функциональной точки зрения фонд должен был для этого предоставлять своим членам (тогда их было 44, а сегодня – 190 государств) доступ к общему пулу ресурсов, которые формируются из финансовых обязательств (или квот), вносимых каждой страной в зависимости от размера ее экономики. Теоретически государства-члены, испытывающие проблемы с дефицитом бюджета и стабильностью национальной валюты по отношению к золото-долларовому стандарту (который также был определен на Бреттон-Вудской конференции), могли обратиться за помощью к МВФ, чтобы обеспечить ее устойчивость. Еще одной функцией фонда стало прогнозирование в отношении состояния национальных экономик.

Однако в 1971 г. Соединенные Штаты отказались от привязки доллара к золоту, что привело к созданию Ямайской системы с плавающими курсами валют, определяемыми рыночным путем. Новая система уже к началу 1980-х гг.

привела к тяжелым долговым кризисам в ряде слаборазвитых стран. В такой ситуации МВФ нашел себе новое применение – им стали предоставляться кредиты в обмен на выполнение конкретных условий фонда, направленных на обеспечение устойчивости государственных финансов и восстановление экономического роста. На практике после осуществления мониторинга национальной экономики фонд должен был разрабатывать программу реформ, нацеленных на обеспечение сбалансированного бюджета, отмену государственных субсидий, приватизацию государственных предприятий, либерализацию торговой и валютной политики, а также устранение барьеров для иностранных инвестиций и потоков капитала.

Указанная функциональная переориентация МВФ произошла под влиянием доминировавшей в 1980-е гг. неоклассической парадигмы, а затем легализована под эгидой «华盛顿ского консенсуса», когда фонду была отдана главная координирующая роль в рамках так называемого «картеля кредиторов», т. е. частных и государственных международных финансовых институтов. Особенно активно по новой схеме МВФ работал со странами-должниками в Латинской Америке. Наиболее успешной для фонда стала программа борьбы с мексиканским долговым кризисом 1994 г.

Однако авторитет и популярность МВФ начали снижаться после вспышки ряда долговых кризисов в азиатских странах в 1997–1998 гг. Разработанные фондом программы реформ, основанные на «затягивании поясов», стали активно критиковаться как неэффективные и даже вредные. С еще более жесткой критикой МВФ столкнулся после начала рецессии в США в первые годы XXI в. Фонду инкриминировалось то, что он не смог предупредить о появлении двух крупнейших инвестиционных «пузьрей» – на фондовом рынке (который лопнул в 2002 г.) и на рынке жилья в США (2007–2008 гг.). Оба этих «пузьря» подвели мировую экономику к спаду. Кроме того, в 2005 г. Министерство финансов США впервые открыто раскритиковало МВФ, обвинив глобального кредитора в том, что он «спит за рулем», т. е. оказался неспособен контролировать валютный курс китайского юаня [1].

Все эти неудачи подвели функционеров МВФ и его главных акционеров к необходимости приступить к реформам самого фонда. При этом, несмотря на то что многие авторитетные эксперты (например, Дж. Сакс и Дж. Стиглиц) считали, что неверна сама методология формирования программ фонда, по-прежнему ориентирующаяся на жесткую экономию, реформированию подверглась лишь количественная составляющая его подходов.

Между тем, по мнению ведущих стран-акционеров МВФ, включая США при администрации

Б. Обамы, снижение его популярности и эффективности было связано в первую очередь с тем, что менее развитые государства и страны формирующихся рынков не могли отстаивать свои интересы в рамках процесса принятия решений в отношении программ кредитования фонда. Это было связано с тем, что страны G7 за счет своих квот в сумме имели значительное преимущество при голосовании – около 45%. К тому же дополнительно Вашингтону без особого труда удавалось привлекать на свою сторону также Австралию, Новую Зеландию, Саудовскую Аравию, Израиль и многих других, что обеспечивало пул голосующих акций в районе 63% и право единолично диктовать характер и направленность программ кредитования и реформирования [2].

Тем не менее в рамках институциональной реформы, которая была одобрена странами G20 в 2010 г., было решено обозначить некоторый тренд в сторону изменения баланса сил в пользу стран развивающихся рынков. В результате пересмотра квот в капитале фонда доля «недооцененных» стран должна была увеличиться на 6 процентных пунктов или на два места из двадцати четырех в совете директоров МВФ. Кроме того, было предусмотрено удвоение капитала фонда: он должен был увеличиться с 238,5 млрд СПЗ¹ до 477 млрд СПЗ, что примерно эквивалентно 659 млрд долл. США [3].

Несмотря на то, что администрация Обамы выступила в качестве «застрельщика» реформы, американский Конгресс отказывался ратифицировать предлагаемые изменения. Законодатели опасались потери возможности единолично контролировать решения фонда (США имели право вето, поскольку в общем количестве голосов акционеров их доля была выше 15%, а именно 16,73%), а также не хотели платить дополнительные 60 млрд долл. для удвоения капитала. Конгресс одобрил удвоение квоты МВФ только через пять лет – в конце 2015 г. В целом этот пятнадцатый по счету за всю историю фонда пересмотр квот стал самым объемным и довел его суммарную финансовую мощь до почти 1 трлн долл. [4].

Победа Трампа в президентской гонке в 2016 г. с угрозой воспринималась всеми международными организациями, поскольку республиканец крайне негативно относился к глобализму и, соответственно, многосторонним структурам, которые составляли его основу. Особенно остро ощутили на себе это отношение Трампа такие проекты, как НАФТА, НАТО, ВТО, ЮНЕСКО и Транстихоокеанское партнерство.

МВФ и его бенефициары также опасались ударов со стороны президента-консерватора. Надо отметить, что многие представители его администрации, например, Дж. Болтон и С. Бэнсон,

требовали включить МВФ в «антаглобалистскую повестку» и упразднить, а также приватизировать Всемирный банк. Однако под влиянием членов администрации и конгрессменов, связанных с Уолл-стритом, в первую очередь Г. Кона и С. Мнучина, Трамп проявил сдержанность. Такая позиция финансистов была обусловлена тем, что фонд за счет средств пула мог способствовать стабилизации стран, испытывающих трудности с платежным балансом, а значит, поддерживать покупательную способность населения.

Одновременно руководство МВФ стремилось инициативно и конструктивно взаимодействовать с администрацией и даже утверждало, что не ждет от Трампа ничего деструктивного, включая валютных войн [5]. Подчеркивалось также, что с президентом у фонда «отношения спокойные, даже дружественные», и более того, администрация делала прямые «заявления в поддержку действий и позиций МВФ» [6].

Среди главных причин, почему Трамп терпимо относился к одной из самых глобалистских по характеру многосторонних организаций, являлась не только возможность не тратить деньги американского бюджета для решения мировых финансовых проблем, но и перспектива укрепления влияния администрации во многих странах для продвижения правоконсервативной повестки (например, в Эквадоре) [7]. При этом благосклонное отношение Трампа к фонду выражалось в весьма заметных шагах. Так, «приятным сюрпризом» для МВФ явилось согласие Трампа на выделение Аргентине 50 млрд долл., что стало крупнейшим кредитом МВФ за всю его историю. «Раскрывая секрет» хороших отношений с президентом-антаглобалистом директор-распорядитель фонда К. Лагард заметила, что «иногда полезно быть немного глуховатой», т. е. не замечать враждебной риторики со стороны некоторых представителей администрации [8].

Тем не менее уже в середине 2018 г. отношения фонда и Белого дома стали портиться. К. Лагард упрекнула Д. Трампа, что заградительные пошлины, которые устанавливали США против импорта из ЕС и Китая, могут негативно сказаться на темпах роста мировой экономики. В конечном итоге под давлением администрации Лагард была заменена на К. Георгиеву. Ранее она работала во Всемирном банке. Ее взгляды на смысл деятельности фонда заметно отличались от идеологии трампизма. Георгиева больше ориентировалась на левоцентристские круги в США, считала важным продвигать аспекты, связанные с климатическими проблемами и развитием человеческого капитала. Тем не менее президент все же не стал возражать против данной кандидатуры. Видимо, сказались близкие отношения Георгиевой с Иванкой Трамп [9].

¹СПЗ – специальные права заимствования – искусственное резервное и платёжное средство, эмитируемое МВФ. Имеет только безналичную форму в виде записей на банковских счетах.

Однако уже в январе 2020 г. новое руководство МВФ в лице К. Георгиевой также рассорилось с Трампом. Оно не поддержало его восторженных оценок роста американской экономики, которые должны были занять центральное место в предвыборной программе республиканца. Трамп очень быстро нанес фонду ответный удар, заблокировав весной 2020 г. эмиссию СПЗ для борьбы с коронавирусом на сумму 650 млрд долл. При этом официально администрация объяснила такой шаг несправедливым распределением средств в пользу развитых стран из-за системы квот, а также необходимости не допустить передачу резервов Китаю и Ирану. Между тем ранее, в 2009 г., МВФ достаточно успешно распределил СПЗ на сумму 250 млрд долл., что позволило увеличить объем ликвидности в странах, испытывавших нехватку наличности во время финансового кризиса 2008–2009 гг.

Приход в Белый дом демократа Дж. Байдена, произошедший в разгар пандемии, оказался крайне благоприятным для реализации «левого поворота» Георгиевой. Новая администрация сразу же поддержала ее «антиковидный план» рекордной эмиссии и распределения СПЗ на 650 млрд долл., дала добро на шестнадцатый пересмотр квот, который должен произойти до декабря 2023 г., а также не стала препятствовать в сборе дополнительных средств с должников, что увеличивало фонды МВФ на сотни миллиардов долларов [10].

Кроме того, при полной поддержке администрации Байдена, МВФ инициировал программу «Продовольственный кризис» (Food Shock Window – FSW), которая должна была помочь бедным странам-членам, страдающим от нехватки продовольствия из-за высоких цен на зерно. Также был создан «Фонд поддержки устойчивости» (Resilience and Sustainability Trust – RST) для предоставления долгосрочного финансирования странам с низким и средним уровнем дохода с целью борьбы с последствиями изменения климата, инвестирования в «зеленый переход», планирования семьи и т. п. Наконец, Георгиева, несмотря на протесты отдельных республиканцев в Конгрессе из-за ее якобы очевидной прокитайской позиции во время работы во Всемирном банке, была переизбрана в 2022 г. [11]. МВФ, со своей стороны, поддержал план Байдена по повышению налогов на прибыль корпораций и согласованию глобального минимального налога. Руководство фонда полагало, что компании и состоятельные частные лица, которые преуспели во время пандемии, могут позволить себе платить больше.

С другой стороны, руководство МВФ было озабочено дальнейшим падением популярности и, по большому счету, легитимности фонда в странах глобального Юга. Последние были недовольны тем, что мировой кредитор работает

по разным методикам в развитых и развивающихся странах: в первом случае программы МВФ ориентируются на стимулирование спроса с помощью бюджетных средств, а для вторых предписывается программа жесткой экономии бюджета, «затягивания поясов», которая часто нацелена на выплату долгов частным кредиторам. Кроме того, бесконечные разговоры о пересмотре квот не привели ни к какому изменению в вопросе принятия решений внутри фонда. США вместе со странами-членами G7 продолжали контролировать голосование по всем вопросам. Наконец, фонд вынужден отказывать в предоставлении экстренных кредитов подсанкционным правительствам (как в случае с Ираном и Венесуэлой в начале пандемии), что могло заставить некоторые страны обращаться к альтернативным партнерам – кредитным институтам стран БРИКС, в первую очередь Китая [12].

МВФ предпринял некоторые шаги для решения указанных проблем. Например, в 2022 г. Международный валютный фонд впервые согласился на условия, позволявшие правительству Аргентины придерживаться стратегии, направленной на экономический рост без удушающего «затягивания поясов» [13].

В целом с разработанной реформистской повесткой и расширявшимся спектром функций руководство фонда смотрело в будущее достаточно оптимистично. Однако к 2023 г. стало очевидно, что под ударами пандемии и обострившегося geopolитического противостояния происходит фрагментация мировой экономики и дезинтеграция глобальной финансовой системы. Ведущими правительствами (США, ЕС, Китая) под лозунгом «национальной безопасности» стал использовать протекционизм всех видов – санкции, торговые войны, навязывание трудовых стандартов, меры контроля за движением капитала и т. д. Таким образом, ориентация на глобальную либерализацию рынков была окончательно заменена на так называемую «промышленную политику» [14]. Содержание последней серьезно отличалось от модели МВФ, основанной на безусловной поддержке правил свободной торговли и конкуренции, где роль правительства ограничивается обеспечением функционирования рынка.

Приспособление к новой глобальной экономической модели для МВФ представляется весьма болезненным и во многом противостоящим процессом. В этой связи руководители международных многосторонних институтов пытались развернуть кампанию по убеждению лидеров Запада в порочности их планов. Так, сама К. Георгиева продолжала публично наставлять, что экономические интервенции приведут к замедлению всемирного экономического роста и что аргументы в пользу вмешательства правительства в рыночную стихию крайне неубедительны. А ее коллега из Всемирного банка

А. Косе публично сравнил промышленную политику стран Запада с выстрелом себе в ногу и т. п. [15].

Кроме того, Георгиева еще активнее пытается получить поддержку влиятельных прогрессистских кругов в США. При этом она настаивала на необходимости энергичнее смещать фокус активности фонда на задачи либерал-глобалистского движения. Иными словами, кредитование МВФ должно быть направлено на решение проблем климата и «зеленого транзита», социальных диспропорций, нехватки продовольствия, борьбы с бедностью, готовности к пандемиям, а кроме того, необходимо более смело подходить к вопросам пересмотра квот и активного использования инструмента СПЗ [16].

Однако администрация Байдена по-своему рассматривала роль МВФ и ВБ в реализации «промышленной политики». Ее ключевые игроки считали, что многосторонние институты должны организовать помочь странам глобального Юга таким образом, чтобы оторвать их от кредитов КНР. Представители Белого дома начали негативно высказываться о стремлении фонда играть более активную роль в решении таких глобальных проблем, как пандемия, нехватка продовольствия и изменение климата. Одновременно подчеркивалась важность возвращения к своей основной миссии сосредоточения на стабилизации макроэкономической ситуации и предупреждающей аналитике, оставив проблему изменения климата Всемирному банку. Такое «разделение труда», считали в администрации, повысит шансы на получение дополнительного финансирования фонда от Конгресса [17].

В начале октября 2023 г. во время своего выступления на G20 президент Байден сформулировал окончательную версию подхода официального Вашингтона к реформам МВФ. Он заявил, что развитые страны должны увеличить капитал МВФ и ВБ на 200 млрд долл. США для фонда должны выделить дополнительно 21 млрд долл., но без пересмотра квот, ибо такой пересмотр позволил бы Китаю переместиться с третьего места на второе, заметно увеличив влияние Пекина в фонде.

В целом, на наш взгляд, такое решение стало результатом консенсуса в правящих кругах США, который заключался в том, что МВФ не будет вмешиваться в формирование глобальной повестки, страны Юга получат больше кредитов под американским контролем, а Китай при этом не сможет нарастить свое влияние.

Однако в рамках развернувшейся в США предвыборной борьбы МВФ неожиданно столкнулся с более серьезными для себя угрозами, чем просто переориентация в сторону «промышленной политики». В программе Д. Трампа «Проект 2025», подготовленной коллективными усилиями консервативного сообщества, МВФ обвинялся в том, что результаты предоставляемой

им помощи по укреплению мировой финансовой стабильности в лучшем случае неоднозначны – она чаще тормозит экономический рост, чем способствуют его ускорению. Также утверждалось, что фонд создает «дорогостоящих посредников», которые «перехватывают» американское финансирование до того, как оно может быть распределено на проекты за рубежом. Поэтому США должны выйти как из МВФ, так и ВБ [18]. На аргумент о том, что Китай в этом случае займет место США, трамписты заявляли, что «если Китай хочет тратить деньги на Всемирный банк и МВФ, то это их дело, но это не увеличит их могущество, а сделает их беднее» [19].

Правда, по общему мнению, после победы на выборах в ноябре 2024 г. команда Трампа заняла более умеренную позицию – угроза выхода США из МВФ ослабла, поскольку появилось понимание, что институт может понадобиться новому президенту в контексте обострения geopolитических противоречий. В целом, для Трампа желательно подтолкнуть фонд к поддержке своих позиций. Так, с учетом все более масштабных торговых споров с Китаем администрация может увеличить давление на фонд с целью объявить Китай «валютным манипулятором», незаконно добивающимся увеличения чистого экспорта, что может поставить торговое давление на Пекин в центр международного внимания.

Также МВФ может понадобиться Трампу для того, чтобы предоставлять поддержку дружественным странам, т. е. выдавать политически мотивированные кредиты, хотя при этом высказываются опасения, что такая политика может вызвать несогласие руководства фонда и других акционеров. С другой стороны, новая администрация может проявить еще большее сопротивление оказанию через фонд помощи странам с крупными непогашенными займами перед Китаем, требуя предварительно их реструктуризации.

Наконец, фонд может оказаться под давлением Трампа в отношении предоставления кредитов по линии «изменения климата». Правда, для этого новой администрации придется пойти на возможный конфликт с Европой по вопросу традиционного «дженеральменского соглашения» по назначению первых лиц в многосторонние институты. Имея возможность предлагать своего кандидата на пост руководителя Всемирного банка, Трампу на данном этапе также очень важно изменить повестку МВФ, для чего надо избавиться от К. Георгиевой с ее либерально-прогрессистскими приоритетами [20].

Список литературы

1. Setser B. Has the IMF been asleep at the wheel, and ignored surveillance of exchange rates? // Council on Foreign Relations. September 29, 2005. URL: <https://www.cfr.org/blog/has-imf-been-asleep-wheel-and-i>

- gnored-surveillance-exchange-rates (дата обращения: 08.12.2024).
2. *Weisbrot M.* The IMF's Lost Influence in the 21st Century and Its Implications // Challenge. July 25, 2016. URL: <https://cepr.net/the-imf-s-lost-influence-in-the-21st-century-and-its-implications/> (дата обращения: 08.12.2024).
3. Катасонов В. Реформа МВФ вступила в силу, но борьба ещё впереди // Русская народная линия. 1 февраля, 2016. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2016/02/01/reforma_mvf_vstupila_v_silu_no_borba_ew_yo_vpered/ (дата обращения: 08.12.2024).
4. *Mayed A., Mohsin S.* Trump Snubs Global Order Again as U. S. Rejects IMF Funding Boost // Bloomberg News. 13 December, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-12/u-s-treasury-opposes-increase-in-imf-s-permanent-capital-levels> (дата обращения: 08.12.2024).
5. МВФ не ожидает от Трампа «валютных войн» // Банки. Ру. 9 февраля, 2017. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=9536513> (дата обращения: 08.12.2024).
6. *Schadler S.* Trump and the IMF // Centre for International Governance Innovation. Policy Brief. № 118. October 2017. URL: <https://www.cigionline.org/static/documents/documents/PB{20no.118.pdf> (дата обращения: 08.12.2024).
7. *Weisbrot M.* The IMF is hurting countries it claims to help // The Guardian. August 27, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/27/imf-economics-inequality-trump-ecuador> (дата обращения: 08.12.2024).
8. *Mayeda A.* The IMF Is Doing Just Fine in the Age of Trump // Bloomberg. June 13, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2018-06-13/argentina-s-50-billion-bailout-shows-imf-enduring-under-trump/> (дата обращения: 08.12.2024).
9. *Heath R.* Meet the most powerful woman in Washington not named Nancy // Axios. October 18, 2019. URL: <https://wwwaxios.com/2019/10/27/imf-kristalina-georgieva-trump-tax-cuts> (дата обращения: 08.12.2024).
10. *Weisbrot M.* IMF surcharges: A necessary tool or counter-productive obstacle to a just and green recovery? // Bretton Woods Project. October 6, 2021. URL: <https://www.brettonwoodsproject.org/2021/10/imf-surcharges-a-necessary-tool-or-counter-productive-obstacle-to-a-just-and-green-recovery/> (дата обращения: 08.12.2024).
11. *Nichols H. U.* S. keeps distance from IMF chief // Axios. October 7, 2021. URL: <https://wwwaxios.com/2021/10/08/us-distance-imf-chief> (дата обращения: 08.12.2024).
12. *Bhusari M., Nikoladze M., Mohseni-Cheraghloou A.* Keeping everyone in the club: How sanctions complicate the Bretton Woods Institutions' job // Atlantic Council. July 28, 2022. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/keeping-everyone-in-the-club-how-sanctions-complicate-the-bretton-woods-institutions-job/> (дата обращения: 08.12.2024).
13. *Stiglitz J., Weisbrot M.* The IMF's Agreement with Argentina Could Be a Game Changer // Project Syndicate. March 10, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imf-argentina-agreement-growth-instead-of-austerity-by-joseph-e-stiglitz-and-mark-weisbrot-2-2022-03> (дата обращения: 08.12.2024).
14. *Tran H.* How the IMF can navigate great power rivalry // Atlantic Council. October 9, 2023. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/how-the-imf-can-navigate-great-power-rivalry/> (дата обращения: 08.12.2024).
15. *Cohen P.* The Global Turn Away From Free-Market Policies Worries Economists // The New York Times. April 17, 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/04/17/business/economy/industrial-policies-global-economy.html> (дата обращения: 08.12.2024).
16. *Harvey H.* Debt relief urgent for poor countries hit by climate shocks, says IMF chief // The Guardian. June 20, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/jun/20/climate-crisis-hit-poor-countries-should-have-debt-relief-says-imf-chief> (дата обращения: 08.12.2024).
17. *Kasfikis P.* Biden Administration Calls for IMF to Refocus on Core Mission and Secure Increased Funding Amidst Global Challenges // Greek News. September 9, 2023. URL: <https://www.greeknewsusa.com/biden-administration-calls-for-imf-to-refocus-on-core-mission-and-secure-increased-funding-amidst-global-challenges/> (дата обращения: 08.12.2024).
18. Heritage Foundation. Mandate for Leadership. The Conservative Promise. Project 2025. P. 701. URL: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FINAL.pdf (дата обращения: 08.12.2024).
19. *Schonhardt S., Waldman S.* Will Trump Quit the World Bank? // E&Enews. April 17, 2024. URL: <https://www.eenews.net/articles/will-trump-quit-the-world-bank-it-would-send-climate-shock-waves/> (дата обращения: 08.12.2024).
20. *Muhleisen M.* The IMF and World Bank did well under the first Trump administration. Will they again? // Atlantic Council. December 3, 2024. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/imf-and-world-bank-did-well-under-the-first-trump-administration/> (дата обращения: 08.12.2024).

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 389–396

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 389–396
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-389-396>, EDN: QPZOKS

Научная статья

УДК [355.426:355.1](470.44)|1921|(=112.2)

Советские вооруженные формирования в борьбе с повстанчеством на территории Области немцев Поволжья (март – апрель 1921 г.)

Г. К. Королев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Королев Герман Константинович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, korolev@xarconle-old.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8177-3747>, AuthorID: 1245012

Аннотация. В статье исследуется один из эпизодов борьбы советских вооруженных формирований с крестьянским повстанчеством в период завершения Гражданской войны. Речь идет о подавлении восстания на территории Области немцев Поволжья в марте – апреле 1921 г. Автор показывает ситуации, сложившиеся в лагерях двух противоборствующих сил – советских вооруженных формирований и крестьянских бунтовщиков – к моменту их столкновения, последовательно описывает происходящие события битвы в трех кантонах области – Марксштадтском, Зельманском и Бальцерском, обращает внимание на сильные и слабые стороны противников. Автор приходит к выводу о том, что в непростых условиях, благодаря продуманной организации военных действий, советским вооруженным формированиям удалось в короткий срок выполнить поставленную перед ними задачу: подавить восстание крестьян.

Ключевые слова: советские вооруженные формирования, крестьянство, повстанчество, военный коммунизм, немцы Поволжья, Область немцев Поволжья, Гражданская война

Для цитирования: Королев Г. К. Советские вооруженные формирования в борьбе с повстанчеством на территории Области немцев Поволжья (март – апрель 1921 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 389–396. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-389-396>, EDN: QPZOKS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

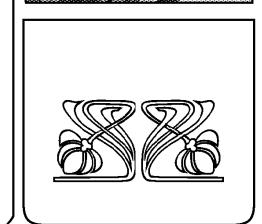
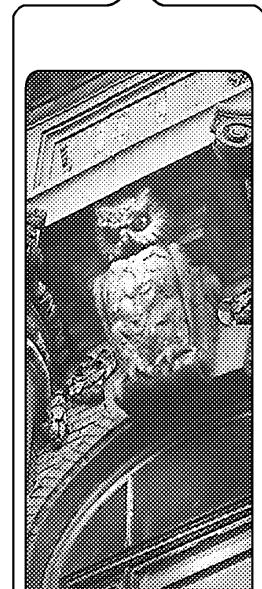
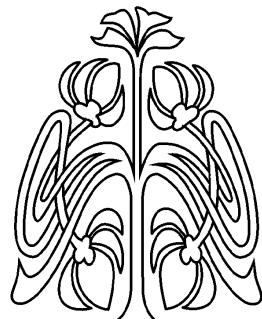
**Soviet armed formations in the fight
against the insurgency in the territory of the Volga German region (March – April 1921)**

G. K. Korolev

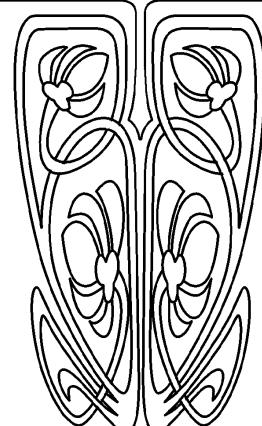
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

German K. Korolyov, korolev@xarconle-old.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8177-3747>, AuthorID: 1245012

Abstract. The article examines one of the episodes of the struggle of Soviet armed formations against the peasant insurgency during the end of the Civil War. We are talking about the suppression of an uprising in the territory of the Volga Germans in March – April 1921. The author shows the situation in the camps of two opposing forces – Soviet armed formations and

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

peasant rebels – at the time of their clash, consistently describes the events of the battle in three cantons of the region – Marxstadt, Zelmannsky and Baltzersky, draws attention to the strengths and weaknesses of the opponents. The author comes to the conclusion that in difficult conditions, thanks to a well-thought-out organization of military operations, the Soviet armed formations managed to fulfill their task in a short time: to suppress the peasant uprising.

Keywords: Soviet armed formations, peasantry, insurrection, war communism, Volga Germans, Volga region Germans, Civil War

For citation: Korolev G. K. Soviet armed formations in the fight against the insurgency in the territory of the Volga German region (March – April 1921). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 389–396 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-389-396>, EDN: QPZOKS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Тема борьбы частей и подразделений Красной армии, других специальных советских воинских формирований с крестьянским повстанчеством, имевшим место на заключительном этапе Гражданской войны, в целом получила определенное историографическое освещение как в масштабе всей страны, так и в региональном измерении. Однако сюжеты, затрагивающие эту тему, в работах авторов, описывающих феномен повстанчества, как правило, играют второстепенную или вспомогательную роль. Поскольку повстанчество завершилось поражением, авторы в большинстве случаев делают акцент на его причинах, тогда как успешным действиям Красной армии уделяется лишь эпизодическое внимание.

Среди работ, посвященных крестьянскому повстанчеству в Саратовском Поволжье, прежде всего, следует выделить фундаментальные работы А. В. Посадского, одного из самых крупных и известных исследователей крестьянского сопротивления на всем протяжении Гражданской войны в России. Этот факт подтверждает его личная историография, насчитывающая десятки работ по данной проблеме [1–4]. Заметный вклад в исследование этой проблемы внесли В. В. Кондрашин, В. Г. Ященко, А. Н. Грищенко [5–7]. Отдельные сюжеты рассматриваемой темы освещены А. А. Германом в его работах по истории Автономной области немцев Поволжья (1918–1941) [8, 9]. Некоторые темы военного строительства, охватывающие период Гражданской войны, поднимает в своих работах А. А. Симонов [10].

Отправной точкой появления советских вооруженных организаций на территории Саратовского Поволжья можно считать 1918 г., когда в области, как и по всей стране, стали возникать разного рода формирования – добровольческие отряды Красной Гвардии, бригады самоохраны (милиция), местные дружинные роты [1, с. 43–47]. В результате проведения весной 1918 г. военно-административной реформы и принятия ряда декретов в молодой советской республике были образованы 11 военных округов, которые подчинялись Высшему военному совету, учреждались комиссариаты по военным делам разного уровня с подчинением Всероссийскому Главному штабу и Высшая военная инспекция,

устанавливалась процедура назначения командного состава и всеобщее воинское обучение граждан, а также вводилась всеобщая воинская обязанность [2, с. 36].

В мае 1919 г. все дополнительные специальные формирования, которые ранее починялись Всероссийской чрезвычайной комиссии, Народному комиссариату продовольствия, Главному управлению водного транспорта и осуществляли все виды охраны, были объединены в войска внутренней охраны (ВОХР), подчинявшиеся Штабу войск ВОХР. Далее началась их внутренняя реорганизация с разделением на сектора, переименованием, распределением функций. Среди множества видов деятельности, осуществляемых отрядами ВОХР, сохранилась и функция резерва для действующей Красной армии. Уже в сентябре 1920 г. благодаря специальному постановлению Совета труда и обороны в войска ВОХР влились караульные части, части железнодорожной прифронтовой полосы, фронтовые и тыловые отряды милиции. Отныне эта группа войск стала называться Войска внутренней службы (ВНУС). Она подчинялась Наркомату внутренних дел и Военному наркомату. А еще через год, 4 марта 1921 г., формирования ВНУС были переименованы в полевые и стали числиться в штате стрелковых дивизий и бригад РККА. Территория Области немцев Поволжья относилась в Заволжскому военному округу и находилась под контролем 229 Стрелкового полка 77 отдельной стрелковой бригады войск ВНУС [11].

Немецкое население Саратовской губернии с энтузиазмом откликнулось на все мероприятия военной реформы: с лета 1918 г. и на протяжении нескольких последующих лет в Области немцев Поволжья началось активное формирование добровольческих красногвардейских формирований, среди которых были Баронский полк, в дальнейшем переименованный в 1-й Екатериненштадтский коммунистический немецкий полк; запасной немецкий батальон, позднее ставший 4-м запасным стрелковым полком; караульные роты с пулеметными командами; 2-й Балыцерский добровольческий стрелковый полк; Марксштадтский конезапас, 2-я отдельная немецкая кавалерийская бригада, Отдельный запасной кавалерийский дивизион; запасной легкий артиллерийский дивизион; роты по борьбе

с дезертирством и временные вооруженные отряды. Для удовлетворения потребностей в профессиональном руководстве всеми образованными на территории области военными формированиями при Первых саратовских пехотно-пулеметных курсах было создано немецкое отделение [8, с. 63–64].

Таким образом, к весне 1921 г. советские вооруженные формирования представляли собой хоть и весьма подвижную (вероятно, в связи с постоянно меняющейся ситуацией и в тылу, и на фронте), но хорошо организованную военизированную систему.

В период Гражданской войны российская деревня с трудом выдерживала политическую стратегию новой власти, названную «военным коммунизмом» и проявлявшую себя в форме разнообразных грабительских «разверсток». По этому поводу В. И. Ленин писал: «Мы к весне 1921 года потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное Колчаком, Деникиным или Пилсудским... Разверстка в деревне... мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года» [12, с. 159].

Инерция власти в урегулировании вопросов отношения государства к сельчанам после окончания боевых действий быстро привела к массовым крестьянским восстаниям. Идейная подоплека этих выступлений заключалась не в неприятии советской власти или отрицании коммунистических идеалов. Крестьяне выступали против конкретной политики «военного коммунизма» по отношению к деревне, которую проводила РКП (б) в 1918–1920 гг. [9, с. 94].

В Области немцев Поволжья повстанческое движение нельзя назвать самостоятельным. Его возникновение было спровоцировано вторжениями на территорию области мятежных отрядов, созданных за ее пределами. В частности, здесь неоднократно появлялись отряды повстанцев из Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского, где еще в 1920 г. разразилось антибольшевистское выступление.

Первый и второй рейды восставших на территорию Области немцев Поволжья возглавил К. Вакулин. Достаточно развернутая характеристика руководителя повстанцев дана в работе А. Н. Грищенко. Кирилл Трофимович Вакулин был уроженцем слободы Сидоры Михайловской волости Усть-Медведицкого округа, крестьянского происхождения. Во время Первой мировой войны он служил фельдфебелем в царской армии, некоторое время числился в партии эсеров. В 1918 г. Вакулин вступил в ряды ВКП (б) и стал красноармейцем. Ему доверили должность командира сначала 1-й Сидоровской роты, затем 201-го стрелкового полка 23-й стрелковой

дивизии. Деятельность Вакулина в рядах Красной армии была отмечена орденом Красного Знамени. С 1920 г. он командовал располагавшимся в Михайловке караульным батальоном Усть-Медведицкого округа [7, с. 529–530]. Второй рейд для него оказался неудачным. В схватке с красными формированиями повстанческие отряды потеряли много бойцов, а их командир погиб в одном из сражений на юго-востоке Области немцев Поволжья в конце февраля. Преемником К. Вакулина на посту командира повстанческого соединения стал Ф. Попов.

Федор Попов, так же как и его предшественник, был родом из Усть-Медведицкого округа, из станицы Глазуновской, бедного происхождения, казак по роду деятельности. В Пернюю мировую войну Попов служил унтер-офицером императорской армии, а с 1918 г. вместе с Вакулиным нес службу в 23-й дивизии под командованием Ф. К. Миронова. Так же как и Вакулин, стал кавалером ордена Красного Знамени. В 1920 г. Попов был комендантом Михайловки, с начала 1921 г. и до момента смерти К. Вакулина руководил 1-м конным полком [7, с. 542].

Представление об организации повстанческого войска и его внутренней дисциплине можно получить из уже упоминавшейся работы А. Н. Грищенко. Войско строилось по принципу армейской системности: три пехотных полка, кавалерийский дивизион, состоящий из трех эскадронов. Каждое из формирований по мере передвижения по территории Области немцев Поволжья пополнялось личным составом из числа местных крестьян или пленных красноармейцев. Вооружение было достаточным, имелись даже пулеметы в количестве от 15 до 25. Обмундирование и питание приобреталось путем грабежа. В отряде имелись телеграфные аппараты, медсанчасть в лице двух врачей и нескольких медицинских сестер. Существовала разведка, в качестве которой использовались женщины и старики. В национальном и социальном плане состав повстанцев отличался широким разнообразием [7, с. 543].

Как видим, на завершающем этапе Гражданской войны антибольшевистскими восстаниями, вспыхивающими на территории Саратовской губернии, руководили профессиональные военные – бывшие красные командиры, разочаровавшиеся в государственной и общественной политике большевизма. В отличие от всех предшествующих крестьянских выступлений в регионе эти бунты отличались достаточной организованностью и военным профessionализмом. Против власти выступали боеспособные, маневренные и четко управляемые на принципах единоличия повстанческие подразделения, приобретшие в предшествующие несколько месяцев опыт совершения глубоких боевых рейдов, как по обширным территориям Нижнего Поволжья, так

и по примыкающим к ним ближайшим территориям Заволжья, и Северного Кавказа [3, с. 27]. В период восстания «голодающих крестьян», весной 1921 г. повстанческий отряд Попова действовал на правом берегу Волги и вызывал большие опасения у Ревкома Области немцев Поволжья ввиду близости дислокации группировки от Марксштадта.

Восстанием «голодающих крестьян» А. В. Посадский называет массовое антибольшевистское движение на территории Новоузенского уезда Самарской губернии, а затем и Камышинского уезда Саратовской области. Началось оно в ночь с 16 на 17 марта 1921 г. в Черебаевке. В нем приняли участие жители русских, немецких, украинских сел. Центром стало Ровное (немецкая колония Зельман). Автор отмечает главную особенность этого восстания: его участники не ставили своей целью захватить как можно больше территорий, наоборот, в освобожденных от большевиков районах стремились по-своему организовать систему власти и нарастить военные силы. Однако в оккупированных селах вели себя жестко: применяли репрессивные меры по отношению к местным органам власти. Возглавил выступление «голодающих крестьян Поволжья» Михаил Пятаков, в прошлом работник продовольственного отряда [3, с. 28–29].

Именно в период восстания «голодающих крестьян», в марте 1921 г., значительная часть территории Области немцев Поволжья оказалась в руках бунтовщиков, как пришлых (отряды М. Пятакова), так и местных. Повстанцам оказывали сопротивление, прежде всего, местная милиция или немногочисленные продовольственные отряды. Из регулярных частей в границах Области находились только 229 полк внутренней службы (ВНУС), стоявший существенно севернее района описываемых событий – в Марксштадте и прилегающих к нему селах, а также несколько расчетов военизированной охраны. Железная дорога, по которой регулярно курсировали два бронепоезда, находилась достаточно далеко от административных центров трех немецких кантонов. Современные исследователи пишут, что на участке между станциями Лепехинка – Гмелинка – Палласовка – Кайсацкая эти бронепоезда наносили существенный урон восставшим [6, с. 551]. Однако железная дорога проходила вдоль границ всего лишь нескольких небольших территориально разрозненных отрезков Области немцев. Для защиты основной части территории нужно было в срочном порядке действовать какими-то другими силами и способами. Тем более что отряды бунтарей постоянно пополнялись жителями восставших сел, у них было явное численное преимущество. И если бы повстанцы сумели сорганизовать свои возможности и постарались захватить Маркс-

штадт и Бальцер, исход борьбы был бы очевиден. Однако этого не произошло [9, с. 99].

Экстренные меры по формированию организованного сопротивления разбушевавшимся в Немобласти бунтарям стали осуществляться Ревкомом Области немцев Поволжья сразу же после захвата повстанцами Ровного. Имеющиеся на территории области вооруженные подразделения объединили под командованием И. Полежаева, до этого руководившего 229 полком внутренней службы (ВНУС), а теперь по должности ставшего «командующим войсками губернии немцев Поволжья».

Вероятно, Ревком не до конца осознавал масштаб происходивших событий, поскольку из нескольких подразделений 229 полка был сформирован отряд всего из 100 человек (при мерная численность одной роты), в состав которого вошли и коммунисты Марксштадта. Перед новым формированием была поставлена задача двигаться к Ровному, наладить контакт с местными красноармейцами и, объединившись, освободить уездный центр. Местом дислокации и выдвижения консолидированного отряда был назначен Ней-Тарлык. Формирование было создано, но реализовать поставленную задачу не удалось. В ночь перед намеченной датой выступления, 22 марта, произошла неожиданная атака кавалерийской части мятежников, хорошо вооруженной, численностью свыше 200 человек. Объединенный отряд красных был уничтожен [9, с. 98].

Сложившаяся ситуация красноречиво свидетельствовала о невозможности сохранить контроль над территорией Немобласти силами имеющегося немногочисленного воинского состава. Поэтому областным Ревкомом было принято решение о локализации всех вооруженных сил в Марксштадте и обеспечении кольцевой обороны города. Необходимость этих действий подтверждалась также тем обстоятельством, что на противоположном берегу Волги, напротив Марксштадта, в Саратовской губернии, действовала значительная по своему количественному составу банда Попова. Ее нападение на город могло быть всего лишь делом времени, поскольку волжский лед делал дорогу к Марксштадту вполне доступной. Однако теперь защита Марксштадта действовала.

В соседних деревнях и по дороге к городу были организованы сторожевые пункты и наблюдательные укрепления, на подступах к Марксштадту реализовывалось постоянное конное патрулирование. Для выяснения обстановки в селах, где бушевали повстанцы, в сторону их расположения регулярно отправлялись разведывательные группы. В результате таких продуманных действий в ближайших к Марксштадту селах восстания не случилось. Речь идет о Филиппсфельде, Нидермонжу, Теляузе, Эндерсе, Паульском и др. Параллельно удалось

отрезать восставшим дорогу, идущую на север от Марксштадта и ведущую еще в несколько сел, раскинувшихся по берегу Волги – от Обермонжу до Гларуса и Шафгаузена [9, с. 99].

На правом берегу Волги, в Бальцерском уезде, к 20 марта большинство сел также было захвачено восставшими. Благодаря гарнизону Бальцера, насчитывающему свыше 700 человек, почти 200 из которых представляли кавалерийские подразделения, оборона уездного центра складывалась успешно. Защитникам не только удавалось отражать атаки на город, но и самим осуществлять рейды с целью нанесения удара по группировкам мятежников, располагавшихся в соседних селах. Специально для таких вылазок была сформирована маневренная кавалерийская группа под руководством К. Фаренбруха [9, с. 99].

В результате предпринятых руководством РСФСР в 20-х числах марта политических решений (отмена продразверстки и введение продналога, снятие запретов на куплю, продажу и перевозку семенного зерна сроком на один месяц) и вышедшего воззвания Ревкома Области немцев Поволжья с призывом к крестьянам прекратить мятеж, волна повстанческого движения стала постепенно спадать [13, л. 176; 14, л. 74]. Но военные действия против повстанцев не прекращались. Так, хорошо вооруженные формирования Марксштадта, Нидермонжу, Красного Яра объединили в одну боевую группу (отряд). Ее командиром стал Генрих Фукс, в годы Гражданской войны командовавший 1-м Екатериненштадтским коммунистическим немецким полком, имевший большой фронтовой опыт [9, с. 101].

26 марта отряд Г. Фукса провел разведку боем, совершив нападение на Звонарев Кут. Это выступление позволило оценить масштаб войска мятежников. Силы повстанцев оказались внушительными, поэтому красноармейцы посчитали невозможным атаковать противника и вернулись в Нидермонжу.

На следующий день обе стороны настраивались на неизбежное новое сражение. «Штаб Восточного фронта восставших голодных крестьян», который располагался в Мариентале, возвестил о мобилизации мужчин в возрасте от 18 до 45 лет в тех селениях, где советская власть была свергнута мятежниками. Не обошлось без угроз: в приказе подчеркивалось, что за его неисполнение последует суровое наказание – расстрел [9, с. 101]. Простых крестьян, доверчиво поддавшихся на уговоры мятежников, ожидала суровая расплата в виде принудительного участия в ожесточенных боях.

Второй красный отряд, под началом А. Солнцева, на рассвете 28 марта штурмовал Звонарев Кут и Звонаревку. В результате короткого, но яростного боя эти селения были взяты под контроль красных. Отдохнуть солнцевцам

не пришлось, так как они практически сразу же подверглись контратаке мятежников из Луговой Грязнухи. Повстанцев начитывалось 300 человек пешими и 150 кавалеристов, что вдвое превышало количество красноармейцев. Последние, однако, были лучше вооружены и обучены военным действиям. Конfrontация на поле боя закончилась преследованием и окончательным разгромом повстанцев, а к вечеру отряд А. Солнцева взял Луговую Грязнуху. В ходе боя погибло свыше 30 повстанцев, в отряде А. Солнцева было только двое раненых, в том числе и сам командир.

29 марта специальный отряд при обкоме РКП (б), созданный для выполнения особо важных задач, под руководством В. Решетова успешно атаковал Старицу. Повстанцы потеряли около 100 человек, личный состав красных не пострадал [9, с. 101].

Отсутствие активности со стороны красных в последующие два дня – 30 и 31 марта, было использовано главарями мятежников для организации обороны в тех селах, где они пока еще продолжали держаться. Очередная мобилизации крестьян на этот раз отметилась привлечением к военным действиям детей подросткового возраста. Селян, ничем не вооруженных, под угрозой расстрела принуждали копать траншеи и оборонять позиции вокруг деревень. Отсутствие вооружения у повстанцев в ходе сражений с советскими военными подразделениями, имевшими в своем арсенале пулеметы, влекло за собой огромные потери среди селян.

Активное наступление подразделений 229 полка началось 1 апреля. С самого утра были захвачены Осиновка и Липовка. В последнем селе красные даже не встретили сопротивления. С ходу с боем были взяты Раскаты. Крайнее перед Мариенталем село Крутояровка было хорошо укреплено и подготовлено к защите. Поэтому вечером того же дня атаковать селение не стали. Оборона повстанцев представляла из себя прорытые вокруг села окопы и построенные из телег, мешков с землей и имеющейся сельскохозяйственной техники баррикады.

Днем 2 апреля красные подразделения штурмовали Крутояровку. В течение полутора часов беспощадного боя более 200 мятежников были убиты, советская сторона потеряла несколько бойцов. Почти через два часа красноармейцам снова пришлось сражаться с повстанцами. Из Мариенталя на подмогу крутояровцам был выслан конный отряд. Всего в боях около Крутояровки со стороны советских воинских подразделений участвовало 315 пехотинцев и 98 кавалеристов, были задействованы два пулемета и одно трехдюймовое орудие [9, с. 102].

3 апреля таким же составом и техническими средствами был взят Мариенталь, один из главных центров мятежников. Бои велись в течение трех часов на забаррикадированных

улицах. Как засвидетельствовано в военном рапорте, за баррикадами в основном стояли люди, вооруженные вилами, повстанцев с ружьями было гораздо меньше. В ходе боя по захвату села погибло 550 мятежников, 400 было арестовано. Среди красных потерь не было [15, л. 90–91]. Со взятием Мариенталя восстание крестьян в Марксштадтском уезде было полностью подавлено.

С 31 марта начались военные действия и в отношении повстанцев Ровенского уезда. 241 полк ВНУС выдвинулся со станции Гмелинской по маршруту Харьковка – Кано – Старая Полтавка под охраной бронепоездов. Освобождение от мятежников Ровенского уезда в те же сроки стало конечной целью и для красноармейского отряда из Покровска. Следуя в южном направлении по левому берегу Волги курсом на Ровное, отряд расправился с мятежниками поочередно в селах Брабандер, Деллер, Бангерт, Шталь, Кукус, Лауве, Пост, Лауб, Динкель, Штрауб. К концу дня 5 апреля было взято крупное село Варенбург (Привальное) – один из важных центров восставших.

В последующие дни, 6–7 апреля, решалась чрезвычайно важная задача – очищение от повстанцев станций и населенных пунктов вдоль одной из главных железнодорожных магистралей Заволжья: от Покровска до Урбаха и далее на восток. Эта ответственная задача была поручена курсантам немецкого отделения Саратовских пехотных курсов, имевшим к этому времени уже богатый победоносный опыт участия в боях с противниками большевиков. Годом ранее на этих же территориях они преследовали поднявшие мятеж части 9-й кавалерийской дивизии начдива А. П. Сапожкова. Теперь курсантам немецкого отделения приходилось бороться с повстанческими отрядами, состоящими из своих же поволжских немцев [10, с. 79].

Третье формирование советских войск – крупный боевой отряд красноармейцев, устремившийся в Ровное, выдвинулся 8 апреля со стороны Красного Кута, где он был сформирован. В отношении этого формирования А. В. Посадский уточняет, что это был 242-й Волжский стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии (с 1922 г. – 95-й Волжский), который еще 30 марта отправили в Красный Кут для подавления мятежников под руководством М. Пятакова в Ровенском уезде [4, с. 89]. В тот же день, 8 апреля, военные освободили от мятежников большое село Гуссенбах и взяли в плен почти 200 повстанцев.

Советские вооруженные формирования сжали кольцо вокруг Ровного. М. Пятаков, осознавая происходящее, еще 5 апреля покинул село вместе со своим штабом. Он отправился на юг, к русским поселениям. По данным красной разведки в тот и последующие дни можно было

наблюдать суматошную переправу мятежников на правый берег Волги в Бальцерский уезд. Это было бегство незваных пришельцев назад, к местам своего постоянного проживания в Донской области. Однако в результате решительных действий красноармейских подразделений бандитам был нанесен существенный урон.

9 апреля стал решающим днем в разгроме мятежников в Ровенском уезде. В этот день красноармейские части, наступавшие на уездный центр с разных сторон, преодолевая сопротивление неприятеля, к вечеру вплотную подошли к городу. В ночь с 9 на 10 апреля Ровное было освобождено [15, л. 96–99, 102, 114].

Подавление восстания в Ровном открыло областному Ревкому возможность сосредоточить советские военные силы на правом берегу Волги в Бальцерском уезде и предоставить местным коммунистам помочь в разгроме повстанцев. Помощь пришла так же из Саратова. Губернский Ревком отправил в Бальцер крупный отряд во главе с командиром Г. Скороходовым. В трех расходящихся друг от друга направлениях красноармейские формирования под руководством Г. Скороходова, К. Фаренбреха и А. Лихачева на протяжении недели освобождали от мятежников селения уезда и восстановили в них советскую власть. Кровопролитных сражений не было, так как местные жители не оказывали значительного сопротивления. 16 апреля в Марксштадт пришло сообщение от уездного ревкома Бальцера о том, что «весь уезд очищен от банд» [9, с. 103].

Таким образом, крестьянское восстание в немецких селах к середине апреля было полностью прекращено. Решающую роль в ликвидации повстанчества сыграли советские вооруженные формирования, дислоцировавшиеся на территории немецкой автономии. Большую помощь Области немцев Поволжья на ее правобережной части оказали воинские формирования, дислоцировавшиеся на территории соседней Саратовской губернии и подчинявшиеся ее руководству.

Значимость победоносного исхода борьбы красноармейских вооруженных сил с повстанцами возрастает, если учитывать наличие некоторых объективных факторов, которые могли бы стать препятствием для положительного исхода: немногочисленное количество красноармейских формирований, присутствующих в Области немцев Поволжья; профессиональные военные навыки руководителей восставших; противостояние представителей немецкой национальности с обеих воюющих сторон; территориальная разбросанность немецких кантонов. Благодаря продуманным организационным действиям Ревкома области в части сел удалось восстание предотвратить, а там, где вспышка все же произошла, повстанческое движение удалось погасить в довольно короткий срок – менее, чем за месяц.

**Населенные пункты, располагавшиеся на территории Области немцев Поволжья в 1921 г.,
и их современное название**

№ п/п	Название населенного пункта в начале 1920-х гг.	Современное название населенного пункта	№ п/п	Название населенного пункта в начале 1920-х гг.	Современное название населенного пункта
1	Бальцер	Красноармейск	21	Мариенталь	Советское
2	Бангерт	Зауморье	22	Марксштадт	Маркс
3	Брабандер	Красноармейское	23	Ней-Тарлык	Не существует
4	Варенбург (Привальное)	Привольное	24	Нидермонжу	Бобровка
5	Гларус	Георгиевка	25	Обермонжу	Кривовское
6	Гуссенбах	Первомайское	26	Осиновка	Не существует
7	Деллер	Березовка	27	Отроговка	Не существует
8	Динкель	Тарлыковка	28	Паульское	Павловка
9	Зельман	Ровное	29	Подстепное	Не существует
10	Звонаревка	Звонаревка	30	Раскаты	Не существует
11	Звонарев Кут	Не существует	31	Старица	Не существует
12	Йост	Октябрьское	32	Суслы	Суслы
13	Кано	Кано	33	Теляззе	Не существует
14	Крутояровка	Крутояровка	34	Унтервальде	Подлесное
15	Куккус	Приволжское	35	Филиппсфельд	Филипповка
16	Лауб	Чкаловское	36	Шафгаузен	Волково
17	Лауве	Яблоновка	37	Шталь	Степное
18	Липовка	Липовка	38	Штрауб	Скатовка
19	Липов Кут	Не существует	39	Эндерс	Усть-Караман
20	Луговая Грязуха	Не существует			

Примечание. Все сохранившиеся до сегодняшнего времени бывшие немецкие села располагаются на территории Саратовской и северной части Волгоградской областей.

Список литературы

1. Посадский А. В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М. : АИРО-XXI ; ГПИБ, 2010. 412 с.
2. Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2018. 319 с.
3. Посадский А. В. Восстание «голодающих крестьян» 1921 г.: управление и организация по собственным документам восставших // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 26–37.
4. Посадский А. В. Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии на карте Гражданской войны // Готовские чтения – 2018 : материалы Всероссийской научной конференции / сост. Я. М. Цыганова ; под ред. А. В. Калягина, отв. ред. Н. М. Малковой. Самара : Арт-Лайт, 2019. С. 84–91.
5. Кондрашин В. В. Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. : сборник статей и материалов /
- под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 24–47.
6. Ященко В. Г. Старополтавкинский район восстания «Голодающих крестьян Поволжья» (март – апрель 1921 года) // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 550–554.
7. Грищенко А. Н. «Да здравствует власть народная на принципах братства, равенства и свободы»: мятеж К. Т. Вакулина, повстанческая армия Ф. Попова // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. : сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI. 2013. С. 529–549.
8. Герман А. А. Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 520 с.
9. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
10. Симонов А. А. Немецкое пехотное отделение Саратовских советских командных курсов в годы Гражданской войны // Ежегодник МАИИКРН. 2021. № 1 (9). С. 74–81.
11. 229 Стрелковый полк 77 отдельной стрелковой бригады войск ВНУС Республики Заволжского военно-

- го округа // Российский государственный военный архив. Фонд № 16984. URL: <https://alertino.com/ru/1629461> (дата обращения: 24.01.2025).
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1970. Т. 44. 725 с.
13. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 1 (Областной комитет ВКП(б) АССР немцев Поволжья). Оп. 1. Ед. хр. 16.
14. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 128.
15. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 129.

Поступила в редакцию 06.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 06.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 397–404

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 397–404

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-397-404>, EDN: SFVRMO

Научная статья

УДК 334.732-056.24(470.46)|192|

Инвалидные артели как часть промысловой кооперации Астраханской губернии в 1920-е гг.

Е. П. Попова

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100

Попова Екатерина Петровна, аспирант кафедры истории и международных отношений, katerinaevteeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4835-2717>

Аннотация. В статье анализируется деятельность инвалидных артелей в 1920-е гг. на территории Астраханской губернии. На основе архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, было выделено две инвалидные артели: «Инрибак» и «Луч Кооперации». Особое внимание уделяется производственной деятельности, финансовым показателям, кадровому составу, проведен их сравнительный анализ. Показаны причины достижений и неудач, сопровождающих артели на протяжении всего периода существования.

Ключевые слова: промысловая кооперация, артели инвалидов, рыбная продукция, Астраханская губерния, новая экономическая политика

Для цитирования: Попова Е. П. Инвалидные артели как часть промысловой кооперации Астраханской губернии в 1920-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 397–404. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-397-404>, EDN: SFVRMO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Artels of disabled people as a part of industrial cooperation of Astrakhan Governorate in 1920s

Е. Р. Popova

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Ekaterina P. Popova, katerinaevteeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4835-2717>

Abstract. The article analyzes the activities of disabled artels in the 1920s on the territory of Astrakhan Governorate. On the basis of archival material, first introduced into the scientific circulation, two invalid artels were singled out: "Inrybak" and "Ray of Cooperation". Special attention is paid to production activities, financial indicators, personnel composition, their comparative analysis is carried out. The reasons of achievements and failures accompanying the artels throughout the period of their existence are shown.

Keywords: industrial cooperation, artels of disabled people, fishery products, Astrakhan Governorate, new economic policy

For citation: Popova E. P. Artels of disabled people as a part of industrial cooperation of Astrakhan Governorate in 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 397–404 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-397-404>, EDN: SFVRMO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Становление системы кооперативных предпринимателей берет свое начало уже в первые годы новой экономической политики. Советская власть уделяла особое внимание развитию всех форм кооперативной деятельности, не только как «органа», заготавливающего и распределяющего продукцию, но и как средства политического объединения народных масс, обеспечивающих учет, контроль и несущих ответственность за внутренний рынок [1, с. 234].

Одной из форм промысловой кооперации была так называемая инвалидная кооперация (артели), которая была призвана объединить прежде

всего инвалидов войны, в том, чтобы дать им возможность зарабатывать и участвовать в хозяйственной жизни страны.

В общероссийском масштабе изучение инвалидной кооперации в период новой экономической политики получило отражение в трудах В. Г. Егорова [2], Э. Гениша [3], И. И. Никонова [4], Л. В. Печаловой [5] и др.; на региональном уровне – в работах Ю. И. Зуйковой [6] и Ю. И. Сливка [7], которые обобщили сведения о деятельности инвалидной кооперации в Нижнем Поволжье и, в частности, затронули темы, касающиеся и Астраханского региона.

Однако последние две работы носят общий, статистический характер и не учитывают различные аспекты деятельности инвалидной кооперации в регионе. В период новой экономической политики в Астраханской губернии насчитывалось более 80 инвалидных артелей. В большинстве своем артели занимались рыбным промыслом, производством хлеба и продажей различных товаров народного потребления, то есть участвовали в деятельности хозяйственно значимых отраслей региона. Учитывая всё вышесказанное, это и представляет существенный научный интерес при рассмотрении вопросов, касающихся инвалидной кооперации Астраханской губернии в 1920-е гг.

Для того, чтобы лучше понять деятельность кооперативных артелей инвалидов в Астраханской губернии на основе источников, хранящихся в Государственном архиве Астраханской области (далее – ГААО), были выделены две единицы – это производственно-кооперативные объединения инвалидов «Инрыбак» и «Луч Кооперации». Изучение деятельности данных артелей позволит более детально рассмотреть функционирование подобных предприятий в исторической перспективе. На их примере автор попыталась показать, как именно функционировали подобные организации, их вклад в экономику Астраханской губернии и других регионов, а также причины успехов и неудач в сравнительном анализе их деятельности.

Прежде всего необходимо обозначить то, что все инвалидные артели, в том числе вышеназванные, в организационном отношении в период новой экономической политики входили в состав Астраханского губернского производственно-кооперативного объединения инвалидов

войны и труда (далее – ГИКО). Артели приступали к работе после проведения общего собрания членов, специальный протокол которого должен был утверждаться в ГИКО.

Кооперативная артель «Инрыбак», располагавшаяся в палатке на реке Болда в черте г. Астрахани, была утверждена протоколом ГИКО № 32 от 14 августа 1924 г. Артель производила операции по вылову рыбы на арендованном рыбном промысле (палатке). Примечательно, что палатка в данном контексте употребляется не в том смысле, которое привычно для современного человека. Эта была часть промысла, состоящая обычно из деревянного строения с необходимым инвентарем (бочки для засолки рыбы, коптильни, вешала и т. д.) для разделки и приготовления рыбы, а также жилые помещения, которые занимали рабочие и служащие предприятия [8, л. 3].

Артель также заключала договора с вольными ловцами других промыслов (с. Лагань), и далее рыбные продукты либо сдавались в государственные организации (например, Государственному Рыбопромышленному тресту (далее – Госрыбтрест), либо рыбу коптили и продавали продукцию на продовольственном рынке Астрахани и других регионов.

В табл. 1 представлена информация о поставках рыбной продукции инвалидной артелью «Инрыбак».

Проанализировав имеющиеся данные, можно прийти к выводу, что производственное кооперативное объединение инвалидов «Инрыбак» занималось снабжением продуктами как потребителей в Астраханской губернии, так и других регионов. Причем они не ограничивались лишь соседними, а поставляли продукцию практически по всей стране.

Таблица 1

Поставки рыбной продукции инвалидной артелью «Инрыбак» в 1924–1925 гг.

Дата	Название организации, город для поставки продукции артели	Наименование товара	Количество	Цена за пуд
Октябрь 1924 г.	Самарская инвалидная артель, г. Самара	Вобла	600 пуд.	1 руб. 10 коп.
		Сазан	200 пуд.	1 руб. 10 коп.
		Тарань, чехонь, сопа	200 пуд.	1 руб. 70 коп.
Декабрь 1924 г.	Губакторг, г. Харьков	Вобла свежемороженая	408 пуд.	1 руб. 10 коп.
Март 1925 г.	Госрыбтрест, г. Астрахань	Вобла	1000 пуд.	2 руб. 25 коп.
		Вобла неразбор	3000 пуд.	2 руб. 25 коп.
		Вобла отборная	200 пуд.	2 руб. 80 коп.
		Вобла разных сортов	1545 пуд.	2 руб. 25 коп.
Апрель 1925 г.	Бугурусланское кооперативное объединение (г. Бугуруслан, Самарская область, нынешняя Оренбургская)	Вобла	779 пуд. 25 ф.	2 руб. 15 коп.
Весна 1925 г.	Госрыбтрест	Сельдь	4000 пуд.	–

Сост. по: [8, л. 16, 23, 37–37 об.; 9, л. 13; 10, л. 126; 11, л. 2; 12, л. 23 об.].

В целом производственная деятельность артели считалась успешной до начала 1925 г., до событий, когда в её деятельности наметился кризис из-за образовавшихся серьезных проблем. Одной из таких сложностей оказалась потеря рыбы во время так называемой «морской» операции, когда большая часть в количестве 510 тысяч пудов была унесена в море. Положение усугублялось еще и тем, что член артели Алексеев не оформил должным образом акт о происшествии для того, чтобы в будущем была возможность оправдать данные действия не как растрату, а как вынужденные убытки [11, л. 2]. Эти события легли тяжелым бременем на кооперативное объединение, так как сумма недостачи была внушительной для такого малого предприятия. Дело дошло до того, что губернский отдел по внутренней торговле ходатайствовал возбудить уголовное дело, считая действия Алексеева умышленной растратой [11, л. 20].

Кроме того, образовалась крупная задолженность перед Госрыбтрестом на сумму 7371 руб. 51 коп. [13, л. 65]. Задолженность образовалась (по мнению артели) в результате того, что при предъявлении векселей (долговых обязательств) к протесту, Госрыбтрест не указал адрес артели, из-за чего она не смогла их получить и оплатить вовремя. Векселя опротестовали, и дело было передано в губернский суд на рассмотрение. Рассмотрение дела длилось на протяжении практически всего времени существования артели. Члены «Инрыбак» считали, что часть долга, а именно 4000 руб. еще можно было опротестовать, тем самым дав объединению возможность работать дальше [9, л. 30]. Помимо этого, у артели имелись мелкие задолженности перед другими кредиторами (Астраханский губернский отдел союза пищевиков (далее – Губотдел) [14, л. 53], Общегородская страховая касса [15, л. 29]), а также долги самих членов артели, как выбывших, так и действующих [12, л. 31 об.].

Все эти события привели к тому, что 3 марта 1925 г. на общем собрании члены артели постановили её ликвидировать в связи с невозможностью оплачивать свои долговые обязательства [12, л. 14]. Однако в апреле было созвано собрание кредиторов инвалидной артели «Инрыбак», где было установлено, что цели ликвидировать артель у кредиторов нет [9, л. 27 об.], а поэтому на собрании по соглашению с ГИКО и ходатайству членов кооператива было решено возобновить деятельность [15, л. 6].

Для того чтобы выполнять свою работу, артели также были необходимы товары, которые она сама не могла производить. Поэтому «Инрыбак» сотрудничала и с другими предприятиями, тем самым увеличивая оборот розничной торговли, внося свою лепту в развитие рынка товаров Астраханской губернии. Например, у конторы Вокалес было приобретено 3000 ящиков для

воблы [9, л. 2], а у бондарной лавки Тимофеева выкуплена бондарная посуда для промысла [9, л. 12].

В весеннюю путьину 1925 г. артель снова приступила к работе и должна была отпустить Госрыбтресту 4000 пудов сельди по маклерской сделке № 1280, однако Госрыбтрест не принял сельдь в указанный срок, и кооператив по согласованию с ГИКО был вынужден продать её на астраханском рынке по существующим ценам. Вырученную сумму планировалось использовать на погашение имеющихся долгов, а также на заработную плату членам артели, рабочим и служащим [11, л. 2; 12, л. 23 об.]. В течение весны 1925 г. артель «Инрыбак» ввиду продолжавшегося тяжелого финансового положения, помимо того, что заготовливала рыбные продукты для Госрыбтреста, также была вынуждена выкупать и перерабатывать рыбу у других организаций. Например, в мае 1925 г. у Военно-потребительского общества армии, флота и милиции Автономной Советской Социалистической Республики была приобретена колодка леща в количестве 310 пудов 35 фунтов [8, л. 41], в июне у Госрыбтреста – вобла соленая россыпью 3000 пудов [8, л. 47]. Это было обусловлено в том числе тем, что артель не смогла заключить ни одного договора, кроме поставок рыбной продукции в Бугурусланское ЕПО (Единое Потребительское Общество) в конце сентября 1925 г. [12, л. 27 об.]. В этом же месяце «Инрыбак» попытался объединиться с другой инвалидной артелью «Новость». Однако ГИКО не поддержало слияние, так как посчитало, что данные производственные объединения занимаются различными видами деятельности. Главным мотивом объединения, по мнению ГИКО, была возможность сменить вывеску «Инрыбак» на «Новость» в связи с критической ситуацией в части долговых обязательств [15, л. 60].

Артель продолжала свое существование вплоть до 15 февраля 1926 г., когда протоколом общего собрания члены артели решились на ее ликвидацию. Они объясняли это тем, что кооператив не мог больше самостоятельно добывать рыбу, а мог только перерабатывать то, что покупал у других организаций. Проанализировав архивные документы, можно прийти к выводу, что такой вид деятельности противоречил принципам организации инвалидных артелей [16, л. 93].

Артель «Луч Кооперации» была организована 14 октября 1924 г. на специальном собрании членов артели и была утверждена ГИКО протоколом № 4 [17, л. 25].

Данный кооператив в отличие от артели «Инрыбак» выбрал сразу несколько видов производственной деятельности, а именно убой скота и торговлю им на потребительском рынке, торговлю в мануфактурно-бакалейной лавке в с. Селитренное Енотаевского уезда (до июля

1925 г. село входило в состав указанного уезда), а также вылов рыбы на арендуемом промысле и последующую ее продажу на рынке или сдачу государственным организациям [18, л. 11].

Образовавшись в середине октября, артель фактически начала действовать лишь к началу 1925 г., налаживая свою деятельность по всем выбранным направлениям, а именно заключать договора на поставку мануфактурно-бакалейных товаров и оформлять все необходимые документы на аренду на льготных условиях государственной кооперативной организации рыболовного промысла № 17, находящегося на р. Митинка Енотаевского уезда, с прилегающими водами к промыслу [19, л. 40]. На этом промысле планировалось принимать и солить в весеннюю пущину воблу, сельдь и рыбу частиковых пород в количестве 3000 пудов, 10 300 пудов и 2200 пудов соответственно [19, л. 93].

Изучив телеграммы, хранящиеся в фондах ГААО, автор выявила следующую логику производственного процесса артели «Луч Кооперации». Одного члена артели командировали либо в г. Астрахань, либо в г. Саратов. Если работник находился в Астрахани, то приехав туда, он посыпал телеграмму в артель, в которой сообщалась информация о наличии цены, например, на свинину, и если таковая была, то артель посыпала мясную продукцию в город, которую тот же работник реализовывал на местном рынке или ярмарке. При этом он также закупал необходимые товары в городе и привозил их обратно в село, где они реализовывались уже на сельском рынке [20, л. 7]. После того как артель смогла получить в аренду рыбный промысел, из Астрахани в основном стали вести соль [21, л. 54]. Отсюда можно сделать вывод, что инвалидная артель «Луч Кооперации» участвовала в процессе взаимовыгодного товарообмена между городом и деревней. В Саратове же работник обычно закупал необходимые товары без того, чтобы продавать свои собственные там. Обычно это были мануфактурные и различные бакалейные товары (например, льняное масло) [20, л. 22], мука различных сортов [20, л. 25], рыба [20, л. 30] и прочее.

Несмотря на то, что предприятие до получения разрешения на вылов рыбы занималось только указанными выше видами деятельности, по докладной записке инструктора ГИКО артель в данный период времени являлась безубыточной, даже притом, что местные частные и госорганизации, которые занимались той же деятельностью, несли значительные убытки по причине достаточно низких цен на товары, что являлось следствием привоза в город избыточного количества продуктов, например, свинины. Безубыточности удалось добиться правильной и четкой организацией, а именно тем, что оплата проводилась либо товарами (бартер), либо векселями с бланком артели, которые вызывали

доверие как у госучреждений, так и у представителей частного рынка [19, л. 55].

В течение всего периода ГИКО проводило оценку рентабельности артели. Так, рентабельность «Луч Кооперации» по сообщениям во Всекомбанк в разные месяцы 1925 г. составляла 144% [19, л. 178], 102% [19, л. 89] и 93,5% [19, л. 198]. Снижение ликвидности было связано прежде всего с затратами на приобретение оборудования миножного промысла [19, л. 198]. Ко всему прочему артель считалась достаточно надежной среди жителей с. Селитренное [19, л. 139 об.]. Скорее всего, это было связано с тем, что в лавку бесперебойно поступали товары, а также с тем, что артель время от времени делала для всех скидки на товары в размере 10% [19, л. 75].

Инвалидная артель «Луч Кооперации», так же как и артель «Инрыбак», сотрудничала с различными предприятиями губернии. Так, например, было приобретено 26 тонн соли из Астраханской конторы Солесиндиката [21, л. 118], а 100 пудов ржаной муки – из конторы «Хлебпродукт» [19, л. 71].

Несмотря на то, что инвалидная артель «Луч Кооперации» успешноправлялась со всеми оперативными задачами производства и была вполне рентабельна, 26 января 1926 г. ввиду массовых заявлений членов артели о том, что они больше не хотят находиться в таковой, на общем собрании (протокол № 21) было принято решение о ликвидации артели и выборе ликвидационной комиссии [19, л. 241]. Представители ГИКО попытались убедить членов артели «Луч Кооперации» продолжить существование данного предприятия, однако по заявлению инструктора ГИКО все они были «ликвидационно» настроены [19, л. 234] из-за сложных взаимоотношений между отдельными членами артели.

Отдельно остановимся на некоторых показателях финансового состояния артелей и их кадровом составе.

Прежде всего необходимо указать, что изначально артели должны были финансироваться за счет членских паевых взносов, которые образовывали первоначальный капитал. Инвалидная артель «Инрыбак» установила такой взнос в размере 75 руб. с 1 инвалида, поэтому к началу работы имела паевой капитал в размере 750 руб. [12, л. 1], а артель «Луч Кооперации» установила взнос в размере 100 руб. с инвалидов и 200 руб. с не инвалидов. Изначально планировалось, что в артель, помимо 6 инвалидов, вступит еще 3 не инвалида и к началу работы паевой капитал составит 1200 руб. [18, л. 4]. Однако ГИКО не согласилось с таким предложением ввиду того, что тогда потерянется весь смысл образования именно инвалидной кооперации [18, л. 17]. Поэтому к началу работ паевой капитал уменьшился на 400 руб. и составил 800 руб. Помимо

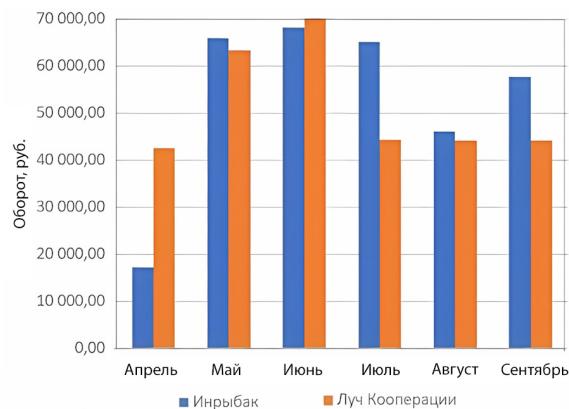

того, артель имела кредитную поддержку со стороны ГИКО в размере 300 руб., а также вносила взносы во Всекомбанк на условиях предоставления льготных кредитов [19, л. 93].

Важнейшим показателем в оценке деятельности любой организации, в том числе кооперативного объединения, являлся оборот розничной торговли, так как именно он показывал, насколько артель являлась успешной на рынке товаров Астраханской губернии или страны в целом [22, с. 114].

По данным, полученным в ГААО, представленным в табл. 2, можно сделать вывод, что оборот розничной торговли обеих инвалидных артелей оказался примерно одинаковым и составлял около 24 000 руб. за отчетный квартал (разница в кварталах связана прежде всего с разным временем начала работы). Несмотря на то, что артель «Инрыбак» занималась исключительно рыбным промыслом, оборот ее розничной торговли был выше, чем у артели «Луч Кооперации».

Однако рассматривать только этот показатель финансовой деятельности недостаточно, необходимо также обратить внимание и на общий оборот всей продаваемой продукции. Проанализированные данные, представленные на рисунке, указывают на то, что общий оборот торговли артели «Инрыбак» в среднем был немного выше, чем у артели «Луч Кооперации», и составлял 56 468 руб. против 53 355 руб. Это

Общий оборот торговли артелей «Инрыбак» и «Луч Кооперации» в 1925 г. Сост. по: [7, л. 41–42; 15, л. 42, 69, 102, 166 об.] (цвет онлайн)

опять же доказывает, что несмотря на то, что артель «Луч Кооперации» вела сразу несколько видов деятельности, а артель «Инрыбак» занималась лишь рыбным промыслом, вклад в рыбную промышленность региона артелью «Инрыбак» был выше, чем у «Лучи Кооперации». И если бы не проблемы в организации производства, описанные выше, артель могла бы продолжать свою деятельность и дальше, внося свою лепту в развитие рыбного промысла Астраханской губернии.

При анализе документальных источников, хранящихся в ГААО, выяснилось, что организационная система инвалидных артелей состояла из производственного комитета и организации специальной ревизионной комиссии, которая создавалась на время для проверки деятельности артели самими членами [12, л. 1 об.].

Анализ кадрового состава членов артелей показал, что артель «Инрыбак» изначально была создана десятью инвалидами и было нанято 10 вольнонаемных рабочих [12, л. 1]. Далее – исключили 4 члена, не являвшихся на собрания и не участвовавших в производственной деятельности артели, однако начисления зарплатной платы им приходилось производить, что ухудшало финансовую составляющую кооперативного объединения [9, л. 36; 23, л. 24]. Помимо прочего, наблюдалась постоянные перестановки в руководящем составе: должность председателя переходила от одного к другому по причине болезни [23, л. 18], нежелания члена артели занимать эту должность [12, л. 18] или в результате конфликтов между членами объединения [12, л. 13]. Такие постоянные перестановки отрицательно влияли на производственную деятельность. Как пример можно привести остановку рыбного производства на неделю в связи с тем, что член артели «Черноморец» был недоволен освобождением его от должности председателя, из-за сообщения рабочим ложной информации о ликвидации артели, что побудило их отказаться от рабочих обязанностей и просить полный расчет с производственным комитетом [9, л. 31]. Ко всему прочему, некоторые члены артели не соблюдали трудовую дисциплину и расходовали средства не по целевому назначению (пьянство и т. д.) [12, л. 13], что также не способствовало успешной деятельности и производственному развитию.

Таблица 2

Оборот розничной торговли инвалидных артелей «Инрыбак» и «Луч Кооперации» в 1925 г., руб.

Артель	Оборот розничной торговли			
	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал
Инрыбак	–	23 766	26 287,65	–
Луч Кооперации	23 910,33	–	–	24 681,27

Сост. по: [20, л. 101; 21, л. 26 об.; 23, л. 32 об.; 24, л. 6 об.].

Что же касается инвалидной артели «Луч Кооперации», то здесь была прямо противоположная ситуация. Изменений в кадровом и должностном составе членов артели практически не наблюдалось за весь период существования объединения, за исключением смены председателя 17 января 1926 г., что, по всей видимости, было связано с желанием членов артели распустить таковую, что в скором времени и было сделано [24, л. 57]. Как следует из изученных автором документов ГААО, в артели не фиксировались случаи конфликтов между ее членами, а также дисциплинарные нарушения, которые могли бы препятствовать работе предприятия.

Однако между артелью «Луч Кооперации» и ГИКО были разногласия по поводу некоторых работников. Так, в артели числились трое родственников Киселевых, один из которых был ее членом. ГИКО не поощряло такое положение дел, усматривая в этом выгоду самих Киселевых, поэтому изначально не разрешила всем троим стать членами объединения. Впоследствии ГИКО настаивало исключить Киселева из числа членов артели, а других Киселевых уволить со службы, высказывая предположения о том, что только они занимаются делами организации, тогда как сами инвалиды не участвуют в производственной деятельности. Но впоследствии под давлением членов артели ГИКО постановило утвердить С. М. Киселева как члена объединения, а остальных двух Киселевых – как вольнонаемных рабочих на должности так, чтобы они не были подчинены и подотчетны друг другу [19, л. 136].

По группам инвалидности члены двух артелей за весь период деятельности разделялись следующим образом (табл. 3).

Необходимо отметить, что согласно Декрету СНК о «Социальном обеспечении инвалидов» от 8 декабря 1921 г., было установлено пять групп инвалидности. Они различались в зависимости от того, мог ли инвалид сам удовлетворять свои жизненные потребности, а также возможностью заниматься трудовой деятельностью [25].

При изучении должностей, занимаемых в артелях, профессий, социального положения и грамотности, автор пришла к следующим выводам:

1. В артелях по штатному расписанию должности почти не совпадали. Так, в «Инрыбаке» предусматривались: председатель, приемщик, завпроизводством, секретарь производства, бухгалтер, солельщик [23, л. 13 об.], в «Луче Кооперации» – председатель, секретарь, казначай, мясник, инструктор по рыбному делу, рабочий [21, л. 113].

2. В артели «Инрыбак» профессии были представлены шире (бухгалтер, ловец, хлебопек, неводчик, солельщик, икряник [23, л. 13 об.; 9, л. 36]), чем в «Луче Кооперации» (служащий, рыбник, хлебопек, мясник [8, л. 17 об.]).

3. Разнелись артели и по социальному положению работников. Так, в «Инрыбаке» насчитывалось 2 чел. крестьян, служащих – 4 чел., рабочих – 1 чел. [23, л. 13 об.]; в «Луче Кооперации» крестьян – 5 чел., служащих – 2 чел. [20, л. 17 об.].

4. Что касается грамотности, то в инвалидной артели «Инрыбак» грамотными были почти все члены, за исключением одного человека (практически у всех было домашнее образование) [23, л. 13], в «Луче Кооперации» – все грамотные [20, л. 17 об.].

Преобладание крестьян в артели «Луч Кооперации» объясняется тем, что она существовала в селе Селитренное Астраханской губернии, тогда как в артели «Инрыбак» большинство представляли служащие, по всей видимости, из-за местонахождения в городской черте.

Следующим важным показателем в сравнительной оценке деятельности двух выбранных инвалидных артелей является уровень заработной платы. Разделим этот показатель на две части: заработка членов артели и вольнонаемных сотрудников. Члены артели, помимо фиксированного оклада, могли выделять себе на заработную плату не более 60% чистой прибыли. Соответственно, чем успешнее деятельность артели, тем выше заработка каждого члена объединения, что формировало заинтересованность в повышении эффективности работы.

Таблица 3

Члены артелей «Инрыбак» и «Луч Кооперации» по группам инвалидности

№ группы инвалидности	Инрыбак		Луч Кооперации	
	количество, чел.	категория	количество, чел.	категория
1-я	–	инвалиды Гражданской войны, инвалиды труда	–	инвалиды Империалистической войны, Гражданской войны
2-я	1		–	
3-я	3		6	
4-я	2		–	
5-я	1		–	

Сост. по: [9, л. 7 об., 36; 20, л. 17 об.].

В артели «Инрыбак» заработка плата зависела от занимаемой должности. В частности, в ноябре 1925 г. членам производственного комитета выплачена заработка плата в размере от 112 до 125 руб., а членам, не входящим в этот комитет, немногим больше 80 руб. [13, л. 69]. Заработка плата членов артели «Луч Кооперации» была одинаковой у всех, вне зависимости от должности. Однако она также варьировалась в зависимости от конкретного месяца. Например, в марте 1925 г. заработка плата составляла 24 руб. [21, л. 8], в апреле 1925 г. – 70 руб. [21, л. 45], в июне 1925 г. – 78 руб. С заработной платы членов артели 10% удерживалось в запасной капитал [21, л. 133].

Вместе с тем артелью было установлено, что при командировании сотрудников необходимо выделять 2 руб. в сутки в пределах своей губернии и 3 руб. в сутки при командировании в другие регионы. Помимо этого, тем членам артели, которые постоянно проживали на промысле, был положен бесплатный паек (хлеб – 2 раза в день, $\frac{1}{4}$ фунта чая и 3 фунта сахара в месяц). При необходимости выделялись деньги на оплату арендного жилья. Помимо всего прочего, члены артели имели право забирать товары из лавки на личные нужды, однако сумма этих товаров не должна была превышать 30 руб. в месяц [19, л. 208]. Подобных привилегий у членов артели «Инрыбак» выявлено не было. Интересно, что обеим артелям ГИКО было выписано предупреждение о том, что они выплачивают заработную плату выше установленной нормы в 60% и о необходимости удерживать с членов артели данную сумму [11, л. 41; 19, л. 54–55].

Помимо самих членов артелей, в штате числились рабочие и служащие. В разные периоды времени их количество менялось. Так как обе артели занимались рыбным промыслом, комплектация штата рабочих и служащих зависела от периода осенней и весенней путины. В те месяцы, когда она начиналась, вольнонаемный штат увеличивался в разы и, соответственно, уменьшался в межсезонье.

Заработка плата у работников инвалидной артели «Инрыбак» зависела от количества отработанных рабочих дней. К примеру, заработка плата рабочего Тарасова М. А. в июле [23, л. 12] и в августе [23, л. 34] 1925 г. составляла 22 руб. 50 коп., а уже в ноябре 1925 г. – 104 руб. 99 коп. [16, л. 72]. Интересно, что несмотря на то, что должность у мужчин и женщин обозначалась одинаково – «рабочий» и «рабочая», разница в оплате была ощущима. В том же ноябре 1925 г. рабочая Малахова Анна получила 48 руб. 92 коп., что почти в два раза меньше, чем у Тарасова М. А. [16, л. 72]. Заработка плата работников артели «Луч Кооперации» была сделкой и также зависела от количества дней, отработанных в сумме. Ставка рабочего варьировалась от 16 руб. 50 коп. до 19 руб. 80 коп. за 25 дней работы

в месяц. В целом полученные данные указывают на то, что заработка плата рабочих «Инрыбака» была выше, чем в артели «Луч Кооперации». Интересен тот факт, что выплаченная рабочим «Инрыбака» заработка плата составляла практически ту же сумму, что и зарплата членов артели, а иногда и больше. В артели «Луч Кооперации» такой ситуации не наблюдалось, и рабочие получали сравнительно ниже тех, кто являлся членом артели.

Из заработной платы рабочих и служащих отчисляли обязательные страховые взносы в Общегородскую страховую кассу [15, л. 29], а также производили отчисления в Губотдел Союза пищевиков. В «Инрыбаке» средства отчислялись на культфонд – 2%, дома отдыха – 1%, фабзавуч – 2%, на образование коллектива – 2% и др. [23, л. 11]. В «Луче Кооперации» 3% с заработной платы удерживалось в фонд Союза Пищевиков [21, л. 81]. Помимо этих выплат артель оплачивала взносы на социальное страхование для вольнонаемных работников и служащих, для которых действовал 16% тариф. От количества вольнонаемных рабочих в конкретный период времени зависела и сумма уплаченных взносов, например, если в декабре 1924 г. она составляла 15 руб. 29 коп., то уже в июне 1925 г. этот показатель равнялся 61 руб. 97 коп. [26, л. 27]. Страховые взносы удерживались только у штатных рабочих и служащих, за инвалидов делать отчисления в страховую кассу не требовалось. Иногда артели совершали и добровольные пожертвования в другие организации, например, артель «Инрыбак» постановила отчислить на памятник Ильичу – 25 руб., в пользу Международной организации помощи борцам революции (МОПР) – 10 руб., в пользу пострадавших от стихии ловцов – 10 руб. [12, л. 7 об.].

Резюмируя всё вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

В период новой экономической политики инвалидные артели Астраханской губернии, в частности кооперативы «Инрыбак» и «Луч Кооперации», являлись как активными участниками вновь формирующегося рынка, так и были одним из звеньев в поставке рыбной продукции не только на территории Астраханской губернии, но и других регионов страны.

Помимо этого, кооперативы играли немаловажную роль в снабжении товаров народного потребления в губернии. В частности, инвалидная артель «Луч Кооперации» была важным компонентом товарообмена между городом и деревней, при этом пользуясь авторитетом у местного сельского населения. Из этого следует, что подобного рода организаций в тот период могли быть вполне успешны по ряду факторов.

Такими факторами являлись условия независящие от работников (например, ледоход), а в большей степени в деятельности таких малых предприятий играл роль человеческий фактор.

Так, главной причиной ликвидации обеих артелей стали сами люди. В артели «Инрыбак» деятельность остановилась в результате неумелого руководства, конфликтов между членами артели и постоянных кадровых перестановок, а в артели «Луч Кооперации» причиной стала усталость всех членов артели от ведения деятельности.

Список литературы

1. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. : в 4 т. Т. 1. 1917–1928 годы: Сборник документов / сост. В. Н. Малин, А. В. Коробов. М. : Госполитиздат, 1957. 879 с.
2. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 434 с.
3. Гениев Э. Социальная реабилитация инвалидов войны и труда в системе кооперативных предприятий в 20–30-е годы XX века (на материалах областей Верхне-Волжского региона) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. 214 с.
4. Никонов И. И. Кооперативное движение России в 30–50-е годы XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Кострома, 1999. 560 с.
5. Печалова Л. В. Промысловая кооперация и кооперація инвалидов в реализации социально-экономической политики Советского государства (1920–1960 гг.): на материалах Северного Кавказа и Дона : дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2023. 589 с.
6. Зуйкова Ю. И. Развитие кооперации в Нижнем Поволжье в 1921–1941 гг. : монография. Астрахань : Астраханский ун-т, 2007. 66 с.
7. Сливка Ю. И. Развитие кооперации в Нижнем Поволжье в 1921–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 199 с.
8. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 71 (Торгово-производственная коопера-тивная артель инвалидов «Инрыбак» Астраханского губернского кооперативного объединения инвалидов г. Астрахань). Оп. 1. Д. 4.
9. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 11.
10. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 3.
11. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10.
12. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 2.
13. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 9.
14. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1.
15. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 6.
16. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 8.
17. ГААО. Ф. 70 (Торгово-производственная коопера-тивная артель инвалидов «Луч Кооперации» Астраханского губернского кооперативного объединения инвалидов с. Селитренное Харабалинского района Астраханской губернии). Оп. 1. Д. 3.
18. ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1.
19. ГААО. Ф. 2112 (Астраханское губернское произ-водственно-кооперативное объединение инвалидов войны и труда). Оп. 1. Д. 75.
20. ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2.
21. ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3.
22. Храмцова Т. Г., Храмцова О. О. Статистический подход к сравнительной оценке деятельности ре-гиональных кооперативных организаций // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 111–119.
23. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 7.
24. ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 7.
25. О социальном обеспечении инвалидов: декрет Со-вета Народных Комиссаров от 8 декабря 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. № 79, ст. 672. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1944. С. 1091–1093. URL: <https://docs.historyrussia.org/rui/nodes/342161-sobranie-uzakoneniy-i-rasporyazheniy-rabochego-i-krestyanskogo-pravitelstva-za-1921-g#mode/inspect/page/1090/zoom/4> (дата обращения: 06.12.2024).
26. ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 8.

Поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 16.12.2024; approved after reviewing 01.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 405–411

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 405–411

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-405-411>, EDN: SOADZC

Научная статья

УДК 379.8-057.2(470.44-25)|192|193|

Эволюция форм досуга в повседневной жизни саратовских рабочих в 1920–1930-е гг.

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AuthorID: 474841

Аннотация. В статье исследована эволюция различных форм досуга саратовских рабочих в 1920–1930-е гг. С приходом к власти большевики огромное внимание стали уделять воспитанию «нового человека». Объектом этой политики стали, прежде всего, рабочие, среди которых широкое распространение имели практики, провозглашенные новой властью «пережитками прошлого» – пьянство и религиозность. Выявлена противоречивая политика партийно-государственной власти в отношении алкогольной проблеме. Представлена непримиримая позиция по отношению к религиозным праздникам и последовательная политика по замене их «культурными» формами досуга рабочих. Власть вторглась в частную жизнь рабочих, стремясь наполнить привычные досуговые формы новым идеяным содержанием. Все свободное у рабочих регламентировалось, имело политический подтекст, ориентировало их на строительство светлого будущего и преданность партии и Родине.

Ключевые слова: советская повседневность, воспитание «нового человека», досуг, Саратов, клуб, пьянство, антирелигиозная пропаганда, кино, театры, цирк, библиотеки, периодика, спорт

Для цитирования: Чолахян В. А. Эволюция форм досуга в повседневной жизни саратовских рабочих в 1920–1930-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 405–411. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-405-411>, EDN: SOADZC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of leisure forms in the daily life of Saratov workers in the 1920–1930s

V. A. Cholakhyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AuthorID: 474841

Abstract. The article examines the evolution of various forms of leisure for Saratov workers in the 1920s and 1930s. When the Bolsheviks came to power, they began to pay great attention to the education of the “new man.” The object of this policy was, first of all, workers, among whom the practices proclaimed by the new government as “remnants of the past” – drunkenness and religiosity – were widespread. The contradictory policy of the party and state authorities towards the alcohol problem has been revealed. An irreconcilable position towards religious holidays and a consistent policy to replace them with “cultural” forms of leisure for workers are presented. The government invaded the private lives of workers, trying to fill the usual leisure forms with new ideological content. Everything free for the workers was regulated, had political overtones, oriented them towards building a bright future and devotion to the party and the Motherland.

Keywords: Soviet everyday life, education of a “new man”, leisure, Saratov, club, drunkenness, anti-religious propaganda, cinema, theaters, circus, libraries, periodicals, sports

For citation: Cholakhyan V. A. The evolution of leisure forms in the daily life of Saratov workers in the 1920–1930s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 405–411 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-405-411>, EDN: SOADZC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Советская власть уделяла первостепенное внимание вопросам организации труда и регулирования досуга рабочих. Законодательное установление восьмичасового рабочего дня фак-

тически стало гарантией наличия у горожан 16–18 часов, свободных от трудовой деятельности, т. е. времени отдыха, или досуга. И это свободное время населения советское государство

с его патерналистской политикой стремилась регулировать нормами социалистической морали для воспитания «нового человека» – патриота, труженика, борца за справедливость, строителя коммунистического общества.

Для формирования новой государственной идеологии в программе большевиков, принятой на VIII съезде РКП (б) 18–23 марта 1919 г., в числе первоочередных задач на переходный период от капитализма к социализму предполагалось «создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.» [1, с. 421]. Важной задачей партийных организаций становилось воспитание новых сознательных рабочих и вовлечение их в «строительство социализма». Успешное решение этих задач власть связывала с деятельностью общественных организаций и прежде всего профсоюзов и комсомола.

В организации досуга рабочих все больше утверждался производственный принцип, предполагавший культурно-просветительскую работу профсоюзов предприятий с целью «не отпустить рабочие массы в разные частные веселительные заведения» [2, с. 7]. Основой культурно-просветительской работы утверждался рабочий клуб, ставший постоянным объектом внимания профсоюзных и комсомольских организаций. В советскую эпоху клубы превратились в общественный институт, призванный не просто организовать досуг рабочих в плане развития их творческих способностей, но и наполнить его новым идейным содержанием в духе преданности партии и Родине.

В Саратове в 1925 г. насчитывалось 14 клубов [3]. Местная власть рассматривала заводские клубы как альтернативу пивной и церкви. В клубах действовали библиотечные, физкультурные, шахматно-шашечные кружки, курсы рабкоров, политшколы и др., организовывались творческие вечера [4, л. 30]. Однако охват рабочих кружками был весьма низким. В частности, по данным 1935 г., из 5 тыс. рабочих саратовского завода «Комбайн» в кружковой работе участвовало лишь 180 чел., а из 2200 рабочих Трамвайного парка клуб посещало только 89 чел. [5, л. 1] Сами рабочие объясняли это так: «Нас в клуб не тянет, потому что там нет порядка, нет обстановки отдохнуть, мебели недостаточно, приходится приставать до начала постановок» [5, л. 13]. Рабочие фабрики им. Самойловой отказывались посещать «читальню» клуба из-за вечного шума и гама в залах библиотеки, заявив: «А ну его, с клубом-то, хулиганства я что ли не видел?» [6, с. 2]. Кроме того, на посещаемости клубов отражалось их расположение за городом. Так, в докладе о работе клуба «Красный кожевник» отмечалось: «Расположение неудобное. Стоит за чертой города, чтобы попасть в клуб

надо пройти $\frac{1}{2}$ версты заборов. Поэтому постостоянная посещаемость слабая. Все рабочие живут в городе» [4, л. 43].

Особая роль в формировании «нового человека» в 1920–1930-е гг. отводилась молодёжи – центральной фигуре тогдашней жизни. Молодёжь, выросшая в 1920-е г., не знала старого дореволюционного фабрично-заводского уклада, и для неё понятия «комсомол», «партийка», «рабочий клуб» и «линия партии» были совершенно естественны. Являясь носителем инновационного пафоса, она олицетворяла силу обновления общества и легко принимала идеальную реальность за «настоящую», а схему – за жизнь [7, с. 129]. Характерной чертой психологического облика рабочей молодёжи той эпохи был коллективизм, основанный на традиционных ценностях в большинстве своем выходцев из сельской местности. Молодые люди воспринимали окружающий мир как данность, упрощали жизненные проблемы и легко подвергались воздействию коммунистической идеологии. Они являлись носителями нового стиля жизни и быта, проявляя нетерпимость к «пережиткам прошлого», мешавшим, на их взгляд, дальнейшему продвижению вперед.

К таким «пережиткам прошлого» в 1920-х гг. советская власть относила пьянство. В рабочей средеочно сохранялись обычаи бытового пьянства: традиция «первой получки», «обмывание нового сверла», «спрыскивания блузы» и т. д. [8, с. 55]. В августе 1925 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была введена государственная монополия на изготовление и продажу водки [9]. По воспоминаниям современников, свободная продажа водки в 1925 г. привела к тому, что на улицах Саратова «снова появилось невероятное количество пьяных». Наблюдались случаи, особенно на окраинах города, когда «толпы пьяных граждан ходили по улицам, распевали песни, играли на гармониках, ругались, задевали прохожих» [10, с. 3]. Жители Саратова недоумевали по этому поводу: «До свободной продажи вина пьяных почти не было видно, т. к. никому не улыбалось быть забранным в ЧК или в милицию и в течение немалого времени подвергаться допросам: где, когда, у кого, за какую цену и на какие деньги приобретена была самогонка. Пьяные прятались сами и укрывались приятелями и родными. Теперь же вино продавалось открыто, следовательно, у людей исчез страх появиться в пьяном виде в общественных местах» [11, л. 45].

Доступность в цене винно-водочных изделий привела к расширению круга лиц, потребляющих алкоголь. В Саратове наблюдалось массовое явление – посещение рабочими, в особенности в праздники, а также в дни аванса и получки, различных пивных и биллиардных, а у магазинов Госспирта зачастую можно было наблюдать целые очереди страждущих [12, л. 1].

Рост потребления населением спиртных напитков вызвал вполне обоснованные опасения власти. За август – октябрь 1928 г. в Саратове было зарегистрировано около 5 тыс. чел., находящихся на улице в нетрезвом виде [13, л. 81]. Если в 1926 г. от пьянства умерло 36 чел., то в 1928 г. – 45 чел. На некоторых предприятиях Саратова (завод им. Ленина, «Сотрудник революции», «Универсал») по причине пьянства резко увеличилось число прогулов по неуважительным причинам (от 1,5% в начале 1928 г. до 4,7% в 1929 г.) [14, с. 24]. В 1927 г. и 1929 г. СНК РСФСР принял два постановления, направленных на ограничение торговли спиртными напитками: запрещалась продажа алкоголя несовершеннолетним и лицам, находившимся в состоянии опьянения, не допускался отпуск водки в культурно-просветительских учреждениях и организациях общественного питания [15, с. 224].

В августе 1928 г. по решению Саратовского Городского совета были закрыты 37 из 41 пивных, расположенных в рабочих районах города. На 25% сокращалось число казенных винных лавок, а торговля вином и водкой разрешалась только в магазинах Центроспирта [16, с. 83]. В сентябре 1928 г. Саратовский окружной исполнком советов постановил «запретить торговлю хлебным вином, водочными изделиями, ликёрами, коньяками и прочей алкогольной продукцией крепостью свыше 20 градусов в праздничные дни и дни отдыха. Виновные в нарушении этого постановления по г. Саратову подвергались штрафу 100 руб. или принудительным работам до 1 месяца» [17, л. 48].

Наряду с административными мерами, власть решила подключить общественность для борьбы с этим социальным злом. В 1928 г. повсеместно стали создаваться Комиссии оздоровления труда и быта (КОТИБ) и Общества борьбы с алкоголизмом (ОБСА). В антиалкогольное общество Саратова входили представители от женотдела, комсомола, культурно и санитарно-просветительных отделов, профсоюзов и медицинского факультета университета [18, л. 67]. Члены общества проводили антиалкогольную пропаганду и агитацию, добивались закрытия пивных и «казенок», а освободившиеся помещения использовали для культурных целей: чайных, красных уголков и рабочих квартир [19, л. 56]. По их инициативе в Саратове в 1929 г. был открыт невропсихиатрический диспансер для лечения алкоголиков и наркоманов [20, с. 4].

Выбор стратегии форсированной индустриализации на основе жесткого регулирования и централизованного планирования в начале первой пятилетки предопределил отношение советского государства к производству и продаже алкогольной продукции. Власть пошла на максимальное увеличение производства и продажи алкогольной продукции в целях пополнения бюджета страны.

В то же время изменилось отношение к проблеме алкоголизма. Постепенно эта тема стала сходить со страниц печати, а ОБСА в 1932 г. прекратили своё существование. Если в 1920-х гг. пьянство рассматривалось как пережиток капитализма и результат «мелкобуржуазного влияния на рабочий класс», то в середине 1930-х гг. к этому добавился и политический оттенок – лица, злоупотреблявших алкоголем, стали возводить в ранг приспешников «троцкистско-зиновьевской банды» [21, с. 41]. В условиях расширения производства и продажи алкогольной продукции, официальная статистика свидетельствовала о снижении потребления спиртных напитков в стране, хотя в действительности пьянство оставалось одной из форм досуга рабочих в этот период.

Другой устоявшейся формой досуга рабочих оставалась религия. Советская власть с первых дней своего существования поставила задачу отстранить церковь от участия в повседневной жизни населения. Курс на форсированную индустриализацию предполагал формирование у промышленных рабочих «индустриального менталитета» с атеистическим мировоззрением. В частности, директива ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. предписывала активизировать антирелигиозную пропаганду для борьбы с «поповщиной, церковными обрядами и пережитками старого быта» [22, л. 1].

Прежде всего, из года в год стало сокращаться число церковных праздников: в 1924 г. в советском календаре уже отсутствовало Возрождение, в 1925 г. – Крещение и Благовещение, а в 1930 г. их вовсе не стало [23, с. 310]. На рубеже 1920–1930-х гг. прошла кампания по закрытию церквей как центров праздничных торжеств. Одновременно с сокращением и отменой религиозных праздников власть заменила их на революционные. Например, вместо праздника Преображения 6 августа 1929 г. стали отмечать Первый день индустриализации. Широкое распространение получили Красная Пасха и Красное (Комсомольское) Рождество.

Более эффективной мерой по вытеснению церкви от участия в повседневной жизни населения оказалась реформа рабочей недели. С началом первой пятилетки в 1929 г. произошел переход на непрерывную пятидневную рабочую неделю [24]. Это позволило сделать производственный процесс практически непрерывным, однако выходной день стал скользящим и на разных предприятиях не совпадал. Нарушение устоявшейся периодичности будней и выходных негативно сказалось на досуге рабочих, сделав редкими семейные вечера и дружеские встречи, не говоря уже о церковных праздниках. Об этом свидетельствуют результаты анализа анкет «Автобиографий безбожников», проведенные И. Н. Дониной. Так, на вопрос о при-

чине отхода от совершения религиозных обрядов большинство респондентов отвечало: «Даже не успеваю отдохнуть, не говоря уже о церкви» или «в церковь не хожу, так как восемь часов работаю, а остальное время провожу за работой дома» [25, с. 27].

Особую роль в пропаганде атеистических идей власть отводила комсомольцам. Они организовывали на саратовских предприятиях «безбожные ударные бригады», «красные крестьины» и «красные свадьбы», принимали участие в антирелигиозных кампаниях (например, в кампании по изъятию церковных ценностей) и работе общества «Безбожник», разыгрывали показательные суды над религией. В 1930 г. в Саратове провели комсомольскую Пасху с антирелигиозными лозунгами. В саратовских клубах организовывались атеистические лекции, беседы, ставились спектакли, выпускались специальные номера стенгазет [26, л. 408]. Новые советские праздники рассматривались как особый вид символизации власти. Стилистику революционных торжеств составляли красные знамёна, флаги, портреты вождей и выдающихся исторических личностей.

Именно комсомольцы, молодые рабочие активно боролись с «пережитками прошлого». Большевики всячески поддерживали подобные начинания молодежи, стремясь наполнить привычные формы досуга новым идейным содержанием. В частности, большое внимание уделялось развитию физкультуры и спорта, призванные подготовить молодежь к службе в Красной Армии. В Саратове первые спортивные кружки возникли при заводских клубах деревообделочников и клубе водников им. С. Разина в 1922 г. [27, с. 3]. В 1930-е гг. массовая физкультурная работа становилась обязательным элементом в досуге рабочих, а спортивные общества создавались на каждом предприятии и госучреждении.

Зимой 1931 г. в Саратове были проведены Краевой лыжный пробег и шахматно-шашечный турнир, а летом 1932 г. – спортивный праздник в честь III Краевой конференции комсомола. Во второй половине 1930-х гг., в связи с осложнением внешнеполитической ситуации, широкое распространение получили военно-прикладные виды спорта, военизированные марши, антивоенные дни. Все это способствовало организации свободного времени молодых людей, подчиняя их досуг к подготовке к службе в Красной Армии. Об этом, в частности, писала областная газета «Коммунист» в 1939 г.: «Физкультура и спорт служат великому делу защиты Родины», каждый «советский физкультурник – это завтрашний воин Красной Армии, всегда готовый сменить майку спортсмена на гимнастёрку бойца» [28, с. 3]. В 1939 г. в Саратове физкультурой и спортом занималось 30 тыс. чел. [29, л. 186].

Наиболее притягательной формой развлечений рабочих в этот период становилось кино.

Популярность кино среди населения, его способность сильно и эмоционально воздействовать на зрителей побудили большевиков к активному его включению в процесс воспитания «нового человека». По мнению В. И. Ленина, «пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» [30, с. 726]. Кинематограф способствовал укреплению советской идеологии в сознании рабочих. И хотя в кино было достаточно много вымыщенного, иллюзорного, у неискусшенного зрителя возникало непреодолимое желание поверить в правильность «генеральной линии партии» и реальность построения светлого будущего.

По этой причине большинство кинофильмов этого времени имели политизированный оттенок, повествуя о героях Гражданской войны и революции, жизни рабочего класса: «Ленин в 1918 году», «Чапаев», «Путевка в жизнь», «Юность Максима», «Трактористы», «Волга-Волга», «Весёлые ребята», «Пётр Первый», «Александр Невский» и др. Среди иностранных фильмов особой популярностью пользовались «боевики». Как правило, перед началом сеансов демонстрировали хроникальное кино, которое знакомило советских людей с трудовыми успехами страны и информировало о событиях за рубежом [31, с. 38]. В 1931 г. в Саратове начала работать Нижне-Волжская студия кинохроники.

В период НЭПа в Саратове наблюдался настоящий кинематографический бум: число кинотеатров увеличилось с 6 в 1923 г. до 25 в 1928 г. [32, с. 57]. Наиболее популярными кинотеатрами для жителей города являлись «Первое Общедоступное кино», «Второе Общедоступное кино», «Прожектор», «Великий Немой», «Новый идеал», «Зеркало жизни» и «Фурор» [33, с. 2]. В последующие годы сеть городских кинотеатров стала сокращаться, что объяснялось их аварийным состоянием. В 1939 г. в Саратове имелось 10 кинотеатров, но зато активно практиковались открытые площадки и передвижные киноустановки в заводских клубах [34, л. 107]. Кино становилось наиболее притягательной формой развлечений для рабочих, а государственный контроль за репертуаром кинотеатров был гарантией нормирования сферы их досуга.

Политико-идеологические установки власти распространялись и на театры. Саратов еще до революции имел давние театральные традиции, а в годы НЭПа появилось несколько новых театров: «Потешный театр», «Арена Поэхма» (театр «поэтов, художников, музыкантов и актёров»), имени Ф. Энгельса. Как правило, их репертуар был рассчитан на вкусы «новой советской буржуазии» – нэпманов. К тому же билеты в эти театры стоили достаточно дорого, поэтому рабочие их редко посещали. Гораздо чаще трудящиеся Саратова ходили в театр имени К. Маркса, который территориально располагался близко

к рабочим окраинам города. Профсоюзы старались не только обеспечить рабочих льготными билетами, но и добивались включения в репертуар театра таких произведений, которые не противоречили идеологическим требованиям и давали «возможность театру вскрыть социальную и художественную ценность драматического материала» [35, с. 272]. В 1925 г. в Саратове был создан Художественный трест, главной задачей которого стал государственный контроль за репертуаром театров, чтобы «ни одна постановка не могла выйти без предварительного просмотра и одобрения её трестом» [13, л. 5].

В 1930-е гг. на сцене театра имени К. Маркса ставились такие произведения классической драматургии, как «Ревизор», «Горе от ума», «Король Лир», «Мещанин во дворянстве» и др. Среди постановок современных авторов выделялись пьесы на революционную тематику – «Первая конная», «Разлом», «Гибель эскадры», «Огненный мост», «Ленин», «Интервенция» и др. [34, л. 166]. Билеты на эти спектакли зачастую служили формой премирования на промышленных предприятиях за ударный труд. Профсоюзы добились выделения в театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского и драмтеатре специальных мест для передовиков производства. Например, в 1934 г. эти театры ежедневно посещали 250 и 325 ударников соответственно [36, л. 10 об.].

Еще одним доступным местом развлечений для саратовских рабочих являлся цирк, основанный еще в 1873 г. братьями Никитиными. В 1918 г. артисты организовали кооператив во главе с жонглером Н. Бенедетто, а в 1922 г. цирк перевели в подчинение отдела искусств Саратовского губсовета, т. е. сделали государственным [37, с. 12]. В 1928 г. деревянное здание цирка дореволюционной постройки было снесено из-за его ветхости. За сравнительно короткий срок, к 1931 г., по проекту архитектора Б. С. Виленского было построено новое здание цирка.

Горожане любили посещать цирк целыми семьями. Поэтому власть придавала большое значение постановке политico-агитационных цирковых номеров. Например, пантомима «Три даты» включала события 1905 г., день памяти В. И. Ленина и завершение первой пятилетки, призванные олицетворять связь времен и торжество идей социализма [38, с. 14]. Билеты в цирк также являлись одной из форм премирования передовиков производства. О популярности саратовского цирка свидетельствует его высокая посещаемость: к 1939 г. цирковые представления посетило 2,5 млн. чел. [39, с. 60].

Одной из форм проведения коллективного досуга и идеино-политического просвещения рабочих являлись библиотеки, призванные способствовать ликвидации неграмотности и введению всеобщего обучения. Чтение повышало культурный уровень рабочих, формировало классовую

сознательность. Поэтому весь библиотечный фонд страны подвергся жесткой цензуре: были изъяты книги «буржуазных авторов», а также часть иностранной литературы. Остались только книги, воспитывающие людей в духе социализма. С этой целью массовыми тиражами издавались такие произведения, как «Чапаев» Д. Фурманова, «Мать» М. Горького, «Железный поток» А. Серафимовича, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, а также «разрешенные» произведения А. С. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Отцы и дети» И. С. Тургенева. В 1939 г. в Саратове функционировали 94 взрослых и 2 детских библиотеки [40, л. 118].

Другими средствами массовой коммуникации в 1920–1930 гг. стали пресса и радио. Причем интерес к газете часто поглощал внимание к книге. Сами рабочие объясняли это так: «...романы, некогда этим заниматься, мальчиком был – читал, а теперь не надо этого рабочему» [41, с. 190]. Периодика 1920–1930-х гг. отличалась большим разнообразием. В исследуемый период в Саратове выходили такие газеты, как «Саратовские известия», «Поволжская правда», «Саратовский рабочий», «Коммунист», «Ленинский путь» «Большевистская молодёжь», «Киноизвестия», а также журналы «Коммунистический путь», «Нижнее Поволжье», «Нижне-Волжский партработник», «Красный путь» (печатный орган РУЖД), «Профгруппорг», «Вестник здравоохранения», «Право и суд», «Клещи» (сатирический журнал) и др.

На каждом крупном предприятии Саратова имелась своя многотиражная газета, на страницах заводских многотиражек главными героями становились сами рабочие. Рабселькоры в своих заметках писали о передовиках производства, ударниках и стахановцах, распространяли их опыт работы. Такие публикации носили в себе мощный мотивирующий эффект для рабочих, вдохновляли их трудиться еще лучше.

Анализ архивных документов показывает, что чтение книг и газет не получило широкого распространения среди рабочих не только в силу их малограмотности, но и из-за излишней их политизации. Для приобщения рабочих к чтению фабрично-заводские библиотеки регулярно проводили в цехах, в «красных уголках» и общежитиях «читки» политической литературы, газет и журналов [42, л. 3].

Более действенным средством широкомасштабной идеологической пропаганды государственной политики стало радио, которое позволяло формировать общественное мнение даже среди безграмотных и малограмотных рабочих. В Саратове первый радиосигнал был дан 8 ноября 1926 г. В 1930 г. в здании Облсовпрофа был открыт радиовещательный узел, а через год появился радиотрансляционный узел на ул. Пролетарской. После этого началась радиофикация

города, промышленных предприятий и рабочих квартир. Культотдел краевого совета профсоюзов разработал план и смету на 20 тыс. руб. на радиофикацию рабочих поселков, в том числе на установку около тысячи громкоговорителей на рабочих окраинах, в клубах и заводских комитетах [43].

Радио стало самой массовой коллективной формой информирования людей. Советское государство монополизировало радио. Советскому руководству удалось заложить в народе веру в реальность построения социализма без эксплуатации человека человеком, в светлое будущее, а радио, как чудо цивилизации, стало одним из символов прогресса на руинах старого мира. Благодаря радио люди стали ощущать себя частью своей великой страны, стремились развиваться и самосовершенствоваться. Власть соответствующими директивами и призывами всячески поощряла общественную активность рабочих, их тягу к знаниям, культуре, спорту, направляя ее в русло беззаветного служения социалистическому отечеству.

Таким образом, под влиянием политических, экономических, и демографических процессов в стране в 1920–1930-х гг. происходила эволюция форм досуга городских рабочих. В 1920-е гг. в повседневной жизни рабочих наблюдалось совмещение дореволюционных досуговых практик с крестьянскими, привнесенными «новыми рабочими» из деревни. Советская власть с ее патернатской политикой стремилась воспитать «нового человека», полезного для общества и государства, строителя коммунистического общества. Эволюция форм свободного времени рабочих и рождение новой культуры досуга происходило во взаимодействии и взаимовлиянии старого и нового, реального и идеального, крестьянского и пролетарского под идеологическим контролем государства.

Свертывание НЭПа сопровождалось усилением агитационно-пропагандистской работы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по формированию социалистического образа жизни. На досуговую повседневность рабочих 1930-х гг. огромное влияние оказывали социальные последствия сплошной колlettivизации, индустриализации, голод и массовые репрессии. Власть вторглась в частную жизнь рабочих, стремясь наполнить привычные досуговые формы новым идеяным содержанием. Все свободное у рабочих регламентировалось, имело политический подтекст, ориентировало их на строительство светлого будущего и преданность партии и Родине.

Список литературы

1. Ленин В. И. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 38. С. 417–446.
2. Сиротинин П. Профсоюзы Северо-Западной области // Вестн. профсоюзов. 1922. № 1. С. 5–14.
3. Семью рабочего – в клуб // Саратовские известия. 12 апреля 1925 г.
4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Оп. 4. Д. 396.
5. ГАНИСО. Ф. 594. Саратовский обком КПСС. Оп. 1. Д. 419.
6. Кружковая работа в заводском клубе // Саратовские известия. 1924. 30 апреля. № 95. С. 2.
7. Модернизация в России и конфликт ценностей / отв. ред. С. Я. Матвеева. М. : ИФ РАН, 1994. 250 с.
8. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX. М. : Изд-во МГОУ, 2005. 175 с.
9. Положение о производстве спирта и спиртных напитков, и торговле ими. 28 августа 1925 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1925. Отд. 1. № 57. Ст. 426.
10. Пьянству бой // Саратовские известия. 1926. № 143. С. 3.
11. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 684.
12. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1159.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521 Исполнительный комитет саратовского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, губисполком. Оп. 2. Д. 183.
14. Материалы к XIII партийной конференции 2-го района г. Саратова. Саратов : ОГИЗ РСФСР, Нижне-Волжское краевое отд., 1930. 32 с.
15. О мерах ограничения торговли спиртными напитками // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУ РСФСР). 1929. № 20. С. 224.
16. Материалы к отчёту о работе Саратовского городского совета рабочих и красноармейских депутатов XVI созыва за время с марта 1927 г. по сентябрь 1928 г. Саратов : Нижн.-Волж. краев. изд-во, 1928. 90 с.
17. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 2. Д. 186.
18. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 542.
19. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1737.
20. Общество борьбы с алкоголизмом (ОБСА) // Саратовские известия. 1929. № 143. С. 4.
21. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1929–1938. Оп. 2. Д. 7.
23. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 442 с.

24. О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40. Отдел первый. М., 1930. 392 с.
24. Постановление Совета Народных Комиссаров. О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю. 24 сентября 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40-76. Отдел первый. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377210> (дата обращения: 25.10.2024).
25. Донина И. Н. Автобиографии безбожников как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х гг. // Клио. 1998. № 3 (6). С. 24–31.
26. ГАНИСО. Ф. 6124. Нижне-Волжский краевой совет общества «Друг детей». Оп. 1. Д. 6.
27. Физкультура и спорт – в жизнь // Саратовские известия. 1923. 21 мая. № 114. С. 3.
28. Физкультура и спорт служат великому делу защиты Родины // Коммунист. 1939. 18 июля. № 163. С. 3.
29. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 421.
30. Ленин В. И. Беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1970. Т. 44. С. 274–285.
31. Ильин Г. В. Культурное строительство в СССР в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937–1941). М. : М-во культуры РСФСР ; Московский государственный институт культуры, 1965. 109 с.
32. Статистический ежегодник (справочник) на 1928 г. Саратов : Сарат. губ. стат. отд. ГИКа, 1928. 647 с.
33. Из всех искусств важнейшим для нас является кино // Саратовские известия. 5 февраля 1925 г. С. 2.
34. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1 Д. 1071.
35. Культурное строительство в РСФСР : в 2 т. / ред. М. П. Ким. М. : Советская Россия, 1984. Т. 1, ч. 2. 358 с.
36. ГАСО. Ф. Р-1738. Исполнительный комитет саратовского областного совета депутатов, трудящихся. Оп. 6. Д. 3.
37. Цирк зовет // Зритель. Еженедельный журнал искусств Нижнего Поволжья. Орган Саратовского Художественного треста. 1925. № 1. С. 10–15.
38. Пять лет работы Саратовского государственного цирка, 1931–1936. Саратов : Сарат. госцирк, 1936. 22 с.
39. Материалы к отчёту Саратовского городского совета РК и КД с 1934 по 1 июля 1939. Саратов : Сар. гор. совет РК и КД, 1939. 94 с.
40. ГАРФ. Ф. А-374. Государственный комитет РСФСР по статистике. (Госкомстат РСФСР). Оп. 9. Д. 17.
41. Кабо Е. О. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М. : Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. 290 с.
42. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1074.
43. Слушайте! Слушайте! Слушайте! Хроника развития радио в Саратовской губернии: 1924–1930 гг. / Столетие. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/slushajte_slushajte_slushajte_288.htm (дата обращения: 25.10.2024).

Поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 412–420
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 412–420
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-412-420>, EDN: ZQJBAU

Научная статья
УДК 338.245-057.177 (470.40)|1941/1945|

Руководящие кадры военно-промышленного комплекса Пензенской области в 1941–1945 гг.

Е. В. Войков

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Войков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории», evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Аннотация. В статье исследуются отдельные аспекты деятельности руководителей военно-промышленного комплекса Пензенской области 1941–1945 гг. Специфика источников базы состоит в ограниченности корпуса документов госархива Пензенской области и субъективизме обследований заводов местными партийными органами. Назначение руководящих работников в рассматриваемом в статье регионе подтверждает общесоюзную тенденцию. Иногда увольнение сопровождалось переводом на другую работу. В отдельных случаях руководители освобождались от занимаемой должности за допущенные ошибки и срывы в работе.

Ключевые слова: военные заводы, руководители предприятий, завод «Пензмаш», завод «Пензтекстильмаш», обком

Для цитирования: Войков Е. В. Руководящие кадры военно-промышленного комплекса Пензенской области в 1941–1945 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 412–420. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-412-420>, EDN: ZQJBAU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Senior personnel of the military-industrial complex of the Penza region in 1941–1945

E. V. Voeikov

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgeny V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Abstract. The article examines certain aspects of the activities of the heads of the military-industrial complex of the Penza region in 1941–1945. The specifics of the source base are the limited corpus of documents from the Penza Region State Archive and the subjectivity of surveys of factories by local party bodies. The appointment of senior officials in the region considered in the article confirms the all-Union trend. Sometimes the dismissal was accompanied by a transfer to another job. In some cases, managers were dismissed from their posts for mistakes and disruptions in their work.

Keywords: military plants, heads of enterprises, Penzmash plant, Penztextilmash plant regional committee

For citation: Voeikov E. V. Senior personnel of the military-industrial complex of the Penza region in 1941–1945. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 412–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-412-420>, EDN: ZQJBAU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В научных работах, посвящённых подвигу тыла, социальный аспект функционирования предприятий представлен преимущественно стахановским движением, рационализацией и описанием условий труда и быта работников. [1, 2]. Анализ деятельности руководящих кадров в тех работах, где он присутствует, чаще всего даётся в контексте изложения производственной составляющей [3–5, с. 167–169]. Эта же тенденция характерна и для работ по истории индустрии предвоенного периода. Предметом специального изучения управленцы индустрии предвоенных

и военных лет становятся значительно реже [6–9].

Эвакуация предприятий в восточные районы страны и налаживание военного производства требовали значительных усилий. Пензенская область в 1941 г. представляла собой слабо развитый в индустриальном отношении регион с преобладанием предприятий лёгкой промышленности. Из предприятий тяжёлой промышленности, помимо крупного военного завода № 50, выпускавшего кроме взрывателей для снарядов ещё станки и велосипеды, в Пен-

зе находился авиа завод № 163 (запчасти для истребителя И-16) и выделенный в 1940 г. из состава ЗИФа часовской завод. В Кузнецке имелось небольшое предприятие «Возрождение», изготавлившее оборудование для текстильной промышленности. В Нижнем Ломове с 1939 г. строился завод № 255, предназначавшийся для производства патронных капсюлей и взрывателей, но к лету 1941 г. производственные корпуса ещё не были готовы. Поэтому часть предприятий, эвакуированных в Пензенскую область и ставших номерными военными заводами, в 1941 г. была размещена на неподготовленной производственной базе: завод № 472 в Кузнецке – на территории артели «Молот» и канатной фабрики, № 704 в Каменке – на законсервированной в начале 1930-х гг. стройплощадке сахарного завода, № 740 – на площадях бисквитной фабрики, № 744 – спиртзавода. Недостаток производственного оборудования и квалифицированных рабочих для налаживания выпуска военной продукции на пензенских заводах в ряде случаев мог быть более острым, чем в развитых индустриальных районах СССР. В этой ситуации от руководителей оборонных предприятий требовалась незаурядные организаторские качества.

Ограниченные рамки статьи не позволяют дать всесторонний портрет руководящего работника военного завода 1941–1945 гг. Основное внимание автора настоящего исследования было сосредоточено на специфике источниковой базы, подборе руководящих кадров, их перемещении на другую работу, причинах освобождения от занимаемой должности.

Для создания минимального представления об оборонно-промышленном комплексе Пензенской области 1941–1945 гг. следует кратко обозначить наиболее крупные военные предприятия. Завод № 50 (город Пенза) Наркомата боеприпасов (НКБ) в годы войны осуществлял выпуск взрывателей для крупнокалиберных артиллерийских снарядов, авиабомб, мин и станков-автоматов; № 255 (город Нижний Ломов, районный центр Пензенской области) НКБ – капсюли к 7,62-мм и 12,7-мм патронам, капсюли-детонаторы к минам и снарядам, запалы к ручным гранатам РГ-33 и Ф-1, электродетонаторы; № 354 (село Никольская Пестровка, впоследствии город Никольск, районный центр) Наркомата вооружений (НКВ) – оптическое стекло, танковые призмы; № 472 (город Кузнецк, районный центр) Наркомата авиационной промышленности (НКАП) – воздушные и масляные радиаторы для штурмовика Ил-2, для истребителя Як-1, для бомбардировщика Pe-2, водяные радиаторы для танков Т-60 и Т-70; № 704 (село Каменка, районный центр) Наркомата миномётного вооружения (НКМВ) – 45-мм снаряды, 50-мм мины, авиабомбы ФАБ-50, 160-мм мины и оборудование для сельскохозяйственного производства; № 740 (Пенза) НКМВ – 50-мм и 160-мм миномётные мины, авиабомбы ФАБ-50, 50-мм и 82-мм

миномёты и реактивные миномёты М-8 («Катюша»); № 744 (Пенза) НКМВ – 37-мм снаряды, 50-мм и 160-мм миномётные мины, авиабомбы ФАБ-50, спиртоводочную продукцию; № 748 (Кузнецк) НКМВ – 50-мм миномёты и 50-мм мины к ним, авиабомбы ФАБ-50, 160-мм мины, металлообрабатывающие станки; № 807 (Пенза) НКМВ – приборы управления зенитным огнём (ПУАЗО № 3 «СП»), прицелы для 50-мм ротного миномёта и 82-мм батальонного миномёта, часовые минные взрыватели [10, с. 337–343].

В годовых отчётах предприятий информация о руководящих работниках предприятий содержится в минимальных количествах. Более информативными являются приказы наркоматов и заводов. Спецификой отложившегося в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) корпуса документов оборонных предприятий периода Великой Отечественной войны является их неполная сохранность. Годовые отчёты сохранились только в фондах заводов № 740 и № 748, в остальных в наличии имеются только приказы. По заводу № 50 документарная база в ГАПО имеется по 1940 г., поскольку документы за последующие периоды предприятием не были переданы в архив (сохранились только материалы первичной парторганизации в бывшем партархиве, являющемся в настоящее время подразделением пензенского госархива). Для написания статьи были использованы сохранившиеся в фондах заводов № 740 «Пензмаш» (Ф. Р. 1746) и № 748 «Кузтекстильмаш» (Ф. Р. 2128) приказы НКМВ и в фонде завода № 354 «Красный гигант» (Ф. Р. 2503) приказы директора. Основной массив сведений о директорах и начальников цехов автором настоящей статьи был извлечён из материалов фонда обкома (Ф. П. 148) и протоколов первичных парторганизаций отдельных предприятий (Ф. П. 440 – завод имени Фрунзе (ЗИФ) № 50; Ф. П. 3377 – «Пензмаш» № 740).

Необходимо сделать важное уточнение, касающееся имеющейся источниковой базы, рассматриваемой в настоящей статье, которое историки, работающие над данной темой, обычно обходят своим вниманием. К информации документов о степени компетентности и профессиональной пригодности того или иного руководителя следует подходить с осторожностью. В условиях неразберихи и штурмовщины военного времени установленные производственные задания часто не выполнялись. В результате у наркомата и местного партийного руководства появлялось желание свалить все грехи на руководство не оправдавшего надежд предприятия. Пензенские обком и горком ВКП(б), районные партийные комитеты оказывали значительную помощь предприятиям военно-промышленного комплекса. Но необходимо помнить, что обследовавшие работу заводов инструкторы обкомов и горкомов не ставили своей задачей дать будущим

историкам объективную информацию о профессиональных качествах управленцев предприятий. В экстремальной обстановке военного времени необходимо было вскрывать недостатки на заводах и оперативно их устранять, думать о том, как бы не обидеть в докладной записке или отчёте излишне резкими формулировками руководителя было некогда.

Главный инженер и замдиректора эвакуированного ленинградского завода оптического стекла № 354 Г. В. Сафонов в августе 1941 г. сообщал в обком, что выделенная в Никольской Пестровке производственная база «является совершенно неподготовленной для нашего производства» [11, л. 4]. Местный стекольный завод «Красный гигант», на площадку которого осенью 1941 г. эвакуировались ленинградский и изюмский заводы, производил до войны преимущественно столовую посуду, его печи и цеха плохо подходили для выпуска специальных сортов стекла. Пришлось производить кардинальную перестройку производственных помещений и переделку стеклоплавильных печей. Проблема налаживания выпуска военной продукции на заводе № 354 в последние месяцы 1941 г. привлекла пристальное внимание Пензенского обкома ВКП(б). В докладной записке инструктора обкома от 8 ноября 1941 г. приводились факты влияния ошибок руководителей завода «Красный гигант» на производственный процесс: «Затянувшийся организационный период и отсутствие долгое время единого руководства привели к отсутствию трудовой дисциплины не только среди рабочих, но и руководящего состава, и характеризовались срывом графиков работ по отдельным цехам, невыполнением распоряжений директора завода... со стороны директора завода... решительных мер к нарушителям дисциплины... не принималось» [11, л. 21 об.]. В другой докладной записке от 17 декабря 1941 г. ещё более акцентировано обращалось внимание на некомпетентность руководящих кадров предприятия: «Груды выброшенной земли из котлованов, нарытые ямы, канавы и для дела и без дела, большое количество ценного импортного оборудования на заводе и на станции Ночка, ржавеющего под открытым небом... Работа поставлена на самотек, без плана, без контроля... В результате этого завод до настоящего времени ни одного грамма продукции стране не сдал» [11, л. 34, 34 об.]. Между тем внимательное изучение других архивных документов даёт иную картину работы данного предприятия. По графику, утверждённому НКВ, завод должен был начать выпуск оптического стекла 1 октября 1941 г. В октябре начал работу цех № 1 для варки стекла. Цех № 2 по горячей и холодной обработке стекла приступил к работе 30 октября. В октябре выпуска продукции не было. В начале ноября 1941 г. в цехе № 2 производилась разбраковка и отделка

привезённого эвакуированным заводом оптического стекла, было выпущено 1095 кг готовой продукции [11, л. 20 об.–21]. Как видно из приведённой информации, декабрьское утверждение проверяющего, что на предприятии не сдали стране «ни грамма» продукции, было существенным искажением реального положения дел.

Проверяющие обкома упустили самое главное обстоятельство. На заводе в ноябре–декабре 1941 г. интенсивно велась разработка нового способа производства оптического стекла. В течение января 1942 г. удалось добиться внедрения данной технологии. В феврале получили первые 8 тонн готовых оптических заготовок [12, л. 40–41]. Новый способ производства стекла давал возможность сокращения технологического процесса с 22 суток до 6 и снижение расхода электроэнергии и топлива в 1,5–2 раза [12, л. 42]. За самоотверженный труд и успешную организацию производства оптического стекла указом президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1942 г. были награждены: орденом Ленина – главный технолог И. М. Бужинский; орденом Трудового Красного Знамени – директор И. Е. Шаповал, главный инженер И. И. Назаров, главный теплотехник В. Н. Зимин; орденом Красной Звезды – начальник производства Л. И. Демкина; орденом Знак Почёта – начальник цеха Л. С. Рыжов, старший технолог Н. Я. Сулим, начальник отдела капитального строительства В. В. Шамаев [13, л. 44–45]. То есть группа руководящих работников завода № 354 в кратчайшие сроки на неподготовленной базе сумела организовать разработку новой технологии и внедрить её в производство. В то же время по документам инструкторов обкома конца 1941 г. руководство «Красного гиганта» предстаёт нерешительными и некомпетентными людьми, малопригодными для решения стоящих перед предприятием задач.

Аналогичный негативный уклон в оценке управленцев заметен по заводу № 740 «Пензмаш». В сводке по оборонным предприятиям Пензенской области от 4 мая 1943 г. отмечалась «слабость хозяйственного руководства заводом» [14, л. 1 об.]. В более позднем по времени отчёте завод № 740 был назван «отстающим предприятием»: план сентября, октября и ноября 1944 г. был выполнен на 28%, 37%, 43% соответственно. В документе подчёркивалось, что «причиной отставания завода является неумение руководителей организовать работу и обеспечить производство необходимыми материалами» [14, л. 48]. При прочтении данных документов возникает желание поверить в некомпетентность управленцев предприятия. Между тем, на основе проработки значительного количества архивных документов, в первую очередь годовых отчётов «Пензмаша», можно с уверенностью утверждать, что главной причиной периодического невыполнения планов заводом № 740 следует считать непрерывный

процесс освоения новых видов военной продукции. В октябре 1941 г. неожиданным для предприятия стало задание выпускать помимо 50-мм мин ещё миномёты и установки запуска реактивных снарядов М-8 («Катюша»), что потребовало перепланировки цехов и перестановки оборудования. В середине 1942 г. вместо 50-мм миномётов «Пензмаш» стал производить 82-мм миномёты. В 1943 г. после прекращения налаженного выпуска миномётов и мин завод в сжатые сроки успешно освоил изготовление 50-кг авиабомб. В 1944 г. много затруднений на предприятии вызвало освоение производства 160-мм мин [10, с. 338, 342]. В 1943–1944 гг. завод также обязали выпускать запчасти для сельхозтехники и станки. Каждый переход на новое изделие требовал огромного количества организационных мероприятий, освоения новых чертежей, перестановок оборудования, переобучения рабочих. В условиях военного времени подобные мероприятия неизбежно приводили к срывам сроков освоения новой продукции. Ещё одной важной причиной невыполнения плановых заданий «Пензмаша» стало несвоевременное поступление на завод необходимых материалов. Например, в 1942 г. заводы-поставщики задерживали поставки металлических листов и трубок, что негативно отражалось на производственном процессе [15, л. 72 а].

Ещё более наглядно субъективность и предвзятость в оценках заметна в направленном в обком спецсообщении начальника управления НКВД по Пензенской области от 1 января 1942 г. В адрес двух руководителей цехов № 4 и № 9 завода № 50 (ЗИФ) были высказаны обвинения в невыполнении графика выпуска продукции, «преступной халатности», простоях станков, прогулах рабочих [16, л. 3–4]. Возникает вопрос: могли ли руководители цехов в последние месяцы 1941 г. обеспечить выполнение производственного плана? Отчёты предприятия дают исчерпывающий ответ на данный вопрос. В ноябре 1941 г. на недопоставку деталей с завода № 309 в Чапаевске пришлось 52,3% часов простоя предприятия, на отсутствие масел для охлаждения и смазки – 11,2%, стали – 7,2%; в декабре – 46,3%, 5,6% и 22,4% соответственно. Вагоны с деталями из Чапаевска вместо обычных 2–3 дней находились в пути до 15 дней [17, л. 59, 60]. То есть завод № 50 в декабре вынужден был простаивать из-за отсутствия необходимых для производства материалов. В качестве почти анекдотического казуса можно обозначить то, что в конце упомянутого выше спецсообщения, где вся вина за невыполнение плана была возложена на двух начальников цехов, сам руководитель областного НКВД заявил, что «из декабрьской потребности в 4255 тонн стали завод не получил ни одного килограмма» и «из-за отсутствия стали в 9 цехе не работают 123 станка, в 4 цехе 81 станок» [16, л. 4].

Следует также отметить, что один из руководителей цехов, о которых шла речь в спецсообщении НКВД, В. П. Джанполадов, после войны длительное время занимал пост директора ЗИФа; по воспоминаниям современников, он имел непрекаемый авторитет как среди регионального директорского корпуса, так и в министерстве [18, с. 350; 19, с. 58]. Вряд ли из неумелого и слабого руководителя цеха всего через десять лет после войны мог сформироваться выдающийся руководитель.

С учётом приведённых данных можно утверждать, что к оценкам личных и профессиональных качеств руководителей, сохранившимся в отдельных архивных документах, следует относиться с осторожностью и тщательно проверять факты по альтернативным источникам информации.

Назначение на должность руководителя военного завода в 1941–1942 гг. имело свою специфику, которую удачно сформулировал известный исследователь оборонной промышленности Сибири В. Н. Шевченко: «Местные руководители предприятий, на чьих производственных площадях размещалось оборудование прибывших заводов, с самого начала стали отодвигаться на вторые-третьи роли и не могли в дальнейшем оказывать существенное воздействие на организацию хозяйственной деятельности. Хорошо зная местные условия работы, имея устоявшиеся хозяйствственные и личные связи, местные руководители плохо были знакомы или почти не знали специфики военного производства, а в лучшем случае становились помощниками вновь назначенных директоров объединенных заводов по общим, хозяйственным или социальным вопросам» [20, с. 69].

Материалы оборонной промышленности Пензенской области военных лет подтверждают указанную тенденцию. Так, ставший в конце 1941 г. директором «Пензмаша» Н. Д. Павлов ранее занимал пост директора завода «Главтекстильмаш» из города Орёл, эвакуированного в Пензу на площади бисквитной фабрики [21, л. 23]. В данном случае назначение было вполне оправдано: вновь созданный военный номерной завод более целесообразно было возглавить руководителю крупного машиностроительного предприятия, нежели местному начальнику небольшого пищевого производства. Директор «Кузтекстильмаша» 1941–1944 гг. И. В. Спиридовон ранее возглавлял уже освоивший выпуск военной продукции завод № 9 «Текмаш» в городе Орёл, который был эвакуирован в Кузнецк на площадку местного завода «Возрождение» и стал заводом № 748 [22, с. 140, 159]. Осенью 1941 г. нижнеломовский завод № 255 возглавил Ф. Б. Тумаркин (занимал этот пост до 1945 г.), ранее работавший главным инженером завода № 53 до его эвакуации из города Шостки [23, л. 38]. Н. А. Макаров в предвоенный

период работал главным инженером на заводе им. Куйбышева в Симферополе, после эвакуации предприятия в Пензу продолжал занимать эту должность на заводе № 744 [24, л. 47].

Для периода Великой Отечественной войны характерна частая смена руководящих кадров военных предприятий: «Руководителям, обладающим необходимым опытом и специальными техническими знаниями, не хватало организаторских способностей, самостоятельности в принятии решений в экстремальной ситуации. Поэтому не случайно на ряде оборонных предприятий в период становления производства менялось по два-три директора и ведущих специалистов» [20, с. 69]. В завуалированном виде эту тенденцию отмечали и современники. Директор завода № 744 «Пензтекстильмаш» в конце 1942 г. утверждал: «Практика показала, что отдельные технически грамотные руководители, имеющие большой опыт в работе, хорошо работавшие до войны, в теперешних условиях оказались беспомощными, безинициативными, не умеющими самостоятельно преодолевать небольшие затруднения. И, наоборот, из среды рабочих, из рядовых работников выдвигаются свободные и талантливые руководители производства» [25, с. 2].

Можно выделить несколько вариантов смены руководящих кадров предприятий: перевод хорошо зарекомендовавшего себя руководителя на другой завод или на другую работу, отстранение от руководства не спрятавшегося управленца и перевод на более низкую должность.

Директор завода «Красный гигант» И. Е. Шаповал, возглавляя предприятие с 10 февраля 1942 г., 10 сентября 1944 г. сдал дела новому директору В. В. Шамаеву, поскольку был назначен директором завода № 780 (завод оптического стекла, Ленинград) [26, л. 119; 27, л. 269]. В данном случае имел место перевод хорошо себя зарекомендовавшего руководителя завода на другое предприятие аналогичного профиля. Директор «Кузтекстильмаша» И. В. Спиридовон был награждён Орденом Ленина и во второй половине 1944 г. был переведён на партийную работу, после войны работал первым секретарём Ленинградского обкома ВКП(б) [22, с. 141].

В годы войны объективные трудности развития пензенской индустрии усиливались субъективным фактором низкой компетентности и профнепригодности, просчётами и ошибками отдельных руководителей промышленных предприятий, трестов и управленцев областного уровня. Руководитель завода № 740 Н. Д. Павлов весной 1942 г. был снят с должности директора; в апреле документы подписывал уже новый директор С. С. Рубанов [28, л. 42]. Недовольство наркомата руководитель «Пензмаша» вызвал ещё в начале 1942 г., когда приказом НКМВ от 4 февраля «за срыв суточного графика за 3 февраля 1942 г. по машине М-8К» ему был объявлен

выговор [29, л. 34]. После этого завод не справился с выпуском 50-мм мин. Свою позицию в отношении руководителя завода № 740 наркомат обозначил в приказе от 22 февраля 1942 г.: «Директор завода «ПМЗ» тов. Павлов, располагая в производстве мин мощностями, значительно превышающими установленный ГКО план... своей плохой работой срывает выполнение... задания» [29, л. 41].

Недовольство НКМВ имело формальные основания. Согласно данным отчётов предприятия, в феврале 1942 г. 50-мм миномётов было изготовлено 363 шт. (121% плана), установок М-8К – 39 шт. (65% плана), 50-мм мин – 50 тыс. шт. (50% плана) [28, л. 13]. В марте 1942 г. миномётов удалось сделать 707 (101% плана), но по М-8К и миномётным минам задание снова было сорвано: 2 шт. (25%) и 40 тыс. шт. (32,5%) было произведено соответственно [28, л. 32]. Но возлагать всю вину на одного директора в данном случае не совсем правильно. Как указывалось ранее, «Пензмаш» непрерывно осваивал новые виды продукции. Кроме того, из-за отсутствия кокса с 20 марта по 4 апреля 1942 г. литейный цех не работал, поэтому в марте отливку корпусов мин в соответствии с планом «Пензмаш» по объективным причинам выполнить не мог [16, л. 75].

Впрочем, с точки зрения НКМВ, снятый директор был не безнадёжен. Дефицит руководящих кадров, особенно имеющих опыт работы на военном производстве, в годы войны был особенно острый. Н. Д. Павлов был назначен директором другого пензенского завода № 744 «Пензтекстильмаш», на котором проработал почти год до начала лета 1943 г.

Но и второй директор завода № 740 занимал данный пост только с апреля по октябрь. В приказе НКМВ от 6 ноября 1942 г. констатировалось «неудовлетворительное руководство» предприятием руководителем «Пензмаша» С. С. Рубановым, что привело к его освобождению от занимаемой должности [30, л. 354]. Основания для недовольства у наркомата были. Приказом НКМВ от 4 июня 1942 г. заводу было дано задание выпустить в июне 1942 г. первые 50 шт. батальонных 82-мм миномётов, в сентябре выпуск должен был достигнуть 1000 шт. Но за июнь–июль из-за организационных трудностей и допущенных директором ошибок на заводе № 740 не было произведено ни одного 82-мм миномёта. В августе–сентябре было выпущено 152 и 151, в октябре – 325 батальонных миномётов [15, л. 63 об., 64].

Как представляется автору настоящей статьи, существенную роль в освобождении от занимаемой должности Н. Д. Павлова и С. С. Рубанова сыграла напряжённая обстановка на фронтах. Как раз в феврале–марте 1942 г. (когда было решено снять Павлова) успешно начатое в декабре 1941 г. наступление Красной армии закончилось неудачной попыткой 2-й ударной армии прорвать

блокаду Ленинграда, окружением 29-й армии под Ржевом и 33-й армии под Вязьмой. В октябре 1942 г. (когда принималось решение о снятии Рубанова) после глубокого прорыва немецких войск в южном секторе советско-германского фронта напряжённые бои шли на Кавказе и в Сталинграде. Красной армии в 1942 г. заметно не хватало артиллерии (в феврале и марте – ещё и боеприпасов). В этой ситуации увеличение выпуска более простых в изготовлении по сравнению с артиллерийским орудиями миномётов и реактивных миномётов «Катюша» могло существенно повлиять на обстановку на фронтах. Поэтому руководителя предприятия, которое из месяца в месяц срывает выпуск установок М-8, миномётов и миномётных мин, по мнению руководства наркомата, нельзя было оставлять на занимаемой должности. Летом 1944 г., когда Красная армия успешно наступала, заводы № 704, 740, 744 и 748 с большим трудом осваивали выпуск 160-мм мин для нового миномёта. Но ни одного директора перечисленных предприятий НКМВ за срыв графиков выпуска нового изделия от занимаемой должности не освободили.

Серьёзным прегрешением для руководителя в военные годы могло стать предоставление неправильных данных о производстве военной продукции. В протоколе партсобрания 29 октября 1942 г. в числе обвинений С. С. Рубанову предъявлялось сообщение неправильных сведений о выполнении плана за август [31, л. 39, 42–43]. Директор завода № 744 «Пензтекстильмаш» П. Т. Стрельцов приказом НКМВ от 19 января 1945 г. за предоставление в наркомат «неправильных сведений о выполнении производственного плана за ноябрь» был освобождён от занимаемой должности и направлен «на низовую работу» на завод № 807 [32, л. 23].

Освобождение от занимаемой должности руководителей оборонных предприятий в годы Великой Отечественной войны не являлось чем-то экстраординарным. Так, в марте 1942 г. директор Тюменского завода «Механик» НКМВ за срыв заданий по производству 82-мм миномётов и 120-мм мин и брак при производстве 122-мм снарядов был отстранён от занимаемой должности, главному инженеру был объявлен выговор [30, л. 88–89]. Приказом наркома НКМВ от 23 апреля 1942 г. за неумение наладить производство 120-мм мин был снят с работы директор московского завода «Компрессор», являвшегося основным производителем «Катюш» в годы войны [30, л. 106–107]. Осенью 1942 г. были сняты с работы директора заводов НКМВ № 743 (Иваново), № 762 (Тюмень), № 773 (Кострома) [30, л. 354]. На авиазаводе № 153 (Новосибирск) за четыре года войны сменилось три директора [4, с. 97].

Причиной снятия директора мог быть и конфликт с местными партийными властями. Данный сюжет обычно не рассматривается исследо-

дователями, между тем он представляет значительный интерес в аспекте изучения различных сторон взаимодействия в годы войны оборонных предприятий с местными партийными властями краёв и областей. Документы фонда Пензенского обкома ВКП(б) сохранили информацию о директоре завода № 50 С. Ф. Степанове, который в адресованном заместителю председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому письме (датировано 11 декабря 1941 г.) пожаловался на отсутствие помощи со стороны обкома и попытки загрузить завод заказами для других предприятий [33, л. 122–125]. Жалобу директора Степанова (с подчёркнутыми красным карандашом наиболее «выразительными» абзацами) уже 22 декабря переслали в Пензенский обком с указанием за подпись М. Сабурова сообщить о принятых мерах. Реакция секретаря обкома была нервной: в архивном деле сохранились сплошь исчёрканные поправками и вставками страницы черновиков писем секретарю ЦК Г. М. Маленкову и заместителю председателя СНК М. Сабурову, в которых явно сквозит плохо скрываемое раздражение партийного руководителя [33, л. 127–134]. Окончание письма Маленкову более чётко отражало желание руководителя Пензенского обкома ВКП(б): «Тов. Степанов показал себя как... руководитель, не терпящий критики своих недостатков... считаю необходимым поставить вопрос о снятии его с работы директора завода № 50 им. Фрунзе, как не обеспечивающего выполнение задания ГКО» [16, л. 35].

Судя по дальнейшим событиям, в начале 1942 г. идея секретаря обкома снять директора крупнейшего военного завода Пензенской области (численность работников порядка 20 тыс. человек позволяла считать завод № 50 гигантом и по меркам других более индустриально развитых областей и краёв СССР) не нашла поддержки ни в ЦК, ни в Совнаркоме. Рисковать стабильной работой завода, выпускавшего ежегодно от 3 до 5–6 млн взрывателей каждого вида для крупнокалиберных снарядов и авиабомб, никому в Москве в тот момент не захотелось. Не исключено также и вмешательство в данный конфликт руководства Наркомата боеприпасов, которое не хотело терять проверенного управленца. Но руководство обкома не забыло «своевольства» директора ЗИФа. В отчёте о ходе выпуска запчастей для сельхозтехники по Пензенской области в 1944 г. приводилась информация: «За невыполнение задания... в течение трех кварталов тов. Степанов постановлением бюро обкома ВКП (б) был снят с поста директора» [14, л. 45 об.].

Выпуск сельскохозяйственных запчастей в 1944 г. лёг тяжким бременем на пензенскую оборонную промышленность. Четыре наиболее крупных предприятия НКМВ в этом году осваивали выпуск новой продукции (160-мм миномётных мин), все военные заводы были

перегружены военными заказами, не хватало станков, производственных площадей, квалифицированных кадров. План 4 квартала 1943 г. по производству запчастей для тракторов большинством военных заводов Пензенской области был сорван [34, л. 3]. В 1 квартале 1944 г. по выпуску запчастей к тракторам, помимо завода № 50 (83%), план не выполнили № 748 (68%), № 704 (53,8%), № 740 (40,3%) [34, л. 67]. Во 2 квартале ситуация улучшилась, завод № 50 по производству запчастей к сельхозтехнике и отдельно к тракторам план перевыполнил (124,3% и 100,5%), в отстающих по первому показателю находились заводы № 744 (57,1%) и № 748 (25,6%), по второму – № 740 (60,3%), № 748 (46,9%) и № 704 (41,8%) [34, л. 124, 134]. Выполнение плана 3 квартала 1944 г. заводом № 50 было сорвано (52,3%), но вместе с ним низкие показатели были у заводов № 704 (61,4%) и № 740 (75,5%) [34, л. 200].

Таким образом, утверждение указанного ранее документа, что ЗИФ не выполнял задание «в течение трех кварталов» не соответствует действительности: во 2 квартале 1944 г. заводу удалось добиться даже некоторого перевыполнения плана. В 1 и 3 кварталах показатели завода № 50 по выпуску запчастей для сельхозтехники не являлись резко отличающимися от некоторых других оборонных предприятий, например, № 748, № 740, № 704. Отстранение от занимаемой должности директора С. Ф. Степанова (именно по этому основанию – единственного из руководителей военных заводов Пензенской области в годы войны) в данном случае явилось местью партийных руководителей за письмо с жалобой на обком в декабре 1941 г.

Один из современных специалистов по истории танковой промышленности военного периода А. Ю. Ермолов выявил интересную закономерность, касающуюся личности руководителя: «Советскую систему управления часто представляют себе как какую-то машину, где безынициативные нижестоящие слепо и покорно выполняют все приказы вышестоящих... Однако это представление совершенно неверно... Советская система управления, по крайней мере в этот период своего существования, в большей степени была основана на личной инициативе работников руководящего аппарата, чем на инструкциях, спускаемых сверху. При этом руководитель любого уровня часто выходил за пределы своей компетенции, даже нарушил инструкции и указания вышестоящего руководства» [35, с. 271–272]. Другой исследователь обращает внимание на складывающуюся конфронтацию директорского корпуса и местной партноменклатуры, отмечая, что «за годы войны руководители предприятий в условиях, несомненно, намного большей свободы действий, чем до войны, приобрели такую силу и авторитет, что вышли

из-под контроля региональной партийной элиты» [36, с. 165]. Ярким примером подобного выходящего за традиционные рамки поведения в Пензенской области является директор ЗИФа С. Ф. Степанов, который, отстаивая интересы своего предприятия, не побоялся пойти на конфликт с местным партийным руководством.

Помимо директоров, ещё более частая смена кадров характерна для руководящего состава заводских цехов. Высокая сменяемость начальников цехов, отделов и других подразделений на заводе № 740 отмечалась в докладной инструктора горкома, датированной 27 июня 1942 г. [21, л. 23–24]. В частности, с 1 января по 20 июня было освобождено от занимаемых должностей 81 человек и вновь назначено 112, в том числе начальников отделов – 48, начальников цехов – 40 чел. В цехе № 4 сменилось 5 начальников цеха, в цехах № 6 и № 18 – по 4. В выступлении секретаря райкома на партконференции в феврале 1945 г. констатировалось, что на заводе № 50 «сменилось 50% начальников цехов, например в цехе № 34 сменилось от 3 до 5 начальников цехов» [37, л. 106].

Судя по сохранившимся документам, начальников цехов часто переводили на аналогичную должность в другой цех или отдел. В данном варианте это мог быть случай, когда способного руководителя, наладившего производственный процесс на своём участке, бросали на отстающий. Так, в характеристике Г. П. Карташева (завод № 748; август 1942 г.) указывалось: «Тов. Карташев с мая работает начальником цеха № 4, обрабатывающего и выпускающего мины. Зарекомендовал себя до этого на должности начальника цеха № 2 по обработке деталей миномета, как хороший руководитель и организатор, за что правительством был награжден медалью за трудовое отличие... Под его руководством цех из месяца в месяц перевыполняет план...» [24, л. 25].

В отдельных случаях руководители предприятий действовали жестко, убирая не оправдавших их доверие работников. На заводе № 354 помощнику директора И. Г. Григорьеву 16 декабря 1941 г. поручили руководить доставкой дров на завод; приказом 6 января 1942 г. он был отстранён от этой работы, как не справившийся с порученной задачей [26, л. 20, 83]. На заводе № 255 приказом 11 июля 1944 г. был освобождён от занимаемой должности начальник Транспортного отдела; основанием стало пьянство шофёров во вверенном ему подразделении [38, л. 15]. В протоколе партсобрания завода № 50 от 17 августа 1944 г. упоминается смена руководителя в подсобном хозяйстве из-за аморального поведения [39, л. 68].

20 марта 1943 г. в цехе № 3 завода № 255 произошёл взрыв, в результате которого здание цеха было разрушено. От взрыва капсюлей-

воспламенителей и рухнувших потолочных перекрытий погибло 15 работников предприятия. Проведённым расследованием прокуратуры было установлено, что причиной взрыва стало нарушение правил техники безопасности и технологии строительства [23, л. 38–39]. В результате с 26 марта 1943 г. начальником цеха вместо прежнего А. Б. Чуженко был назначен С. И. Петренко [40, л. 1, 67, 267; 41, л. 93].

Подводя итоги исследования, можно сделать выводы о том, что при работе с документальной базой историк должен учитывать субъективизм лиц, обследующих заводы, и сверять материалы их проверок с данными других документов. Общесоюзная тенденция назначения на директорские посты руководителей эвакуированных предприятий находит подтверждение на ряде военных заводов Пензенской области. Несколько руководителей пензенских предприятий были сняты с работы или переведены на другие должности из-за невыполнения планов и предоставление неверных сведений о производстве военной продукции. Директор крупнейшего пензенского завода, написавший жалобу в Совнарком на отсутствие должной помощи со стороны местных партийных властей, лишился в 1944 г. занимаемой должности из-за конфронтации с местной партноменклатурой. Частая смена кадров наблюдалась в рассматриваемый период и на уровне начальников цехов и отделов оборонных предприятий.

В заключение следует констатировать, что директора пензенских предприятий, при всех их ошибках и недостатках, в критический для страны период сумели выполнить главную задачу – обеспечить Красную армию вооружением и боеприпасами. Можно присоединиться к мнению автора одной из удачных монографий по истории тыла в 1941–1945 гг., который подчёркивал: «Во всяком случае... такие люди нашлись и оказались на своём месте. Они в критический период успешно управляли экономикой СССР, спасая страну от гибели» [35, с. 274].

Список литературы

1. Ванчинов Д. П. Военные годы Поволжья. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1980. 326 с.
2. Якунцов И. А. Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пермь : Издательство Пермского университета, 2003. 171 с.
3. Данилов В. Н. Оборонно-промышленный комплекс Саратова в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 102–111.
4. Мухин М. Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М. : Вече, 2011. 352 с.
5. Репинецкий А. И. Военная столица СССР. 1941–1943 гг.: очерки по истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Самара : Научно-технический центр, 2021. 270 с.
6. Войков Е. В. Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации // Российская история. 2020. № 5. С. 142–154. <https://doi.org/10.31857/S086956870012479-7>
7. Гребенюк П. С. Руководящие кадры Дальстроя (1938–1945 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 3. С. 78–102.
8. Калмыков И. А. Сталинский авиапром: «Портрет» руководителя (на материалах Горьковской области) // Псковский военно-исторический вестник. 2017. Вып. 3. С. 165–170.
9. Павлов К. С. Закономерности и особенности становления директорского корпуса уральской индустрии (1928–1950 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 23 (161). Вып. 33. С. 119–124.
10. Войков Е. В. Перестройка работы промышленности // История Пензенского края : в 3 т. Т. 3. Пензенский край в XX – начале XXI века / под ред. О. А. Суховой. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. С. 337–351.
11. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П. 148 (Пензенский обком КПСС). Оп. 1. Д. 532.
12. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 735.
13. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 729.
14. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 988.
15. ГАПО. Ф. Р. 1746 (Акционерное общество открытого типа «Пензмаш»). Оп. 1. Д. 5 в.
16. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 656.
17. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 731.
18. Кайзер Л. Н., Шишкин И. С. Джанполадов // Пензенская энциклопедия / под ред. А. Ю. Казакова : в 2 т. Т. 1 : А–М. Пенза : Областной издательский центр, 2019. С. 350.
19. Щербаков А. «Это мой взгляд...». О друзьях и товарищах. Пенза : Издание Института региональной политики, 2003. 176 с.
20. Шевченко В. Н. История создания и деятельность оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2017. 318 с.
21. ГАПО. Ф. П. 37 (Пензенский горком КПСС). Оп. 1. Д. 867.
22. Кузнецкий завод текстильного машиностроения. История завода. К 100-летию со дня основания. Рукопись // Кузнецкая центральная городская библиотека имени А. Н. Радищева. URL: <http://kuzbibliok.ru/литература-о-кузнецке/> (дата обращения: 12.01.2025).
23. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 1095.
24. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 730.

25. Павлов Н. Кадры решили успех // Сталинское знамя. 30 декабря. 1942.
26. ГАПО. Ф. Р. 2503 (Федеральное государственное унитарное предприятие Никольский завод «Красный гигант»). Оп. 1. Д. 88.
27. ГАПО. Ф. Р. 2503. Оп. 1. Д. 121.
28. ГАПО. Ф. Р. 1746. Оп. 1. Д. 5 а.
29. ГАПО. Ф. Р. 2128 (Кузнецкий завод текстильного машиностроения «Кузтекстильмаш»). Оп. 1. Д. 8.
30. ГАПО. Ф. Р. 1746. Оп. 1. Д. 3 е.
31. ГАПО. Ф. П. 3377. Оп. 1. Д. 23.
32. ГАПО. Ф. Р. 2443 (Открытое акционерное общество «Промсервис»). Оп. 1. Д. 16.
33. ГАПО. Ф. П. 148. Оп. 1. Д. 529.
34. ГАПО. Ф. Р. 2128. Оп. 1. Д. 30.
35. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Б. и., 2009. 310 с.
36. Сизов Д. А. Деятельность руководителей предприятий оборонно-промышленного комплекса Южного Урала в условиях научно-технической революции 1945–1965 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4. С. 164–167.
37. ГАПО. Ф. П. 440 (Первичная парторганизация завода имени Фрунзе). Оп. 1. Д. 960.
38. ГАПО. Ф. Р. 2513 (Арендное предприятие Нижнеломовский электромеханический завод). Оп. 1. Д. 3 б.
39. ГАПО. Ф. П. 440. Оп. 1. Д. 817.
40. ГАПО. Ф. Р. 2513. Оп. 1. Д. 2 а.
41. ГАПО. Ф. П. 296 (Первичная парторганизация Нижнеломовского электромеханического завода). Оп. 1. Д. 14.

Поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 10.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 421–426

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 421–426

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-421-426>, EDN: ZRNTSW

Научная статья

УДК [322:277.4](470.44)|19/20|

К вопросу о взаимоотношениях государства и евангельских христиан-баптистов (на примере Саратовского Поволжья)

Ж. В. Яковлева

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, zhanna.yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений государства и евангельских христиан-баптистов на протяжении истории их существования в Саратовском Поволжье. Эти взаимоотношения прошли сложный и противоречивый путь от неприятия их русской православной церковью и государством до включения религиозной общности в социальную жизнь общества. Идеи и деятельность общности на современном этапе истории закрепились в обществе и стали нормой в результате постепенного смещения окна дискурса. В результате этого процесса со временем у евангельских христиан-баптистов появилась возможность высказывать и отстаивать идеи, которые раньше считались радикальными или неприемлемыми.

Ключевые слова: евангельские христиане-баптисты, Саратовское Поволжье, государственно-конфессиональные отношения, XX–XXI века, межконфессиональный диалог

Для цитирования: Яковлева Ж. В. К вопросу о взаимоотношениях государства и евангельских христиан-баптистов (на примере Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 421–426. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-421-426>, EDN: ZRNTSW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the question of relations between the state and evangelical Christians-Baptists (on the example of the Saratov Volga region)

J. V. Yakovleva

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between the state and Evangelical Christians-Baptists throughout the history of their existence in the Saratov Volga region. These relationships have gone through a complex and contradictory path from their rejection by the Russian Orthodox Church and the state to the inclusion of the religious community in the social life of society. The ideas and activities of the community at the present stage of history have become entrenched in society and have become the norm as a result of a gradual shift in the window of discourse. As a result of this process, over time, Evangelical Christians-Baptists have had the opportunity to express and defend ideas that were previously considered radical or unacceptable.

Keywords: Evangelical Christians-Baptists, Saratov Volga region, state-confessional relations, XX–XXI centuries, interfaith dialogue

For citation: Yakovleva J. V. On the question of relations between the state and evangelical Christians-Baptists (on the example of the Saratov Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 421–426 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-421-426>, EDN: ZRNTSW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История русского баптизма, начавшаяся с крещения Никиты Воронина немецким баптистом Мартином Кальвейтом в Тифлисе 20 августа 1867 г., является ярким примером религиозного движения, преодолевшего значительные препятствия на пути к свободному существованию.

Крещение Никиты Воронина стало символом начала длинного и сложного пути, который

привел к формированию одной из крупнейших протестантских конфессий в России. Воронин, изначально молоканин по вероисповеданию, был своеобразным мостом между уже существовавшими в России религиозными группировками и западным баптизмом, принеся с собой уникальный синтез верований и традиций [1].

Первые исследования, посвященные русскому баптизму, появились в конце XIX в. Они были написаны представителями русской православной церкви и носили полемический характер. В этих работах баптизм рассматривался как еретическое учение, а его распространение в России – как угроза православию. Одним из первых исследователей русского баптизма был православный миссионер протоиерей Т. И. Буткевич. В своих работах он подвергал критике баптистов за их отказ от православной традиции и баптистские идеи [2]. Другим подобным примером может служить книга протоиерея Иоанна Смолина, изданная в 1911 г. [3]. В этот же период появились работы, написанные самими баптистами или сочувствующими им авторами. Эти исследования носили апологетический характер и были направлены на защиту прав баптистов и объяснение их учения. Одна из первых попыток баптистов написать свою историю – «Очерк истории, церковного устройства и принципов баптистских общин» Василия Гурьевича Павлова [4, с. 322].

После Октябрьской революции 1917 г. отношение к баптистам изменилось. Баптистские общины были объявлены контрреволюционными организациями, а их деятельность была запрещена. В этот период исследования русского баптизма практически прекратились. Многие материалы были засекречены или уничтожены. Однако некоторые исследователи продолжали изучать историю баптистского движения, несмотря на идеологические ограничения. Примером таких исследований может служить работа А. И. Клибанова «История религиозного сектантства в России», изданная в 1965 г. Его исследование помогло понять особенности развития баптистских общин в условиях советской власти [5].

С распадом Советского Союза и изменением политической ситуации в стране, исследования по истории русского баптизма получили новый импульс. Появилось множество работ, посвященных истории, идеологии и деятельности баптистских церквей в России. Среди наиболее значимых работ этого периода можно выделить труды Л. Н. Митрохина, который провел глубокое исследование истории и идеологии баптизма [6].

Современные исследователи продолжают изучать различные аспекты русского баптизма, такие как его история, идеология, социальная деятельность и взаимодействие с государством. Среди наиболее значимых авторов можно выделить С. Н. Савинского [7], Ю. С. Грачева [8] и других.

Таким образом, историография русского баптизма прошла долгий путь от полемических работ начала XX в. до научных исследований современного периода. Современные авторы стремятся к объективному изучению этой темы, учитывая как исторические, так и современные аспекты развития баптистских общин в России.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи наблюдалось притеснение баптистов

со стороны государственной власти и Русской Православной Церкви. Эти преследования, нередко проявлявшиеся в жестоких действиях, затрагивали не только самих баптистов, но и сторонников других протестантских деноминаций.

Первый съезд русских баптистов, прошедший в 1884 г. в Нововасильевке, стал важным событием, которое ознаменовало создание Союза русских баптистов Южной России и Кавказа. Эта организация была основана с целью противостоять религиозным преследованиям. Таким образом, баптисты пытались создать единую платформу для защиты своих прав и свобод вероисповедания в условиях жесткого давления со стороны государства и церкви.

Ситуация резко изменилась после событий 1905 г. Царский Указ «Об укреплении начал веротерпимости» и Октябрьский Манифест, провозгласивший свободу совести, дали баптистам долгожданную возможность легальной деятельности. Это сразу же отразилось на жизни общин: они получили право на официальную регистрацию, проведение съездов и миссий, издание духовной литературы и проведение публичных собраний [9, с. 257–258]. Однако эта относительная свобода была недолговечной.

Наступление Первой мировой войны снова привело к возобновлению преследований. Государственный аппарат, сосредоточившийся на военных усилиях, стал менее терпимым к любым проявлениям инакомыслия, включая религиозное. Гонения прекратились только после Февральской революции 1917 г., отметившей начало краткого периода религиозной свободы для баптизма в России.

Примечательно, что еще до Октябрьской революции большевики, несмотря на свою атеистическую идеологию, выражали протест против гонений на баптистов, видя в этом проявление несправедливости и нарушения прав человека. Израильский советолог Михаил Агурский в 1980 г. писал: «религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов, несмотря на кажущуюся противоположность» [10, с. 26]. Агурский упоминает о поддержке большевиками некоторых протестантских деноминаций, таких как баптисты, евангелисты и адвентисты седьмого дня. Эта поддержка, однако, не носила характера идеологического союза. Она была скорее инструментом достижения политических целей. Большевики видели в этих группах потенциальных союзников в борьбе против существующего строя, игнорируя теологические различия ради достижения своей революционной цели.

Саратовское Поволжье отличалось конфессиональным многообразием, и представители баптизма являлись частью религиозной жизни губернии. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., среди малочисленных религиозных общин в Саратовском Поволжье выделялись баптисты, которые составляли

827 человек, т. е. 0,03% всего населения региона [11, с. 76–77; 12, с. 56–57].

В Саратове на 23 октября 1918 г. была зарегистрирована одна баптистская община [13, л. 60]. В первые десять лет после Октябрьской революции 1917 г., особенно в период НЭПа, наблюдался стремительный рост и географическое распространение их общин по стране, русские протестанты пользовались относительной свободой. В 1920-е гг. евангельские христиане-баптисты, пользуясь конституционным правом на религиозную пропаганду, открывали новые собрания, выпускали литературу и периодические издания.

18 ноября 1921 г. Народным комиссариатом юстиции был выпущен циркуляр под номером 7320, в рамках которого региональным властям предписывалось в течение двух недель собрать и систематизировать данные о сектах, действующих на территории губернии. Особое внимание в циркуляре уделялось необходимости детального анализа уставов каждой секты для выявления их уникальных особенностей [13, л. 27]. Таким образом, несмотря на лояльность к некоторым религиозным организациям, они оставались под пристальным вниманием властей.

По архивной статистике на 1 октября 1925 г. в Саратовской губернии было зарегистрировано 15 баптистских организаций верующих [14, л. 35].

С 1929 г. все конфессии, деноминации и другие религиозные организации стали объектом антирелигиозной кампании, начались масштабные гонения на религию. Это проявлялось в активной антирелигиозной агитации и пропаганде, конфискации молитвенных зданий, лишении регистрации религиозных общин, а также репрессиях в отношении духовенства, религиозных лидеров и простых верующих. Советское руководство пошло на ряд законодательных инициатив, включая Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [15], которое значительно упростило процедуру закрытия молитвенных домов и храмов всех конфессий и деноминаций, а также прочих религиозных групп. Таким образом, происходило систематическое подавление религиозной жизни и применялись карательные меры в отношении религиозной активности.

В 1920–1930-е гг., несмотря на репрессии со стороны государства, в Балашовском районе Саратовского Поволжья были активно представлены различные религиозные направления, такие как баптисты, молокане, субботники, адвентисты, сионисты, хлысты и толстовцы. Всего было зарегистрировано более 3 тысяч последователей сект. Местные власти отмечали, что это лишь «активисты», и установить полную численность религиозных групп невозможно. Большинство баптистов проживало также в Саратовском, Новоузенском, Вольском и Екатериновском районах. Баптистские общины получали центрально издаваемый в СССР журнал «Баптист» и другую литературу, значи-

тельная часть которой поступала из-за границы [16, л. 48; 30, с. 31].

В 1927 г. в Саратовской баптистской общине, насчитывавшей около 180 членов, примерно 20% составили рабочие. Главой общины был Мароков, которого Саратовский губком описал как «хитрого и пронырливого». Внутренние противоречия и разногласия также способствовали расколам внутри религиозных групп, как, например, отделение прохановцев в 1925 г. [17, л. 13; 30, с. 31–32].

К концу 1920-х гг. в Саратовском Поволжье баптистские общины в основном были сформированы из людей со средним и низким достатком. Зажиточные крестьяне составляли около 20–40% общины. Многие из этих общин функционировали в форме производственных кооперативов, создавая как продовольственные, так и промышленные товары. Так, в Летяжевке и Малиновке Балашовского района баптистские кооперативы занимались производством сыра и ткачеством [18, л. 94; 30, с. 32].

Баптисты и молокане в Саратовском Поволжье активно противодействовали советской системе образования. Культурному походу в деревне они противостояли свою собственную программу «ликвидации библейской неграмотности», обучая своих прихожан основам христианской веры. Библейские школы-передвижки в сопровождении хоровых и музыкальных кружков побывали в Ртищево, в селах Нарышкино, Макарово, Львовка, Большая Грязнуха и др. населенных пунктах [19, л. 48; 30, с. 32].

Комсомольской и пионерской организациям, являвшимся опорой советской власти среди молодежи, баптисты и молокане противостояли собственные молодежные и детские организации. Вместо комсомола возникла организация «христомол», а вместо пионерской – «христианские зернышки» или «белые пионеры» [19, л. 48 об.; 30, с. 32–33].

В партийных отчетах из местных региональных архивов баптисты встречаются чаще, чем другие протестантские общины, что связано, скорее всего, с их многочисленностью в регионе и более агрессивным сопротивлением антирелигиозной политике советского государства. Для усиления влияния на молодежь баптисты и молокане выступали с агитацией и пропагандой своего вероучения перед школьниками, обучающимися техникумов и вузов. Евангельские христиане-баптисты не принимали участие в советских мероприятиях: посещение театра или кино, обращение в советский суд [19, л. 48]. Жесткая позиция баптистов и молокан по отношению к компромиссам с советской властью – исключение из общины. Эти религиозные общины создавали свою систему ценностей, параллельную советской, отвлекая верующих от влияния идеологии коммунизма.

В 1928 г. среди баптистских общин распространялось письмо, в котором содержались такие строки: «Мы, проповедники Евангелия в СССР,

находимся в огненном кольце антихриста окружения <...> для того, чтобы побеждать врага нам нужно овладеть его оружием, изучить его приемы, тактику, методологию. Мы, проповедники Евангелия, в условиях переживаемого момента должны заняться серьезным и основательным изучением безбожной печати и литературы» [20, л. 38].

Деятельность евангельских христиан-баптистов часто поощрялась и приветствовалась населением, а советские массовые культурно-просветительские мероприятия часто не воспринимались [14, л. 34].

После серьезных репрессий 1930-х гг. баптисты, как и многие религиозные группы, деноминации и конфессии ушли в подполье, однако за их численностью и деятельностью продолжало пристально следить управление НКВД [21, л. 1–3].

Из отчета Саратовского облсовета за 1940 г. следует, что наиболее религиозными районами оставались Ершовский, Аркадакский, Самойловский, Екатериновский, Вольский, Пугачевский, Ворошиловский и Ртищевский [22, л. 94]. В Балашове, Баланде, Волжском районе присутствовали общины баптистов, субботников, хлыстов, молокан, голубцов, а наиболее активно проявляли западно-христианские общины [22, л. 37].

Великая Отечественная война – совершенно новый период государственно-конфессиональных отношений. Все конфессии, которые сохранились в СССР, в том числе в Саратовском Поволжье, в «осколочном состоянии» призывали верующих мобилизовать все свои силы на борьбу с фашистами и всячески оказывать поддержку советской власти в этой войне. Председатель Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) М. А. Орлов проводил патриотические собрания, на которых призывал верующих идти добровольцами в Красную армию, участвовать в сборах пожертвований для нужд фронта [23, с. 45].

Советское правительство начало сотрудничество с христианскими объединениями, так как множество баптистов находилось в Америке и Англии. Вероятно, это было сделано для повышения имиджа СССР в глазах потенциальных союзников во время Второй Мировой войны. В мае 1942 г. евангельские христиане получили разрешение на объединение оставшихся общин в общий союз. В октябре 1944 г. в Москве был основан Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов.

Вскоре после создания Временного совместного совета евангельских христиан и баптистов было направлено обращение ко всем христианам мира с призывом объединиться в борьбе с фашизмом. Также было написано второе письмо к евангельским христианам и баптистам внутри страны [24].

В течение войны в Саратовском Поволжье были поданы 12 просьб открыть молитвенные дома от различных религиозных групп, но к концу 1945 г. ни одна из просьб не была удовлетворена [25, л. 50].

Обращения баптистов из Ртищево и Энгельса игнорировались, поскольку помещения были признаны непригодными [25, л. 28]. В Саратовской области на конец 1945 г. осталось 22 группы верующих различных конфессий, включая 6 евангельских христиан-баптистов [25, л. 30].

Отказ в ходатайстве о регистрации молитвенных домов в Ртищево и Энгельсе в 1946 г. и нерешенность этой проблемы к 1953 г., несмотря на существование неофициальных собраний до 120 человек, наглядно демонстрирует препятствия, с которыми сталкивались нетрадиционные религиозные группы [26, л. 89].

Докладная записка секретаря Татищевского райкома Хазова о том, что баптистская община в ст. Курдом состояла исключительно из молодежи, подчеркивает особое внимание властей к религиозной активности среди молодого поколения, которое считалось особенно уязвимым для идеологического влияния. В 1947 г. вернулся руководитель секты баптистов, осужденный на 10 лет, и снова занялся религиозной деятельностью [27, л. 27].

Существование лишь одной зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов в Саратове в 1948 г., при одновременной подаче ходатайств об открытии храмов в Хвалынске, Балашове и Вольске (белокриницкой иерархии и беглопоповцев), которые так и не были удовлетворены даже на уровне Совета по делам религиозных культов, свидетельствует о систематическом ограничении деятельности религиозных организаций. Так, за 1946–1953 гг. в Саратовской области религиозным меньшинствам удалось добиться открытия всего лишь двух молитвенных зданий [28, л. 137].

Православная церковь, хотя и находилась под строгим контролем, пользовалась значительной большей свободой действий, чем, например, баптисты, старообрядцы или мусульмане. Это объясняется стратегическим значением Русской православной церкви в идеологической борьбе и попыткой использовать ее как инструмент государственной политики. Однако и Русская православная церковь не была застрахована от давления и репрессий – просто форма этого давления и его интенсивность отличались от того, с чем сталкивались другие конфессии.

Хрущевская антирелигиозная кампания усилила давление на баптистов. В декабре 1959 г. на Пленуме Всесоюзного совета евангелических христиан-баптистов «в обстановке давления со стороны внешних сил» были приняты два документа: «Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» [29] и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам Всесоюзного совета евангелических христиан-баптистов» [1].

Под давлением властей религиозные лидеры были вынуждены запретить собрания иностранных проповедников, групповую молитву в домах, поездки в другие общины и т. д. Пресвитерам

рекомендовали сократить количество проповедей, что шло вразрез с убеждениями евангельских христиан-баптистов. Недовольство этими решениями, наряду с общей оппозицией к антирелигиозной кампании, привело к созданию нелегального Совета церквей евангелических христиан-баптистов [30, с. 221].

Постепенно многие религиозные группы прекратили свое существование, например, пятидесятники в Саратове, Новоузенске, Энгельсе, Хвалынске, баптисты, старообрядцы и мусульмане в ряде районов области [31, л. 24].

Несмотря на действия, направленные борьбу с религиозными организациями, многие общины продолжали собираться нелегально, отправляя прошения о регистрации в различные инстанции. Однако если в 1930-х гг. атеистическая борьба была нацелена на физическое уничтожение религиозных организаций, то хрущевские гонения осуществлялись путем административного пресинга и воздействия, давления на верующих и изображение последних в малопривлекательном виде в глазах населения.

С 1958 г. кампания усилилась. Арнгольд – лидер адвентистов из г. Энгельса Саратовской области, активно пропагандировал объединение с баптистами, однако встречал сопротивление со стороны последних. На конец 1950-х гг. в регионе насчитывалось 10 незарегистрированных баптистских общин. Среди общин были и такие, численность которых превышала 70 человек, например в Энгельсе. Самая маленькая группа, всего 8 человек, существовала в с. Новый Сакур Татищевского района [31, л. 28–29].

В Саратове в конце 1950-х гг. действовали две баптистские группы под руководством Щелокова и Краснова, общая численность которых достигала 240 человек [31, л. 39]. Баптисты продолжали быть наиболее многочисленными общинами среди других религиозных организаций в области [31, л. 29].

По Союзу возникло движение «инициативников», выступавших за свободу религиозной пропаганды и миссионерской деятельности. Появление в 1961 г. инициативной группы евангельских христиан-баптистов положило начало движению, в ходе которого была сформирована церковная организация, альтернативная ВСЕХБ [32, с. 123].

В Саратове баптистские общины не были едины. Существовала вражда между общинами Щелокова и Краснова в Саратове. Вражда между ними была основана на том, что сторонники Краснова добивались официальной регистрации общин, а Щелоков считал это приспособлением, противоречащим духу веры: «Зарегистрированные не Богу служат, а дьяволу», – заявлял он [32, с. 123].

Таким образом, период с 1941 до середины 1950-х гг. не характеризовался безусловной лояльностью государства к религии в целом. Государственно-конфессиональная политика была крайне селективной, и предпочтение отдавалось Русской православной церкви, несмотря на крайне жесткий

нажим в 1930-е гг., и ограничивая деятельность всех остальных религиозных организаций. Хотя формально наблюдался рост числа общин, этот рост происходил в условиях постоянного контроля и давления, что не позволяло свободному развитию религиозной жизни в СССР. Это было время тонкого баланса между использованием религии в государственных целях и попытками ограничить ее влияние. Скрытая идеологическая борьба продолжалась, и прикрытие под «лояльностью» было лишь временной тактикой.

На сегодняшний день общая численность евангельских христиан-баптистов на территории постсоветского пространства превышает 400 тысяч человек.

Российский Союз евангельских христиан-баптистов объявил 2025 г. Годом мира и единства, подчеркнув необходимость мира и сплоченности в обществе. Председатель Союза Петр Мицкевич призвал верующих активно молиться за мир и прощение.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл неоднократно подчеркивал важность межконфессионального диалога и взаимного уважения, говоря о необходимости относиться ко всем людям, вне зависимости от их вероисповедания, с любовью и уважением, как к ближним.

В частности, Патриарх высоко оценил моральные позиции евангельских христиан-баптистов, отметив их близость к догматам Русской Православной Церкви, особенно в вопросах святости брака и семьи, традиционных ценностей и воспитания подрастающего поколения. Это сходство в подходах, несмотря на теологические нюансы, является важным фактором для построения конструктивного взаимодействия между двумя конфессиями.

Церковь евангельских христиан-баптистов в Саратове представляет собой яркий пример активного участия религиозной организации в общественной жизни города. Она функционирует не только как центр духовной жизни для верующих, проводя регулярные богослужения, но и как значимая культурная площадка. Евангельские христиане-баптисты – самая многочисленная протестантская конфессия в Саратовской области, которая объединяет более 15 церквей [33].

В заключение стоит отметить, что в конце XIX и начале XX вв. баптисты в Российской империи подвергались преследованиям со стороны властей и Русской православной церкви. После Октябрьской революции, особенно в период НЭПа, они испытывали относительную свободу. Однако в 1930-х гг. все конфессии и религиозные группы стали жертвами антирелигиозной кампании. Тем не менее с началом Великой Отечественной войны, несмотря на предыдущие гонения, религиозные общины, в том числе и в Саратовском Поволжье, призывали своих прихожан бороться с фашизмом и поддерживать советское руководство. В ходе антирелигиозной кампании при Хрущеве

давление на баптистов вновь возросло, что подчеркивает неустойчивость религиозной свободы того времени. С 1941 г. до середины 1950-х гг. не наблюдалось однозначной лояльности к религии. Начиная с конца 1980-х гг., отношение к баптистам изменилось в сторону большей свободы. В настоящее время в Российской Федерации баптистам гарантируется право на свободу совести и вероисповедания согласно статье 28 Конституции.

Список литературы

1. Протестанты земли российской // Централизованная религиозная организация Российский союз ЕХБ. URL: <https://baptist.org.ru/about/our-history> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Буткевич Т. И. Штундо-баптизм. Харьков : Тип. Губернского правления, 1909. 36 с.
3. Смолин И. В. Краткие исторические сведения о русских сектах и их вероучении. СПб. : Типо-литография т-ва «Свет», 1911. 64 с.
4. Павлов В. Г. Правда о баптистах. Очерк истории, церковного устройства и принципов баптистских общин // Баптист. 1911. № 41. С. 322–325.
5. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. (60-е годы XIX век – 1917). М. : Наука, 1965. 344 с.
6. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность: философско-социологические очерки. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 480 с.
7. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. СПб. : Библия для всех, 1999. 424 с.
8. Грачев Ю. С. В Иродовой бездне. Коломна : Изд-во Благовестник, 1993. 890 с.
9. Указ «Об укреплении начал веротерпимости». 17 (30) апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург, 1908. Т. 25, отд. 1. № 26125. С. 257–258.
10. Азурский М. С. Идеология национал-большевизма. Paris : YMCA-PRESS, 1980. 321 с.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII : Саратовская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 250 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. XXXVI : Самарская губерния. 201 с.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-546 (Губернский отдел юстиции). Оп. 1. Д. 145.
14. ГАСО. Ф. Р-522 (Нижневолжский краевой исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 73.
15. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1929 г. № 35, ст. 353. М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. С. 474–483. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357676-sobranie-uzakoneniy-i-rasporyazheniy-rabocheskrestyanskogo-pravitelstva-rsfsr-za-1929-g-locale-nil-24-42-otdel-pervyy#mode/inspect/page/146/zoom/4> (дата обращения: 01.01.2025).
16. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 55 (Нижневолжский крайком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 79.
17. ГАНИСО. Ф. 27 (Саратовский губком ВКП(б)). Оп. 4. Д. 729.
18. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113.
19. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111.
20. Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф. Р-998 (Совет народных комиссаров Автономной Советской Социалистической республики немцев Поволжья). Оп. 1 д. п. Д. 101.
21. ГАНИСО. Ф. 6160 (Областной совет СВБ). Оп. 1. Д. 52.
22. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42.
23. Королева Л. А., Королев А. А., Артемова С. Ф. Власть и евангельские христиане – баптисты в России 1945–2000 гг. Эволюция взаимоотношений. Пенза : ПГУАС, 2013. 336 с.
24. Патлань Ю. В. «Ибо слово Господне право и все дела Его верны»: из истории Красноворотской общины евангельских христиан в Москве // Научно-культурологический журнал RELGA.RU. 2018. № 06 (339). URL: <https://relga.ru/articles/5419/> (дата обращения: 01.01.2025).
25. ГАНИСО. Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). Оп. 1. Д. 4774.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1761.
27. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1080.
28. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 665.
29. Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР // Русский баптист. URL: <http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/scecb/polozhen.htm> (дата обращения: 02.02.2025).
30. Яковleva Ж. В., Гусева Я. Ю. Церковь в стране Советов: государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в 1920-е – 1960-е годы. Саратов : Техно-Декор, 2023. 336 с.
31. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4849.
32. Глушаев А. Л. Несогласные: региональные особенности движения баптистов-инициативников в первой половине 1960-х гг. (на материалах Пермской области) // Вестник ПСТГУ. Вып. 2 (25). 2014. С. 123–133.
33. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл ответил на вопросы протестантов // Протестант.ру. URL: <https://www.protestant.ru/read/article/62394> (дата обращения: 15.09.2024).

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025

ISSN 1819-4907

25003

9 771819 490702

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2025.
Том 25, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

